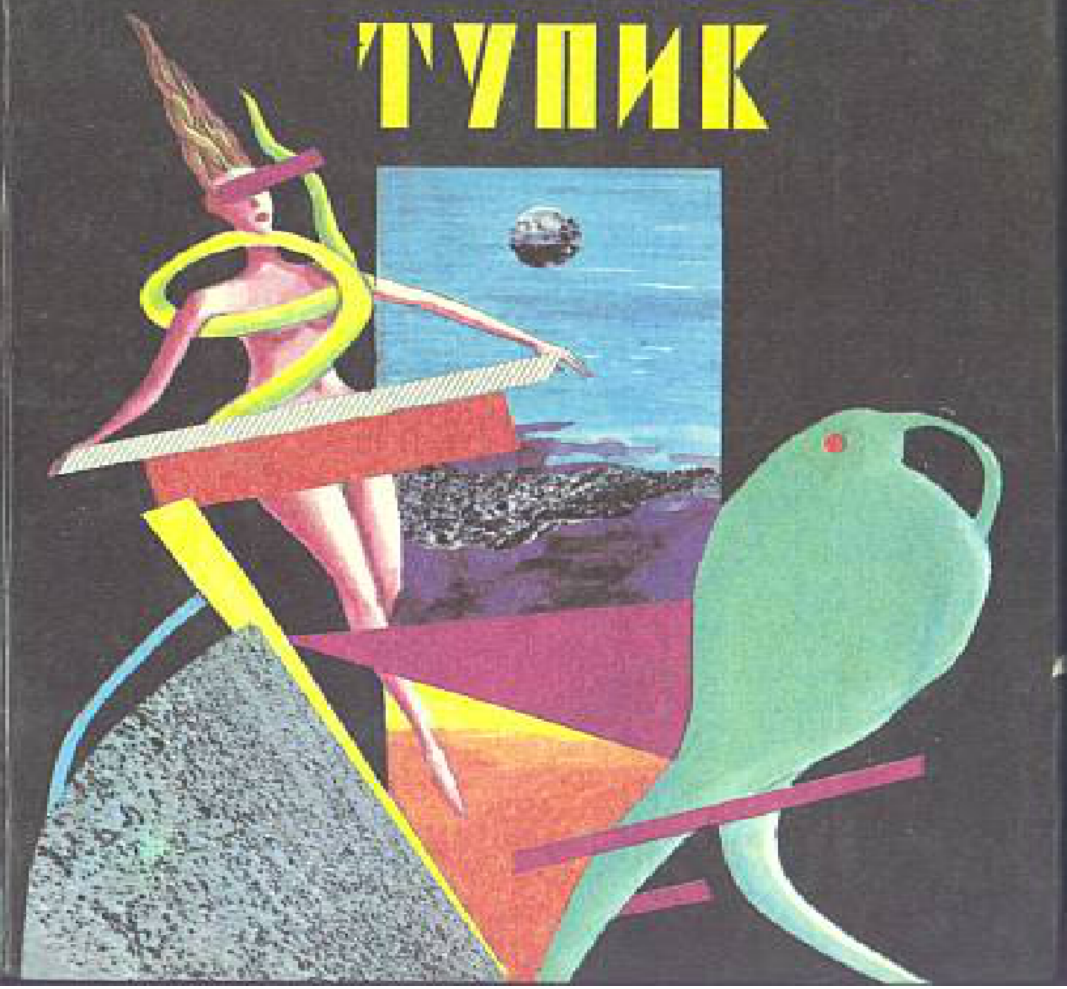
Филипп К. Дик

Гибельный тупик



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Philip K. Dick *Do Androids Dream Of Electric Sheep?* 1963

Филип К. Дик «Снятся ли андроидам электроовцы?» // сб. «Гибельный тупик» / Перевод с английского. — Калининград.: РИФ «Российский Запад», 1993—435с., илл. / Перевод с английского В.Жураховского, иллюстрации В. Пасичника.

После ядерной войны Земля превратилась в выжженную, умирающую пустыню. Вымерли почти все животные. Большинство людей давно перебрались на другие колонизированные планеты солнечной системы. Те же, кто был вынужден остаться, влачат жалкое, унылое существование в городах, тоже приходящих в упадок. Один из таких людей — Рик Декард — профессиональный охотник на андроидов. Рик получает задание выследить и уничтожить нескольких беглых андроидов, нелегально прибывших на Землю. Но в ходе охоты у него невольно возникают сомнения. Рик задаётся вопросом — а гуманно ли это, уничтожать андроидов?

- Филип К. Дик
  - Филипп Дик — Электропастух
  - Снятся ли андроидам электроовцы?
    -
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

- 21
- 22
-

Филип К. Дик
«Снятся ли андроидам электроовцы?»

Филипп Дик — Электропастух

Один из величайших писателей-фантастов современности Филипп Киндред Дик родился вместе с сестрой-близнецом Джейн 16 декабря 1928 года в Чикаго в семье Джозефа Эдгара и Дороти Киндред Дик. Однако в возрасте чуть больше года сестра умерла, да и сам Филипп был на волосок от гибели. Большую часть своей жизни он прожил в Калифорнии, в Сан-Франциско и Беркли, где учился в Калифорнийском университете. Необыкновенно одаренный человек, он, тем не менее, не закончил учебы и вынужден был оставить университет из-за антивоенных убеждений. Особое место в его жизни занимала классическая музыка. Еще подростком он начал работать на одной из местных радиовещательных станций. С 1948 по 1952 годы работал в музыкальном магазине.

Разнообразные интересы писателя и его активная гражданская позиция приводили его к участию в работе разнообразных организаций, начиная от «Института защиты животных» до «Писатели-фантасты Америки». Признание не сразу пришло к нему. Первым отметил творчество Дика Станислав Лем в *«Фантастике и футурологии»*, американские критики спохватились слишком поздно и, по-существу, проспали крупнейшего писателя-фантаста Америки. И это отсутствие внимания и, как следствие, отсутствие рекламы очень повредило Ф. Дику на начальном этапе его писательской карьеры.

Он долгое время бедствовал, испытывая острые финансовые затруднения. Ведь прожить на гонорары писателя в 50-е годы было немыслимо. Только очень знаменитые авторы могли позволить себе жить «на вольных хлебах». Тем не менее, Дик «роскошествовал». Это стоило ему здоровья, жить приходилось впроголодь, а когда он тяжело заболел, то оказался в совершенно катастрофическом положении. И чтобы он делал, если бы не дружеская бескорыстная помощь Р. Хайнлайна. Все свое свободное время Дик тратил на литературу. И не было для него судьи более строгого, чем он сам.

Свыше 30 романов и 110 рассказов были написаны всего лишь за двадцать лет. Но какие! Ни одно из произведений писателя не может быть оценено ниже среднего мирового уровня, а некоторые из них настолько выше, что являются сами по себе наилучшим возражением тем литераторам, которые пытаются определять фантастику, как литературу второго сорта.

Даже если бы Ф. Дик не написал ничего большего чем *Затворних из горной твердыни, Убик, Снятся ли андроидам*

электроовцы?, уже одного этого хватило бы для того, чтобы считать его великим писателем-фантастом, одним из столпов жанра. В своих произведениях Ф. Дик ввел в оборот такую массу новых идей, ситуаций, совершенно необычных трактовок уже известных сюжетов, что заставил писателей, работающих в жанре НФ, по-новому использовать старые сюжеты и темы. Поэтому, его называют прежде всего открывателем новых путей в фантастике.

В одном из своих интервью Дик высказался о своих пристрастиях: «Главное, что меня интересует, это вопрос „Что такое реальность?“ Многие из моих рассказов и повестей имеют дело с состоянием психики или состоянием, вызванным наркотиками, через которое я мог представить концепцию множественности миров, а не его уникальность. Музыка и социология являются темами моих романов, также как и радикальные политические тенденции; я писал о фашизме, о моем страхе перед ним…»

Классической стала книга *Затворник из горной твердыни*. Ее часто называют романом об альтернативном настоящем. Действие происходит в наше время в Соединенных Штатах, разумеется, в мире, альтернативном нашему. Дик делает традиционное для фантастики предположение «а что, если…?» А что, если США с союзниками проиграли Вторую Мировую войну? Развивая эту единственную посылку, он создает шедевр научно-фантастической литературы. За исключением основного предположения все остальное до скрупулезности реально. На Западном побережье США хозяйничают японцы, Восточное побережье оккупировала Германия, а полуавтономная область, Штаты Скалистых Гор, являются нейтральным промежуточным звеном между двумя хищниками, готовящимися вцепиться друг другу в глотку. Автор рассказывает о событиях с помощью нескольких главных героев, показывая их жизнь на Западном побережье под управлением японцев вроде мистера Тагоми, который занимает высокое положение в Торговой Миссии и коллекционирует остатки американской культуры. В романе переплетается несколько интриг, начиная от нацистского плана уничтожения японцев неожиданным ядерным ударом и заканчивая заговором умеренных немецких офицеров и попытки агентов нацистов уничтожить человека в горной твердыне, автора НФ-романа, который «просто» предположил, что во Второй Мировой войне победили союзники по антигитлеровской коалиции.

Несмотря на вихрь разворачивающихся событий у Дика осталось достаточно таланта и умения, чтобы изобразить живых людей, чувствующих, мечущихся, на фоне развалин «великой»

американской цивилизации. Роман представляет собой многоплановое произведение с несколькими уровнями и, как многие произведения писателя, похож на матрешку. Невозможно ответить на вопрос, сколько альтернативных миров одновременно сосуществуют. Здесь и мир самого произведения, и прорывы в него из нашего настоящего, и еще какие-то альтернативные вселенные, в которых обитают герои. Не ошибусь, если по роману *Затворник из горной твердыни* будет написана не одна диссертация, поскольку здесь есть в чем разбираться исследователям.

В своем эссе *«Кто такой писатель-фантаст?»* (1974) Ф. Дик говорит о писателе-фантасте следующее: «Гибкость — ключевое слово в его работе. Создание множественности миров, а не единичных восхищает и движет им. „Что, если…“ — это его постоянная предпосылка. Он хочет видеть возможности, а не действительность.» Ф. Дик делает акцент на необходимости для автора избегать крайностей: как бегства от реальности, так и абсолютного реализма. Он анализирует процесс обращения с вероятностью, которая базируется на реальности, но не контролируется ею всецело. В своей статье *«Человек, андроид и машина»* (1976) он поясняет истинную сложность пригрезившихся вселенных и людей из этих вселенных, которые являются местом действия и персонажами многих его рассказов и романов.

В космологии Ф. Дика сущности видят бедствия человека, но предпочитают помогать ему не открыто, а лишь посредством действий иных существ. Эта помощь разнообразна: борьба самого человека против всевозможной тирании, против загрязнения окружающей среды, против собственного нежелания искать пути и формы самоутверждения. В своих произведениях писатель рассматривает проблемы реальности окружающей действительности, исследуя феномен человека как сущности (*Око в небе, Гибельный тупик, Игроки с Титана* и др.) Разрабатывая любую тему, будь то загадки управления человеком извне, путешествия во времени, новые измерения, личное и алогичное в законе шанса, создание подобий (симулякр), теорию игр, последствия различных наркотиков, природу окружающего мира, он прежде всего исследовал человека. Все, что писатель дает читателю, он предварительно пропускает через внутренний мир своих героев.

В первом романе Ф. Дика *Солнечная лотерея* показан будущий мир, социальные и политические черты которого определяются Минимаксом — разновидностью лотереи Власти и Богатства. Капитуляция человечества перед случайностью — ужасающее отрицание лотереи. Это первый роман писателя, и,

несмотря на определенные просчеты, он несет печать его гения. Тут и сложная многоуровневая ткань произведения, и острый, динамично развивающийся сюжет, и полные жизни герои. Через все произведение проходит лейтмотив обреченности, но в конце пробивается оптимистичная нотка: люди сумеют освободиться, чтобы реализовать свои мечты посредством личной инициативы, а не надеясь на судьбу.

Наиболее авторскими, характерными для Ф. К. Дика как писателя, на мой взгляд, являются романы *Смещение марсианского времени* и *Игроки с Титана*. Безусловно, *Затворник из горной твердыни* и *Снятся ли андроидам электроовцы?* представляют собой вершины творчества писателя, однако вышеупомянутые романы являются наиболее характерными для писателя, наиболее «диковскими». В них сконцентрированы излюбленные мотивы и схемы Ф. Дика.

Наверное, максимальное количество положительных оценок и высказываний получил роман *Снятся ли андроидам электроовцы?* По нему снят не менее знаменитый фильм *Blade Runner* (*Бегущий по лезвию бритвы*). Более того, благодаря этому произведению в дружеском кругу писателя стали звать «электропастух». И действительно, для многих молодых американских писателей-фантастов Ф. Дик стал духовным пастырем.

Главный герой, Рик Декрад — охотник на андроидов, бежавших на Землю из колоний, где им приходится в тяжелейших условиях трудиться, облегчая жизнь своим хозяевам-людям.

Основной конфликт этого произведения заключается в противоречивости человеческого подхода к нечеловеческим формам жизни. Загаженная Земля становится все более бесплодной. Она обезлюдела от войн, эпидемий, загрязнения природы. Живые существа ценятся необыкновенно дорого и являются объектами религиозного почитания, свидетельствуют о высоком положении их хозяев в обществе. Чтобы окружить себя каким-то подобием живого, люди изобрели электроовец, иные электроподобия животного мира, даже крошечных электропауков. И при этом невероятном дефиците живых существ люди смотрят на андроидов, которых сами создали и которые настолько утончены и разумны, что превосходят многих людей, как на заклятых врагов. Но если андроиды видят сны — вне зависимости от того, наделили ли их этой способностью их создатели, или же они сами в себе ее развили, то до какой же степени это человеческое свойство уравнивает их с настоящими людьми? По-существу, *Снятся ли андроидам электроовцы?* — это изощренный вариант *Франкенштейна* Мэри Шелли. Двойственное,

противоречивое отношение человека к им же созданному двойнику, симулкре, пародирует божественное сотворение и подразумевает как послание благости от создателя за примерное поведение, так и наказание за «грехи». Как правило, образы главных героев произведений Ф. Дика тщательно проработаны, показаны им в динамике и развитии. В частности, Декрад изменяется по мере развития событий от хладнокровного убийцы до мыслящего человека, сомневающегося в необходимости его собственной профессии.

Во многих книгах писателя присутствует стремление шокировать хранителей мещанской застойной культуры, найти новые пути в творчестве, новые подходы к старым как мир проблемам. Крупнейшие писатели-фантасты, такие как С. Лем, Р. Сильверберг, высоко оценили вклад Ф. К. Дика в развитие НФ, как самостоятельного потока художественной литературы. Джон Браннер, неоднократно обращавшийся к теме альтернативных миров, отмечая достижения Ф. Дика на этом поприще, назвал его «наиболее последовательным, блистательным писателем-фантастом в мире.» И это действительно так. Последовательно развивая, экстраполируя тенденции развития современного индустриального общества, писатель «предотвращает» в будущем, пр меткому выражению Р. Бредбери, эти уродливые формы, зародыши которых он видит вокруг себя.

В 1985 году в США вышла книга Д. Прингла *Сто лучших научно-фантастических романов англоязычной литературы за 1949–1984 гг*. В этой подборке Ф. К. Дик — абсолютный чемпион. Шесть раз его отмечены его произведения, а занимающий второе место Д. Боллард лишь четырьмя своими романами смог пробиться в лучшую сотню англоязычной фантастики. Таким образом «золотыми» стали следующие книги Ф. Дика: *Свихнувшееся время* (1959), *Затворник из горной твердыни* (1962), *Смещение марсианского времени* (1964), *Три стигмата палмера элдритча* (1964), *Доктор кровавые деньги* (1965), *Снятся ли андроидам электроовцы?* (1968). Хотя я добавил бы в этот список еще 4–5 романов!

Несмотря на то, что 2 марта 1982 г. Филипп Киндред Дик скончался, интерес к его творчеству не угасает со временем, а наоборот, возрастает. Его книги переиздаются сейчас чаще, чем при жизни. В США возникло «Общество памяти Ф. Дика», имеющее свои отделения во многих странах мира и занимается пропагандой творчества писателя, публикацией неизвестных биографических и библиографических материалов. Ежегодно присуждается мемориальная премия Ф. К. Дика за лучшее фантастическое произведение. С 1992 года Одесское отделение

Фонда Культуры и ТПП «Хайтех» учредили премию имени Ф. Дика за лучшее фантастическое произведение года.

Впервые на русском языке выходит такой солидный том Филиппа Киндреда Дика, выпускаемый РИФ «Российский Запад». Это настоящий подарок любителям фантастики, да и просто читателям, встретиться со всемирно известными произведениями — *Снятся ли андроидам электроовцы? Гибельный тупик, Игроки с Титана*. Остается надеяться, что почин молодого калининградского издательства будет подхвачен и другими издательскими фирмами, а читатели получат другие произведения этого действительно большого автора.

Похоронен писатель в Форт-Моргане, штат Колорадо, рядом со своей сестрой, отсутствие которой он остро ощущал всю жизнь…

Л. Ткачук

Снятся ли андроидам электроовцы?

Посвящается Марен Августе Бергруд (1008.1923 — 14.06.1967)

Я вижу все во сне:
по лугу он бредет.
Шагает призраком в росс.
Пронзенный насквозь моей
радостной песней.

Йетс

«Вчера в королевском дворце тонгийском столицы Нуку умерла черепаха, которую подарил королю Тонги в 1677 году капитан Кук. Животному было почта 200 лет. Звали его Туйималила. Народ Тонги с большим уважением относился к черепахе, за ней присматривали специально назначенные слуги. Несколько лет назад в результате пожара черепаха ослепла.

Как передало радио Тонги, труп Туйималилы будет передан Оклендскому музею. Новая Зеландия».

Из сообщения агентства Рейтер, 1966 г.

1

Веселый электрический импульс автоматического будильника-стимулятора настроения разбудил Рика Декарда. Удивленно (его всегда удивляло, что он просыпается вот так, рывком) Рик улыбнулся и поднялся с кровати. На нем была очень яркая, всех цветов радуги пижама. Пока он потягивался, его Иран, спавшая в соседней кровати, открыла серые невеселые глаза, моргнула и опять крепко сомкнула веки.

— Ты неправильно настраиваешь «пенфиад», — сказал Рик. — Интенсивность слишком низкая. Давай, я изменю настройку, ты проснешься и как следует…

— Не тронь! — почти выкрикнула она. — *Я не хочу просыпаться.*

Он присел к ней на кровать и, наклонившись тихо объяснять:

— Увеличь интенсивность — и сразу захочешь проснуться. В этом-то и заключается суть стимулятора. На отметке «С» импульс преодолевает заграждающий порог подсознания. Как у меня, например.

Он дружелюбно погладил бледное плечо жены. Сейчас его регулятор стоял на отметке «Д» — доброе расположение ко всему окружающему.

— Убери руки, мусор, — процедила сквозь зубы Иран.

— Я не мусор.

Он внезапно почувствовал раздражение, хотя и не набирал на консоли нужной комбинации.

— Ты еще хуже, — сказала жена, не открывая глаз. — Ты — убийца, нанятый мусорами.

— Я в жизни никого пальцем не тронул. Ни одного человека.

Раздражение стало сильнее, перешло в откровенную враждебность.

— Ну да, только бедных анди, — пробормотала она.

— Однако, невзирая на презрение к деньгам, добытым таким нехорошим путем, ты, как я заметив, преспокойно тратишь их направо и налево.

— Рик встал и подошел к пульту своего стимулятора. — Транжиришь, вместо того, чтобы откладывать, копить на настоящую овцу вместо этой электрической. Какая-то электроовца — и это при моих многолетних заработках!

Он стоял перед пультом в нерешительности. Что набрать? Таламический подавитель (это погасило бы гнев) или таламический стимулятор? Это его достаточно сильно взвинтило бы, и он победил бы в споре.

— Если ты усилишь интенсивность, — угрожающе произнесла Иран, которая уже открыла глаза и следила за мужем, — то я сделаю то же самое. Наберу максимум. И будет такая драка, что тебе тошно станет. Ну, набирай, набирай, попробуй!

Она быстро вскочила, подбежала к своему стимулятору и выжидающе остановилась, испепеляя мужа взглядом.

Рик вздохнул.

— Я наберу то, что у меня в расписании. На сегодня, третье января 1992 года, мне назначено деловое настроение, — сообщил он, сверившись с расписанием, и осторожно поинтересовался: — Если я наберу по расписанию, ты сделаешь то же самое?

По опыту зная, что не стоит себя выдавать, пока жена сама не последует предложению, Рик не торопил ее с ответом. Иран опустила глаза.

— Мое расписание на сегодня включает шесть часов депрессии с уклоном в самобичевание.

— Что? Зачем ты это сделала? — Подобное сводило на нет саму суть стимулятора настроения. — Я даже не подозревал, что ты можешь так его настроить, — уныло произнес он.

— Как-то днем я сидела перед телевизором. Показывали, само собой, Бастера Дружби с его Дружелюбными Друзьями. Он как раз пообещал очередную грандиозную новость, как вдруг передачу прервала реклама, из тех, которые я больше всего ненавижу. Ну, ты знаешь, об этих свинцовых гульфиках фирмы «Скалистый берег». Вот я и выключила на минуту звук. И услышала… Понимаешь… весь этот дом… Я услышала…

Она замолчала.

— Пустые квартиры, — подсказала Рик.

Иногда, вместо того, чтобы спать, он слушал ночью тишину. В районах, где до войны были пригороды, теперь часто попадались и совершено пустые здания. Во всяком случае, до него доходили такие слухи. Как и большинство, он эти слухи предпочитал не проверять. Пусть будет, как есть. Однако, их собственный многоквартирный дом был наполовину занят и ценился весьма высоко в терминах плотности населения.

— Я находилась тогда в настроении по коду 382, — продолжила свой рассказ Иран. — Только-только накрутила код. Сала облегчение — хорошо, что мы можем позволить себе стимулятор Пенфилда. А потом поняла, как это неестественно, как противоречит нормальной здоровой реакции: чувствовать, что вокруг безжизненная пустота и никак не реагировать на это. Ты понимаешь? Нет, не понимаешь, наверное. Раньше это считали психическим отклонением. «Отсутствие адекватного аффекта» — так это называлось. Я не стала включать звук. Я села к пульту

своего «пенфилда» и начала экспериментировать. И нашла, в конце концов, комбинацию отчаяния.

На смуглом, с упрямыми чертами, лице Иран отразилось удовлетворение, словно она совершила достойный поступок.

— А потом я поставила этот код в свое расписание на два раза в месяц. Думаю, вполне хватит. Хватит, чтобы в разумных пределах испытывать безнадежность и отчаяние. Хотя бы потому, что мы до сих пор на Земле, в то время как все люди с головами на плечах давно эмигрировали. Тебе не кажется?

— Но в таком настроении, — сказал Рик, — можно застрять надолго, даже не пытаясь набрать другую комбинацию. Отчаяние имеет способность воспроизводить самое себя, и достаточно долго.

— Я программирую автоматическую перенастройку с периодом в три часа, — елейным голоском сообщила жена. — Код 481. Осознание множества возможностей, открывающихся в будущем, обновленная надежда на…

— Я знаю, — отмахнулся Рик.

Ему не раз приходилось накручивать код 4881. Он очень на него полагался.

— Послушай, — сказал Рик, присаживаясь на свою постель, — даже с автоматическим переключателем это очень опасно — подвергать себя длительной депрессии любого рода. Забудь о своей настройке, я забуду о своей. Давай наберем 104, испытаем его, потом я накручу обычный деловой тон, а ты останешься на том же шифре, если захочешь. Я подскочу на крышу, проверю овечку — и на работу. И буду спокоен, буду знать, что ты не сидишь, унылая, без телевизора.

Он перешел из просторной спальни в гостиную, где еще ощущался запах вчерашних вечерних сигарет, и нагнулся к телевизору, чтобы его включить.

— До завтрака я телевизоров не выношу, — напомнила из спальни Иран.

— Накрути 888, — посоветовал Рик. — Желание смотреть телевизор, независимо от передачи.

— Мне вообще не хочется дотрагиваться до пульта.

— Тогда набери тройку.

— Не могу же я настраивать стимулятор на возбуждение коры мозга, которое вызовет желание набирать новые комбинации! — возмущенно крикнула Иран. — Я вообще ничего не хочу накручивать! Это для меня сейчас хуже всего! Хочу просто сидеть и смотреть в пол!

Голос ее становился все глуше, словно она окутывалась всепроникающей пленкой огромной тяжести и абсолютной

инертности.

Рик включил звук телевизора, и пустоту комнаты заполнил веселый голос Бастера Дружби:

— Ха-ха, ребята! Пришла пора для коротенькой сводки погоды! как сообщает спутник «Мангуста», осадки достигнут максимума к полудню, затем уровень начнет понижаться. Поэтому, если кто-то из вас, парни, собирается отправиться на…

Шурша длинным халатом, в комнату быстро вошла Иран и выключила телевизор.

— Ладно, сдаюсь. Я согласна. Наберу все, что ты хочешь. Хоть экстатический сексуальный порыв… Мне так плохо, что я готова выдержать даже это. Какая, в конце концов, разница?

— Я все сделаю сам, — сказал Рик и, подтолкнув жену в спальню, набрал на консоли ее «пенфилда» код 594 — радостное приятие первенства мудрого мужа в решении всех проблем.

На собственной консоли он накрутил код нестандартного, творческого подхода к работе, хотя едва ли в этом была необходимость — он всегда относился к работе творчески, не прибегая к дарам аппарата Пенфилда искусственной мозговой стимуляции.

После завтрака на скорую руку (слишком много времени было потеряно на спор с женой) Рик поднялся на крышу, где на крытом лужке «паслась» его электрическая овца. К этому времени он уже был в полном городском облачении, включающем свинцовый гульфик «Аякс» фирмы «Скалистый берег».

Их овца — сложный конгломерат механических и электронных устройств — мирно пощипывала травку, втирая очки остальным жильцам дома.

Конечно, некоторые из их животных тоже состояли из электронных контуров. Но Рик никогда не совал нос в чужие дела, как и соседи, которые не очень интересовались истинной природой организма его овцы. Это было бы верхом бестактности. Спросить: «А у вас овца настоящая?» было бы хуже, чем усомниться в натуральности зубов, волос или внутренних органов ее владельца.

Утренний воздух, наполненный радиоактивными пылевыми частицами, затмевающими солнце, атаковал обонятельные нервы Рика, и он невольно чихнул, избавляясь от слабого запаха смерти.

Нет, смерти — это слишком сильно сказано. Последствия Последней Мировой Войны не были уже столь ужасными. Те, кто не смог пережить первых пылевых осадков, умерли и были преданы забвению много лет назад. Теперь пыль, уже не такая густая, сражалась с выжившими — теми, кто умел ей противостоять. И могла влиять только на здоровье сознания и

генов. Несмотря на свинцовый гульфик, она наверняка просочилась в организм Рика, добавляя с каждым днем (поскольку он все никак не эмигрировал) новую толику порочной грязи. Обязательные ежемесячные медицинские проверки пока относили Рика к разряду «регуляров» — людей, которые имели право в рамках снисходительных законов воспроизводить себя. Но в любой момент проверка, производимая врачами Департамента полиции Сан-Франциско, могла дать другой результат. «Регуляры» безостановочно пополняли ряды «специалов» — и все из-за всепроникающей радиоактивной пыли. Лозунгом текущего момента, который настойчиво внедрялся с плакатов, реклам, экранов и каналов государственной почтовой информации, было: «ЭМИГРИРУЙ ИЛИ ДЕГЕНЕРИРУЙ! РЕШАТЬ ТЕБЕ!!!»

Очень верно, подумал Рик, отпирая замочек калитки, которая вела на личный лужок, к электроовце. Но я не могу эмигрировать.

Из-за работы.

С ним поздоровался владелец соседнего пастбища. Билл Барбур. Сосед, как и Рик, был облачен в деловой костюм. Он также задержался на минутку по дороге на работу, чтобы проверить, как дела у его животного.

— Моя лошадка, — объявил Билл, сияя, — забеременела. — Он ткнул пальцем в крупного першерона, задумчиво созерцающего пространство. — Что скажете, а?

— Скажу, что скоро у вас будет две лошадки.

Рик подошел к овце. Та лежа пережевывала жвачку, не спуская внимательных глаз с хозяина — а вдруг он принес овсяную лепешку? У нее был овсотропный контур, и при виде данного злака или его продукта она очень натурально вскочила бы и поспешила к Рику.

— А отчего ваша лошадка забеременела? От ветра?

Вопрос был неэтичным и прозвучал достаточно резко.

— Я приобрел порцию специальной оплодотворяющей плазмы.

— спокойно ответил сосед. — Самого высокого качества, какое только можно достать в Калифорнии. — В голосе его прозвучало неприкрытое хвастовство. — Через личных друзей в Департаменте животноводства. Разве вы забыли — на прошлой неделе их инспектор приходил осматривать Джуди. Они очень хотят получить ее жеребенка, ведь моя Джуди — просто высший класс!

Барбур любовно похлопал лошадь по шее, и та склонила к нему голову.

— Насчет продажи еще не думали? — поинтересовался Рик небрежно.

О Боже, как бы ему хотелось заиметь лошадь или какое-нибудь другое настоящее животное! Владеть подделкой и ухаживать за ней — это постепенно деморализует человека. Но приходилось довольствоваться электроовцой. Правда, если бы даже ему и было все равно, оставалась еще Иран, которой далеко не было все равно.

— Продать лошадь — это аморально, — заявил Барбур.

— Тогда продайте жеребенка. Иметь двух животных — это аморальнее, чем не иметь ни одного.

Сосед озадаченно посмотрел на него.

— Но почему? У многих по двое животных, и по трое, и даже по четверо. У Фреда Уошборна, владельца завода хлореллы, на котором работает мой брат, вообще пятеро. Вы разве не читали в «Хронике»? Вчера была статья о его утке. Считается, что он владеет самой крупной и упитанной московской на всем западном побережье. — Глаза Барбура стеклянно блеснули, едва он вообразил такое богатство.

Порывшись в кармане плаща, Рик выудил зачитанный экземпляр «Каталога животных» Сидни и Фаула, приложение за январь, и нашел по индексу жеребят («Лошади, потомство».)

— Жеребенка першерона можно купить у Сидни за пять тысяч долларов, — произнес он громко.

— Нет, не купите, — возразил Барбур. — Смотрите, напечатано курсивом. Это значит, что сейчас у них нет в продаже ни одного экземпляра. А цена — на случай, если товар появится.

— Предположим, — сказал Рик, — я буду вам выплачивать по пятьсот долларов в месяц. Десять месяцев — и мы в расчете.

Барбур смотрел на него с жалостью.

— Декард, вы ничего не смыслите в лошадях. Как вам кажется, почему у Сидни сейчас нет першеронов? На то имеется причина: владельцы не отдают жеребят даже по каталожной цене. Они очень редко попадаются, пусть даже и плохих кровей. — Выразительно помахав рукой, он облокотился на общую изгородь — Джуди у меня три года, и за все это время я не встречал першерона равных с ней достоинств. Чтобы ее купить, я сам слетал в Канаду, сам вез лошадь домой. Чтобы не украли. Появитесь с такой лошадкой где-нибудь в Колорадо или Вайоминге — живо дадут сзади по макушке. А знаете, почему? До Последней Мировой были сотни…

— Но, — перебил его Рик, — если у вас будет две лошади, а у меня — ни одной, не будет ли это противоречить самой теологической и моральной сути Сострадализма?

— У вас есть овца. Черт побери, в личной жизни вы можете следовать Подъемом. Сжимая две эмпатические рукоятки, вы

достойно исполняете долг. Вот если бы у вас овцы не было, я бы мог вас понять, видел бы некоторую логику в ваших доводах и чувствовал бы себя неловко, лишая соседа истинного слияния с сострадательным. Но у каждой семьи в этом доме (а это где-то пятьдесят, по одной на три квартиры) есть какое-нибудь животное. У Грейсона — цыпленок, вон он, — указал Барбур в северное направлении. — Оукс и его жена владеют большой рыжей ообакой, которая лает по ночам. — Он задумался. — Кажется, у Эда Смита есть кот. Он держит его в квартире, никому не показывает. Может, просто хвастается.

Рик склонился над овцой, пошарил в густой белой шерсти (она, по крайней мере, была настоящая) и решительным рывком вскрыл тщательно замаскированную контрольную панель, обнажая механизм.

— Видите? Теперь вам понятно, почему мне так необходим ваш жеребенок?

Барбур некоторое время молчал, не зная, что сказать.

— Эх, бедняга вы… И так было все время?

— Нет. — Рик захлопнул панель и, выпрямившись, повернулся к соседу лицом. — Сначала у меня была настоящая овца. Ее нам подарил перед эмиграцией отец жены. Потом, примерно год назад, я вышел на крышу и увидел, что она лежит на боку, не в силах подняться. Помните, я тогда возил ее к ветеринару? Вы были наверху и видели это.

— Вы ее подняли, — сказал, припоминая, Барбур. — Да, вам удалось поднять ее, но через пару минут она снова упала.

— У овец болезни не такие, как у людей, — сказал Рик. — Их много, но симптомы — одни и те же. Овца не может подняться, но что с ней — растяжение связки на ноге, или же столбняк, — определить невозможно. Моя умерла от столбняка.

— Здесь? — удивился Барбур. — На крыше?

— Сено, — объяснил Рик. — Вернее, проволока, которой оно было обвязано. Я снял ее не всю, и Гручо поцарапался. Я отвез его к ветеринару, но было уже поздно. Мысли о нем не давали мне покоя, и вот однажды я позвонил в одну мастерскую, где монтируют животных. Они взяли фотографию Гручо и сделали мне вот это.

Он кивнул на эрзац-овцу, которая продолжала мирно жевать, не теряя надежды на обнаружение овса.

— Отличная работа. И времени на уход требуется почти столько же, сколько я тратил на Гручо. Но…

Рик пожал плечами.

— …это совсем не то, — закончил за него фразу Барбур.

— Почти то. Ощущение почти такое же. За ней нужно

ухаживать, как за настоящей. Потому что иногда они ломаются, и тогда соседи могут узнать… Свою я уже шесть раз возил в мастерскую. Так, мелкие неполадки. Но если бы кто-нибудь увидел… Однажды заело магнитную ленту, и она начала блеять без остановки. Любой догадался бы, что это *механическая* неисправность. Ну, а фургон мастерской, — добавил Рик.

— имеет, разумеется, соответствующую надпись — какая-то там ветеринарная лечебница. И водитель, как врач, одет в белое… Впрочем, прекратим этот разговор. Мне нужно на работу. Увидимся вечером.

И он направился к своему кару.

— Эй, я никому ничего не скажу, — поспешил заверить его Барбур. Из наших соседей, то есть.

Рик повернулся было, чтобы поблагодарить соседа, но внезапно вспомнил слова Иран.

— Не знаю, — ответил он. — Возможно, это все равно.

— Но они станут смотреть на вас сверху вниз. Не все, но некоторые точно станут. Вы же понимаете, как люди относятся к заботе о животных. Не иметь животного аморально и антиэмпатично. То есть, это не преступление, как в пору сразу после ПМВ, но отношение общественности почти не изменилось.

— О, Боже! — в отчаянии взмахнул руками Рик. — Но ведь я *хочу* иметь животное! Стараюсь купить что-нибудь, но на мое жалование простого служащего…

«Если бы, — подумал он, — мне опять повезло… Если бы за этот месяц удалось пришпилить четырех анди… Если бы я знал, что Гручо умрет… Два года назад мне удалось взять четверых… Но это было два года назад, до куска проволоки в два дюйма длиной, похожего на обломок медицинской иглы. До столбнячного вируса.»

— Вы могли бы купить кота, — предложил Барбур. — Они недорогие, проверьте по каталогу.

— Комнатное животное мне не нужно, — тихо сказал Рик. Я хочу то, что у меня было с самого начала — настоящую большую овцу, барашка по крайней мере. Лучше — корову, если удастся скопить денег. Но самое лучшее — лошадь, как у вас.

Он вдруг осознал, что премия за «отправку на покой» пяти андроидов позволила бы ему сделать это.

«По тысяче долларов за анди. Потом, здесь или там, завтра или послезавтра я раздобыл бы… Пусть даже в каталоге они и значатся курсивом. Пять тысяч долларов…

Но для этого пятерым андроидам нужно сначала бежать на Землю с одной из планет-колоний. Это выше моих сил, я не могу заставить их бежать сюда, а если бы и мог, то есть другие

охотники за андроидами, из других полицейских агентств, во всем мире. Анди должны были бы устроить резиденцию именно в Северной Калифорнии, а главному охотнику в этом регионе — Дэйву Холдену — нужно было бы умереть или уйти на покой. Слишком…

— Купите сверчка, — остроумно посоветовал Барбур. — Или мышку. Слушайте, в самом деле, за двадцать пять зеленых вы спокойно можете купить взрослую мышь!

— Ваша лошадь тоже может умереть, как мой Гручо, — сказал Рик. — Без предупреждения. Придете вы сегодня вечером домой, а она лежит на спине, кверху ножками, как жук… Как этот… сверчок!

И он зашагал прочь, сжимая ключ от кара.

— Простите, если я вас нечаянно обидел, — нервно произнес ему вслед Барбур.

Рик молча отпер дверцу аэрокара. Ему нечего было сказать соседу. Его мысли были уже заняты предстоящим рабочим днем.

2

В пустой комнате пустого гиганта-многоэтажника, где когда-то жили тысячи людей, одинокий телевизор развлекал пустоту во всю мочь динамика.

До Последней Мировой Войны эти ничейные руины были процветающим, ухоженным, любимым многими домом. Отсюда, из пригорода Сан-Франциско, было рукой подать до центра на быстром монорельсовом экспрессе. Полуостров был полон жизни, как крона дерева — птицами. Теперь его владельцы были или мертвы, или эмигрировали на одну из планет-колоний. В основном, умерли — война обошлась людям дорого, несмотря на заверения Пентагона и его самодовольного научного вассала — корпорации Рэнд, которая, к тому же, находилась где-то неподалеку от этих мест. Как и выжившие владельцы квартир, оставшиеся в живых сотрудники корпорации переехали в другое место, и правильно сделали. Никто по ним не скучал.

Никто уже не помнил, почему началась война и кто в ней победил, если вообще были победители. Пыль, отравившая атмосферу Земли, возникла словно из ниоткуда. Ни одна из воюющих сторон не ожидала ее появления.

Первыми, как это ни странно, вымерли совы. Тогда это казалось почти забавным: толстые, в белом пуху перьев, они валялись прямо на улицах. Ведущие ночной образ жизни, совы редко попадались людям на глаза прежде. В средние века подобным образом заявляли о себе эпидемии чумы — умирали тысячи крыс. Это была новая чума, спустившаяся с небес.

За совами, естественно, наступила очередь остальных птиц. Но к тому времени загадка была решена. Колонизационная программа, развивавшаяся потихоньку и до войны, вступила в новую фазу. Солнце больше не сияло над Землей. И в связи с этим оружие войны. Синтетический Боец за Свободу, было модифицировано.

Способный функционировать в условиях другой планеты, гуманоидный робот (точнее говоря, органический андроид) превратился в мобильный вспомогательный движитель программы колонизации. По принятому ООН закону, каждый эмигрант-колонист автоматически становился владельцем одного андроида. Подтип андроида владелец выбирал сам. К 1990 году количество подтипов превзошло всякое объяснение, подобно разнообразию моделей автомашин в Америке 60-х.

Итак, возникли два стимула для эмиграции: слуга-андроид в роли пряника и радиоактивные осадки в роли кнута. ООН

позаботилась, чтобы эмигрировать было легко, а оставаться — трудно, если вообще возможно. Промедление с переселением оборачивалось угрозой для биологической безупречности расы.

Если на гражданине появлялся ярлык «специал», то даже после добровольной стерилизации он выпадал из истории. Фактически этот человек переставал являться частью человечества. И, тем не менее, то тут, то там некоторые люди отказывались эмигрировать. Это выглядело неразумно, необъяснимо. Даже для тех, кто изучал данную проблему.

Логически рассуждая, все регуляры должны были давно эмигрировать. Но искалеченная Земля не отпускала. Они не в силах были от нее оторваться. Может, надеялись, что пылевой чехол постепенно рассосется? Как бы то ни было, тысячи людей продолжали жить на Земле. Большая часть скопилась в городских районах, где можно было ощущать физически присутствие друг друга и черпать в этом поддержку. Это были люди, в общем-то, нормальные. В покинутых же пригородах поселялись всякие странные типы сомнительных достоинств.

Одним из таких типов был Джон Исидор, который брился, в то время как телевизор в соседней пустой комнате развлекал пустоту.

Джон забрел в эту округу еще в первые послевоенные дни. В те мрачные времена все сорвалось с мест, пришло в беспорядочное движение. Люди группами и в одиночку скитались по стране. Радиоактивная пыль тогда выпадала неравномерно. Население передвигалось в соответствии с перемещением пыли. Этот полуостров к югу от Сан-франциско первое время от пыли был почти свободен, многие поселились здесь, но появилась пыль — и некоторые умерли, остальные уехали. Джон Р. Исидор остался.

— …воссоздавая безмятежную атмосферу штатов довоенных дней! — разорялся телевизор. — Южных штатов! А в качестве слуги или незаменимого помощника в работе — сделанный по индивидуальному заказу гуманоидный робот, отвечающий ИМЕННО ВАШИМ УНИКАЛЬНЫМ ПОТРЕБНОСТЯМ! ДЛЯ ВАС И ТОЛЬКО ДЛЯ ВАС! Андроид вручается вам по прибытии, совершенно бесплатно, укомплектованный в точном соответствии с вашими инструкциями, данными перед отлетом с Земли. Андроид станет вашим верным, безотказным спутником, разделит невзгоды и трудности величайшего, отважнейшего приключения людей за всю историю существования…

И в том же духе. Без конца.

«Не опоздать бы на работу», — подумал Исидор, царапая подбородок бритвой. У него не было исправных часов, и обычно

он сверялся с сигналами времени по телевизору, но сегодня, судя по всему, был День Межпланетного Обозрения. Во всяком случае, как утверждал телевизор, наступила пятая (или шестая?) годовщина Новой Америки — американской колонии на Марсе. А телевизор Джона, не совсем исправный, принимал только государственный канал, национализированный в дни войны и оставшийся до сих пор таковым. Так что теперь Джон был вынужден довольствоваться официальной программой из Вашингтона об успехах колонизации ближайшей к Земле планеты Солнечной системы.

— Послушаем миссис Мэгги Клагмен, эмигрировавшую недавно на Марс и любезно давшую нам интервью, записанное на пленку, — предложил ему диктор с экрана. Джон поморщился — он всего лишь хотел узнать, который час. — Миссис Клагмен, как вы считаете, сильно отличается жизнь на радиоактивной Земле от жизни на новой планете, полной всех вообразимых перспектив?

Пауза, затем усталый, высушенный голос женщины средних лет:

— Думаю, меня и всю нашу семью из трех человек больше всего поразило… достоинство.

— Достоинство, миссис Клагмен? — переспросил диктор.

— Да, — ответила жительница Нью-Йорка на Марсе. — Это трудно объяснить. Но мы имеем слугу, на которого можно положиться в эти нелегкие времена… Я нахожу, что это очень подбодряет.

— А на Земле, миссис Клагмен, в прошлом, вы не боялись оказаться в числе так называемых… гм-гм… специалов?

— О, мы с мужем страшно волновались, Просто ужасно. Слава Богу, теперь, когда мы эмигрировали, эти волнения исчезли. И, к счастью, навсегда.

«И для меня они исчезли навсегда, — кисло подумал Джон Исидор. — Мне не понадобилось даже эмигрировать».

Он числился в разряде специалов уже более года, и не только из-за генов. Хуже того — провалил тест на минимальные умственные способности, что делало его, выражаясь попросту, недоумком. Именно тогда на Дж. Р. Исидора низверглось презрение трех обитаемых планет. Но, несмотря на все это, он выжил. У него была работа — он водил фургон доставки животных при фирме по ремонту электрических животных «Ван-Нессовская ветеринарная лечебница». Мрачный босс Джона, Ганнибал Слоут, относился к нему, как к нормальному человеку, что он ценил, уважал и за что был сильно благодарен.

«Морс серта, вита инсерта — жизнь неопределенна, определенна только смерть», — возвещая иногда мистер Слоут,

обнаруживая знакомство с латынью. Исидор, неоднократно слышавший сентенцию, смысл ее понимал очень смутно. Но, в конце концов, начав разбираться в латыни, недоумок перестанет быть недоумком. Сам мистер Слоут признал истину, когда ему было указано на данное обстоятельство. Существовали, к тому же, и бесконечно более глупые недоумки, чем мистер Джон Р. Исидор, которые вообще не могли работать и постоянно обитали в специальных заведениях вроде причудливо названного «Института Специальных Трудовых Навыков». Слово «специальных», естественно, напоминало о природе обитателей заведения.

— …но ваш муж не чувствовал уверенности, — продолжал диктор, — даже пользуясь дорогим свинцовым гульфиком, не так ли, миссис Клагмен?

— Мой муж… — начала миссис Клагмен, но в этот момент, завершив бритье, Исидор вошел в комнату и выключил телевизор.

Тишина.

Она рухнула на него со стен, с потолка, выползла из-за поломанной мебели. Питаемая гигантской мощью электростанции Безмолвия, она сплющила Исидора. Всплыла с пола, с серого вытертого ковра. Ее выпустили на волю старые поломанные кухонные причиндалы, мертвые аппараты, переставшие работать еще до того, как в квартире появился Джон Исидор. Мертвая темная лампа-торшер в гостиной тоже источала из-под абажура тишину, и эта тишина смешивалась с тишиной, опускавшейся с потолка. Тишина умудрялась изливаться из всякого предмета, словно собиралась подменить собой все вещи материального мира. Она атаковала не только уши, но и глаза Джона. Он стоял рядом с безмолвным телевизором и видел тишину, как если бы она была живым существом.

Живым! Он и раньше подобным образом ощущал ее приближение. Потом она врывалась без церемоний, явно не в силах ждать. Безмолвие мира не справлялось с собственной жадностью. Это было невозможно теперь, когда оно почти победило.

«А как другие? — подумал он. — Те, что остались на Земле, как они воспринимают тишину? Может, все дело в моих собственных биологических особенностях, в недостатках сенсорного аппарата?»

Но Джону не с кем было обменяться наблюдениями. В слепом и глухом тысячеквартирном доме он жил совершенно один, чувствуя, как дом, вслед за другими подобными домами, день за днем все больше превращается в страшную, безнадежную жертву энтропии. В конце концов, все содержимое квартир рано или

поздно станет одноликой массой, неким пудингом бесполезного хлама, который заполнит пространство от пола до потолка. Потом и сами побежденные дома превратятся в бесформенность, погребенные под слоями непобедимой пыли. Сам Джон к тому времени умрет — явление довольно интересное, в перспективе. Занятно было предчувствовать смерть, стоя в пустой гостиной, один на один с всепроникающей, покорившей весь мир тишиной.

Наверное, нужно включить телевизор. Но реклама, предназначенная неэмигрировавшим регулярам, пугала Джона. Она напоминала о множестве путей и возможностей, для него, специала, недоступных. Он не мог бы эмигрировать, даже если бы захотел. Он не нужен им. Тогда зачем все это слушать? Разрази их всех, вместе с программой колонизации! Вот бы там, в колониях, началась война (теоретически, такое возможно) — и все кончилось бы, как на Земле. И все эмигранты стали бы специалами.

«Ладно, — решил Джон. — Иду на работу».

Он потянул дверную ручку, и перед ним открылся темный холл. Бросив один только взгляд в море безмолвия, захлестнувшее дом, несчастный отпрянул. Да, она ждала его, притаившись в засаде — страшная сила, которая, как он явственно ощущал, пронизывала и его собственную квартиру. Нет, он не был еще готов к длинному путешествию по гулким лестницам на крышу, где у него не было животного.

Эхо шагов, эхо пустоты…

«Пара держаться за рукоятки», — сказал он себе и пошел в гостиную, к черному эмпатическому ящику.

Щелкнул выключатель, и в воздухе почувствовался слабый запах ионизации, распространившийся от блока питания. Джон с удовольствием втянул воздух носом, приободрившись. Потом замерцала катодная трубка, подобная бледной имитации телеэкрана. Образовался на первым взгляд случайный узор цветных линий, полос, фигур. Пока ладони не сжимали рукояток, узор действительно ничего не значил. Поэтому, глубоко вздохнув, чтобы окончательно успокоиться, Джон крепко сжал рукояти эмпатического генератора.

Зрительный образ синтезировался мгновенно. Он увидел знаменитый пейзаж — коричневый склон древней горы, уходящий вверх. В сумрачное, бессолнечное небо втыкались скелеты высохшего бурьяна. По склону поднималась одна-единственная фигура, очертаниями напоминающая человека.

Старик в мешковатом балахоне цвета сумрачного неба — Вилбур Сострадальный.

Человек медленно поднимался по склону, и Джон, крепко

ухватившийся за рукоятки, постепенно терял ощущение окружающей его действительности. Дряхлая мебель и серые стены отодвинулись в никуда. Он их больше не замечал, оставшись, как и всегда, в ином мире, с унылым серым небом и грязно-коричневой землей. Одновременно Джон перестал быть посторонним наблюдателем — это его собственные ноги царапали теперь камни и гравий. Он чувствовал их острые грани, вдыхал едкую дымку местного неба — совсем не земного неба. Неба какого-то далекого, чужого мира. Посредством эмпатического ящика этот мир оказался в пределах его восприятия.

Он перенесся туда, как обычно — быстро и ошеломляюще просто: произошло физическое и психическое слияние с Вилбуром Сострадальным. То же самое происходило сейчас со всеми людьми на Земле, кто сжимал сейчас рукоятки своих эмпатических генераторов. И не только на Земле, но и в колониях. Джон почувствовал присутствие этих других, в его сознание влился говор их мыслей. Объединяло всех одно: всеобщее внимание было направлено на склон горы, на подъем, на необходимость продолжать путь наверх. Шаг за шагом, медленно и незаметно, но путь к вершине преодолевался.

Под ногами Джона шуршал гравий. «Сегодня мы поднялись выше, чем вчера, а завтра…» И он, частичка коллективной личности Вилбура Сострадального, поднял голову, измеряя взглядом оставшийся путь. Нет, конца не видно. Слишком далеко.

Но конец будет.

Внезапно Джон почувствовал резкую боль — в руку ударил камень. Он наполовину обернулся, и мимо пронесся еще один. Теперь от не попали. Камень ударился о землю, и этот стук заставил Джона вздрогнуть. Кто же это? Он всматривался в даль пройденного пути, стараясь отыскать обидчика Старый противник он постоянно держался на самом краю поля зрения. Он или они. Они будут преследовать до самого конца, до вершины. Не оставят в покое…

Идти стало легче — подъем кончился, но начиналась другая часть пути. Сколько раз это уж бывало с ним? Он не мог вспомнить. Прошлое и будущее слились. Все, что Джон испытал и что еще предстоит испытать — слилось. Оставался лишь момент настоящего времени, когда он стоял, переводя дыхание и потирая ссадину от удара камня.

«Боже! — устало подумал он. — Где справедливость? Почему я здесь и меня кто-то мучит, и я не могу понять, кто это или что это?»

Но в следующий момент хор голосов внутри него развеял

иллюзию одиночества.

«Вы тоже почувствовали?» — подумал Джон.

«Да, — ответили голоса. — Камень ранил руку. Было больно. Чертовски больно.»

«Делать нечего. Надо двигаться дальше.»

И он пошел наверх, и все они немедленно присоединились к нему.

Джон помнил, что когда-то все было не так. Еще до проклятия. В первой, более счастливой жизни. Его приемные родители. Франк и Кора Сострадальные, обнаружили на плавающем у берегов Новей Англии надувном спасательном плотике ребенка… Или это произошло у берегов Мексики, неподалеку от порта Тампико? Сейчас он уже не помнил деталей Детство было безмятежным. Он любил природу, особенно животных. Собственно, некоторое время у него была способность возвращать умерших животных к жизни. Так и жил он среди кроликов и жуков, на Земле или планете-колонии… Забыл, где именно. Но помнил убийц. Они арестовали его, словно монстра, урода более отвратительного, чем любой специал.

И сразу все изменилось.

Местное законодательство запрещало использовать способность возвращения мертвому жизни. Он узнал об этом, когда ему исполнилось шестнадцать. Но еще год продолжал тайно заниматься этим, уходя в еще оставшиеся леса. И какая-то старая женщина, которую он никогда не видел, выдала его. И убийцы, без согласия родителей, подвергли уникальное образование в мозгу кобальтовой бомбардировке. Облучим его голову. Он погрузился в совершенно иной мир, о существования которого до сих пор не подозревал. Это была глубокая яма, полная трупов и костей, и потребовались годы, чтобы выбраться оттуда. Умерли ослики и лягушки, особо важные для него существа, остались гниющие расчлененные трупы. Здесь голова без глаз, там кусок ноги… А потом птица, попавшая туда умирать, объяснила ему, что он находится в могильном мире. И не сможет выбраться из него, пока разбросанные вокруг останки не превратятся в живых существ. Он стал частью обмена веществ этого мира, и пока они не восстанут, ему тоже не восстать.

Сколько продолжался этот цикл, он не знал. Собственно, ничего не происходило, и время измерять было нечем. Но на костях постепенно проросла плоть, пустые глазницы заблестели хрустальными шариками глаз. Защелкали выросшие клювы, заревели, залаяли и заблеяли новые пасти. Может быть, причиной этого был он. Может, экстрасенсорный центр его мозга восстановился сам собой. Во всяком случае, они начали путь

наверх. И он уже давно потерял их из виду, продолжая подъем в одиночку. Но спутники его были с ним. Непостижимым образом он чувствовал их присутствие внутри себя.

Исидор сжимал рукоятки генератора эмпатии, переживая незабываемое ощущение — как будто он вобрал в себя все живые существа в мире. Потом неохотно разжал пальцы. Как и всегда, наступил конец. Только слегка кровоточила ранка на руке.

Джон осмотрел руку и нетвердым шагом направился в ванную — промыть ссадину. Уже не первый раз он получал раны, сливаясь с Вилбуром Сострадальным. И, видимо, не последний. Некоторые люди, особенно пожилые, иногда умирали, достигнув вершины, где мучения начинались всерьез.

«Смогу ли я пережить еще одну вершину? — спросил он себя, поглаживая ссадину. — Может случиться сердечный приступ. Лучше бы я жил в центре, там доктора и эти… искровые машины. А здесь, в пустынном месте, это очень рискованно».

Но он знал, что пойдет на риск. Так было всегда. Это делали почти все люди, даже пожилые и физически слабые.

Горько усмехнувшись, Джон промокнул ранку бумажной салфеткой.

И услышал слабый, далекий звук работающего телевизора.

Наверное, в доме появился кто-то еще. Он прогнал нелепую мысль. Но едва слышный звук настойчиво лез в уши.

«Это чужой телевизор, мой выключен. Я чувствую, как пол слегка резонирует. Этот телевизор на другом этаже, на нижнем.

Я БОЛЬШЕ НЕ ОДИН В ЭТОМ ДОМЕ!»

Эта мысль едва не лишила его рассудка.

«Появился новый жилец, занял одну из пустых квартир. Эта квартира недалеко от моей, раз я слышу звук телевизора. Второй или третий этаж, не глубже. Так, посмотрим, — начал он лихорадочно соображать, — что нужно делать, если приехал новый жилец? Зайти, как бы случайно, и что-нибудь спросить, так?»

Такого с ним никогда не случалось. Люди уезжали, эмигрировали, но никто никогда не приезжал.

«Нужно им что-нибудь понести, — подумал Джон. — Стакан воды или, лучше, молока… да, молока… или муки… или яйцо… то есть, эрзац-заменитель…»

Заглянув в холодильник с давно сломавшимся компрессором, он отыскал сомнительной годности кубик маргарина. С этим кубиком в руке, испытывая радостный подъем, чувствуя, как бьется сердце, направился на нижний этаж.

«Надо успокоиться, чтобы он не догадался, что я — недоумок. Тогда он не станет со мной говорить. Так, почему-то, всегда

случается. Интересно, почему?»

И он быстро зашагал по коридору.

3

По дороге на работу Рик Декард, как и Бог знает сколько еще других людей, остановился на минутку, чтобы поглазеть на витрину самого большого зоомагазина в Сан-Франциско. А именно, на отдел животных. В центре стеклянной витрины длиной в целый квартал в пластиковой прозрачной клетке с подогревом содержался страус.

Рик смотрел на страуса, страус смотрел на него. Птица, согласно табличке, только что была доставлена из зоопарка в Кливленде. Единственный страус на Западном побережье. Потом Рик опустил глаза и несколько минут мрачно рассматривал ярлык с ценой.

Прибыв к Дому Правосудия на Ломбард-стрит, он обнаружил, что опоздал на четверть часа.

Начальник, инспектор полиции Гарри Брайант, окликнул его, когда он возился с замком своего кабинета. Брайант был рыжеволосым мужчиной с торчащими ушами и внимательными глазами, подмечающими все, что имело хоть какую-нибудь ценность для дела. Костюм на нем сидел мешком.

— Встретимся в девять тридцать в кабинете Дэйва Холдена, — быстро проговорил начальник, перелистывая листки папиросной бумаги с печатным текстом на своем пружинном планшете. — Сейчас Холден находится в больнице «Гора Сион», — добавил он, возобновляя движение. — Ему лазером прошило позвоночник. Раньше, чем через три месяца, он оттуда не выйдет. Пока не приживется органопластиковая секция, вживленная вместо поврежденных позвонков.

— Как это случилось? — спросил пораженный Рик.

Еще вчера главный охотник на андроидов их департамента был совершенно здоров и в конце рабочего дня умчался в своем аэрокаре домой — в престижную густонаселенную часть города возле Нобхилла.

Брайант, пробормотал что-то нечленораздельное и умчался, оставив Рика в тревожном одиночестве.

Войдя в кабинет, Рик услышал голос секретаря. Энн Марстен.

— Мистер Декард? Вы знаете, что произошло с мистером Холденом? Его ранили!

Энн вошла вслед за Риком в душный кабинет и включила кондиционер.

— Да, — рассеянно ответил он.

— Должно быть, это один из новых сверх умных андроидов, которые запускает в серию «Розен Ассоусиэйшн», — рассуждала

мисс Марстен. — Вы читали уже брошюру компании? Мозг типа «Узел-6», осуществляющий выбор из двух триллионов комбинаций, то есть десять миллионов независимых нейронных трактов. — Она понизила голос. — Вы пропустили звонок по видфону утром. Мне сказала мисс Вилд. Ровно в девять звонок передавали через общий коммуникатор.

— Нам кто-то звонил?

— Нет, от нас. Мистер Брайант звонил в Россию, в их управление милиции. Спрашивал, не согласятся ли они на составление совместной жалобы руководству «Розен Ассоусиэйшн». Мы направим жалобу представителям в нашем полушарии, а они — в своем.

— Гарри продолжает настаивать на удалении с рынка мозга типа «Узел-6»?

Удивительного в этом было мало. С момента появления информации об испытаниях и характеристиках этой модели большая часть полицейских, имевших дело с убежавшими андроидами, протестовала без устали.

— Русские могут столько же, сколько и мы, — сказал Рик. — С юридической точки зрения производители мозга типа «Узел-6» подчиняются колониальному законодательству, так как их предприятия находятся на Марсе. Лучше примириться с этими новыми андроидами, как с фактом реальности. Так всегда было. Всегда, когда появлялся мозг нового типа. Я помню, какой шум, когда люди Садерманна выставили старый «Т-14», еще в 89-м. Не было полицейского отделения в западном полушарии, которое бы заявило, что теперь ни один тест не выявит андроида с таким мозгом, если этот андроид нелегально проникнет на Землю. И, честно говоря, какое-то время они были правы.

Насколько он мог вспомнить, более пятидесяти андроидов типа «Т-14» тем или иным путем пробрались на Землю и некоторым из них удалось скрываться более года. Потом Павловский институт в СССР разработал эмпатический тест. И ни один из Т-14 пока не смог пройти этого теста.

— А знаете, что ответили русские? — спросила мисс Марстен. Ее веснушчатое лицо сияло. — Мне удалось выяснить!

— Это мне поведает Гарри Брайант, — сухо ответил Рик.

Его раздражали внутридепартаментские слухи, потому что правда всегда оказывалась менее привлекательной. Он сел за стол и принялся демонстративно рыться в ящике, пока мисс Марстен не поняла намек и не покинула кабинет.

Рик извлек из ящика древний потертый конверт из плотной коричневой бумаги, откинул спинку своего импозантного кресла последней модели и отыскал в конверте то, что было нужно:

набор данных по мозговому устройству типа «Узел-6».

Ему потребовалось лишь несколько минут, чтобы убедиться — утверждение мисс Марстен имеет основания. «Узел-6» и в самом деле обладая двумя триллионами составляющих плюс способность выбора из десяти миллионов возможных комбинаций мозговой деятельности. За 0.45 секунды андроид с таким мозгом умел выбрать и осуществить любую из четырнадцати базовых реакций. Да, тест на умственные способности такого анди не расколет. Хотя, уже многие годы андроиды успешно проходили эти тесты, начиная с 70-х, когда было покончено с первыми неуклюжими моделями.

Андроид типа «Узел-6» по умственным способностям превосходил некоторые разряды людей. Иными словами, в терминах «утилитарных». «Узел-6» уже превзошел по своим возможностям большую (хотя и не самую выдающуюся; часть человечества. К лучшему ли? Слуга в некоторых отношениях переплюнул своего господина. Правда, имелись уже новые критерии оценок, вроде эмпатической шкалы Войт-Кампфа. Самый интеллектуальный андроид не в состоянии пойти на слияние, которое происходит во время сеансов эмпатии у всех последователей Сострадализма, и которое легко дается любому человеку, даже анормальному недоумку.

Рика, как и большинство людей, всегда интересовало, почему андроиды беспомощно проваливают любой тест на эмпатию. Очевидно, эмпатия, сопереживание, сочувствие присущи только человеческой природе, в то время как проблески интеллекта всегда можно обнаружить (в той или иной степени) в любом роде и виде, включая пауков. Очевидно, с одной стороны эмпатическое качество требует группового инстинкта. Одиночный организм, вроде паука, в нем не нуждается, даже наоборот — такой инстинкт уменьшил бы его шансы на выживание, заставив его осознать, что он старается выжить за счет жертвы. И все хищники, включая высокоразвитых, вроде кошек, умерли бы с голоду.

Эмпатия, думалось ему, должна ограничиваться травоядными или всеядными существами, способным отказаться от употребления мяса. Иначе этот дар начнет размывать грань между охотником и жертвой, между побежденным и победившим. Подобно тому, как в слиянии с Сострадальным от все вместе поднимались к вершине и, завершив цикл, смиренно погружались в могильный мир. Этот дар был обоюдоострым биологическим предохранителем. Если одно существо испытывало радость, то и все остальные получали свою долю радости. Однако, если страдал один, то и остальным не избежать было страданий. Стадное животное, вроде человека, получало, таким образом,

дополнительный шанс на выживание. Сова или кобра погибли бы.

Наверное, робот-андроид является одиноким хищником.

Рику нравилось думать об андроидах именно так. Это примиряло его с работой. Отправляя на покой (или, как еще говорили, в отставку — то есть, убивая) андроида, он не нарушал Закона Жизни, провозглашенного Вилбуром Сострадальным — «Должно убивать только убийц». Так сказал Вилбур в тот первый год, когда появились генераторы эмпатии. По мере роста Сострадализма в полное теологическое учение усложнилась и концепции Убийц. В теории абсолютное зло было направлено на старого человека в жалком плаще, взбиравшегося по склону горы, но не было понятно, что или кто это было. Сострадалист *чувствовал* присутствие зла, не понимая его. Другими словами, он видел туманное присутствие Убийц везде, где ему это казалось подходящим. Для Рика Декарда беглый гуманоидный робот, убивший своего хозяина, снабженный искусственным интеллектом, превосходящим интеллект большинства людей, равнодушный к животным, не имевший способности разделять радость и страдание с другим существом — для него такой андроид символизировал Убийцу.

Равнодушие анди к животным заставило его вспомнить о страусе, которого он видел сегодня в витрине. Рик отодвинул в сторону документы, набрал в щепоть немного нюхательной смеси «Сиддонс № 3–4» и втянул носом воздух. Потом, подумав, сверился с часами. Время еще было. Он поднял трубку настольного видфона и вызвал мисс Марстен.

— Соедините меня с магазином «Счастливый пес» на Саттер-стрит.

— Минуточку, сэр.

Секретарша раскрыла телефонную книгу, а Рик снова углубился в размышления.

Они не могут на самом деле просить такую сумму за страуса. Они наверняка должны сбавить, как это всегда делалось в старые добрые времена, например, когда торговая машинами.

— Зоомагазин «Счастливый пес», — объявив радостный мужской голос в сопровождении лая, рева и прочего, ласкающего ухо, шума. Лицо с экрана приветливо улыбалось.

— Я по поводу этого страуса у вас в витрине, — сказал Рик, небрежно поигрывая керамической пепельницей. — Сколько нужно внести за него сразу?

— Минутку, — ответил продавец, доставая карандаш и бумагу.

— Сразу выплачивается одна треть. — Он быстро произвел подсчет. — Позвольте спросить, сэр, вы намерены покупать?

— Я еще не решил, — сдержанно произнес Рик.

— Допустим, мы заключим на страуса тридцатимесячный контракт, — сказал продавец. — С очень низким комиссионным сбором — всего шесть процентов в месяц. Тогда месячный взнос составит, после первой выплаты…

— Вы должны понизить цену, — потребовал Рик. — Сбавьте две тысячи — и я выложу наличные, все сразу.

«Дэйв Холден сошел со сцены, — лихорадочно крутилось у него в мозгу. — Заданий в этом месяце будет много…»

— Сэр, — сдержанно сказал продавец, — но наша цена и без того на тысячу ниже каталожной. Сверьтесь по вашему каталогу Сидни, я подожду. И вы поймете, что мы запрашиваем разумную цену.

«Боже, — подумал Рик. — Они и не подумают уступить».

И все же, уже из спортивного интереса, он вытащил из кармана свой потрепанный экземпляр каталога, нашел раздел «страус» (самка, самец, молодой-старый, больной-здоровый, бывший в употреблении, новый) и сверил цены.

— Не бывший в употреблении, самец, молодой, здоровый, — отбарабанил продавец. Тридцать тысяч долларов. Наша цена ровно на тысячу долларов ниже. Итак, ваш первый взнос составит…

— Я подумаю, — перебил его Рик, — и позвоню.

Он уже хотел повесить трубку, но лицо продавца снова озарилось профессиональной улыбкой.

— Ваше имя, сэр?

— Фрэнк Мерриуел.

— Позвольте узнать ваш адрес на случай, если вы позвоните, а меня не будет.

Рик назвал первый пришедший в голову адрес и опустил трубку в гнездо.

«Такие деньги, — подумал он. — Такие деньги! Однако, люди покупают. У некоторых такие суммы есть.»

Рука его снова потянулась к трубке, а голос прозвучал излишне сурово:

— Дайте городскую линию, мисс Мартен. И не подслушивайте — это секретный разговор.

Слова были подкреплены свирепым взглядом.

— Да-да, сэр. Пожалуйста, набирайте.

И она отключилась, оставив Рика лицом к лицу с действительностью.

Он по памяти набрал номер эрзац-зоомагазина, в котором покупал свою электроовцу. На маленьком экране появился человек в халате ветеринара.

— Доктор Мак-Ре слушает.

— Звонит Декард. Сколько стоит электрический страус?

— Гм… Мы могли бы подобрать вам приличного страуса за восемьсот долларов. Куда его доставить? Нам придется делать заказ — страусов запрашивают редко…

— Я позвоню позже, — перебил Рик, бросив взгляд на часы (было уже 9.30). — До свидания.

Через пару минут он стоял перед дверью инспектора Брайанта, миновав первую секретаршу (молодую, привлекательную, с серебряными волосами до талии), а потом вторую (немолодую, напоминающую коварного монстра из юрских болот), которые не удостоили его словом. Впрочем, Рик с ними тоже не пытался заговорить. Он вошел в кабинет, кивнул инспектору, занятому разговором по видфону, сел, вытащил документацию на «Узел-6» и углубился в чтение.

В его ощущениях почему-то присутствовала подавленность. Хотя, рассуждая логически, исчезновение с горизонта Дейва должно было привести охотника за андроидами в состояние осторожной, но радости.

4

«Может быть, — думал Рик, — я боюсь того, что сделали с Дейвом. Если анди смог подстрелить его, то пришьет и меня. Хотя, кажется, дело не в этом…»

— Вижу, ты притащил брошюру по новому мозгу, — сказал Брайант, опуская трубку.

— Да, — ответил Рик. — Слухи ходят… Сколько в деле анди и как далеко продвинулся Дейв?

— Восемь, — сказал Брайант, сверившись с листком на пружинном зажиме блокнота. — Двоих он отправил в отставку.

— Остальные шестеро находятся в Северной Калифорнии?

— Да, насколько нам известно. Дейв считает именно так. Вот его заметки, они лежали в ящике стола. Здесь — все, что он успел узнать.

Инспектор постучал ногтем по стопке листков, проявляя явное желание передать записи Рику. Тот сразу напрягся.

— У меня пусто пока, — стараясь говорить небрежно, произнес он. — Я мог бы заменить Дейва.

— При испытании подозреваемых, — задумчиво сказал Брайант, — Дэйв использовал тест Войт-Кампфа. Вы понимаете, конечно, что он не рассчитан на новый тип мозга. Нужного нам теста вообще не существует. Поэтому мы имеем только шкалу Войта, три года назад усовершенствованную Кампфом. — Он помолчал, размышляя. — Дэйв считает, что тест себя оправдывает. Может быть он и прав. Но хочу предложить тебе вот что: прежде, чем возьмешься за эту шестерку, — инспектор снова постучал ногтем по стопке, — слетай в Сиэтл и поговори с людьми из фирмы Розена. Пусть дадут тебе на проверку один экземпляр андроида с новым мозгом типа «Узел-6»…

— И я испытаю его по Войт-Кампфу, — с готовностью продолжил его мысль Рик.

— На словах это легко, — как бы самому себе сказал Брайант.

— Простите?

— Наверное, пока ты будешь в пути, я сам переговорю с представителями фирмы.

Он некоторое время смотрел на Рика, вздохнул, закусил ноготь и, наконец, решился:

— Я думаю обсудить с ними возможность включения в тест, наряду с андроидами, человека. Кто — человек, а кто — андроид, ты знать не будешь. Об этом не будет знать никто, кроме меня и представителей фирмы. — Посуровев, инспектор внезапно ткнул в Риса пальцем. — Вы впервые будете старшим охотником. У

Дейва — годы опыта за плечами. Он очень многое знает…

— Я тоже, — напряженно сказал Рик.

— Ты получал задания, которые оставались после заполнения рабочего графика Дейва. Он всегда решал сам, какие задания передавать тебе, а какие — нет. Теперь у тебя шестеро анди. Анди, которых он собирался отправить на покои сам. И один из них отправил на покой его самого. Вот этот. — Брайант поднял лист, чтобы Рику было видно. — Макс Полоков. Так он себя называет. Конечно, если Дейв не ошибся. Все, что мы знаем, основано на его предположениях, весь этот список. Тест Войт-Кампфа был применен к троим. Двоих Дейв отправил на покой. С третьим все случилось во время теста — Полоков прошил Дейва лазером.

— что доказывает правоту предположения. Иначе у него не было бы причин стрелять.

— Отправляйтесь в Сиэтл, — задумчиво проговорил Брайант. — И ничего им не рассказывайте. Я все организую сам. Послушайте… — Он подошел к Рику и серьезно глянул ему в глаза. — Если во время проведения теста по Войт-Кампфу один из людей не выдержит…

— Этого не может быть, — быстро сказал Рик.

— Две недели назад мы говорили с Дейвом об этом. Он со мной согласился. Русские пустили в циркуляцию специальный меморандум. Группа психиатров из Ленинграда предполагает, что некоторые шизоидные типы могут давать реакцию «понижение аффекта» при составлении психопрофиля личности по методике Войт-Кампфа. Вы об этом слышали.

— Тест на это и направлен.

— Проблема не нова. Она возникла в момент нашего столкновения с андроидами, выдающими себя за людей. Мы опираемся на вывод известной вам статьи Лури Кампфа «Ролевое блокирование у шизофреников последней стадии». Кампф сравнивал снижение эмпатии у душевнобольных со сходной внешне, но по сути своей…

— Да, но…

— Ленинградские психиатры полагают, — перебил Рика инспектор, — что некоторые больные могли бы провалить тест Войт-Кампфа. И вы приняли бы их за андроидов. В этом случае ошибку обнаружить можно слишком поздно — когда подозреваемый уже мертв.

Он помолчал, ожидая ответа. Рик не торопился.

— Но эти больные, — начал он, — находились бы в…

— Да, специальных учреждениях, — согласился Брайант. — В обществе они не могли бы функционировать. Не смогли бы

скрыть серьезного психического заболевания. Но ведь болезнь может обостриться внезапно, у внешне вполне нормального человека с приличными характеристиками. И тогда ЭТО может произойти.

— Один шанс из миллиона, — скатал Рик.

Но он понял, куда гнет инспектор.

— Дейва всерьез беспокоил этот новый вид андроидов. Розен заверил нас, что новым тип мозга можно выявить на стандартных процедурах психопрофилирования. Теперь нам придется проверить это заверение. Именно этим вы и займетесь в Сиэтле. Учтите, неудача чревата двумя тяжелыми последствиями. Не выявив всех гуманоидных роботов во время испытания, вы продемонстрируете, что мы лишились надежного инструмента анализа и никогда не найдем тех, кто успел бежать. Если же тест обозначает андроидом человека… — Инспектор раздвинул губы в ледяной улыбке. — Щекотливая получится ситуация, хотя люди Розена не вынесут эту новость на суд широкой общественности. И придется нам сидеть, сложа руки. Как долго — никто не знает. Мы, конечно, поставим в известность русских, те сообщат в Ленинград. Информация просочится в журналы. Но, быть может, к тому времени мы разработаем новую шкалу тестирования. — Он снял трубку видфона. — Итак, за дело. Возьмите служебный кар. Заправитесь на нашей станции.

Рик поднялся.

— Могу ли я взять записи Холдена? Хотелось бы пролистать их по дороге.

— Лучше подождем результатов испытания шкалы, — сказал Брайант.

Тон его странным образом был лишен сочувствия, и Рик отметил этот факт.

Посада служебный полицейский кар на крышу здания ассоциации Розена в Сиэтле, он обнаружил, что его встречают. Навстречу ему шла молодая женщина, черноволосая, стройная, в модных пылезащитных очках. Руки ее были глубоко засунуты в карманы яркого полосатого пальто. На маленьком лице с точеными рсзкими чертами застыло сердитое отвращение.

— Что случилось? — спросил Рик, выходя из кара.

— Не знаю, — уклончиво ответила девушка. — С нами как-то так говорили по телефону… таким голосом… Не важно.

Она вдруг протянула руку, и Рик машинально пожал ее.

— Меня зовут Рэйчел Розен. А вы, должно быть, мистер Декард.

— Идея была не моя, — сказал Рик.

— Да, инспектор Брайант объяснил нам. Но вы —

официальный представитель Департамента помри Сан-Франциско. Департамент не уверен, что наша организация служит всеобщему благу.

Она внимательно смотрела на него. Ресницы у нее были черные и очень длинные — наверное, ненастоящие.

— Гуманоидный робот, как и любая машина, быстро превращается из благодеяния в опасность. Как благодеяние, он в нашу компетенцию не входит, — объяснил Рик.

— Но как опасность, — подхватила Рэйчел Розен, — сразу привлекает внимание. Мйстер Декард, это правда, что вы — охотник на андроидов?

Рик пожал плечами и с неохотой кивнул.

— Значит, вы спокойно смотрите на андроида как на кусок мертвой материи. И с легким сердцем отправляете его «на пенсию»… «в отставку» или «на покой», так, кажется, вы говорите?

— Вы уже отобрали группу испытуемых? — спросил он, не отвечая на ее вопрос. — Я бы хотел…

И замолчал, увидев животных, принадлежащих ассоциации.

Конечно. Мощная корпорация все может себе позволить. В глубине души он ждал чего-то подобного.

Позабыв о девушке, Рик медленно подошел к ближнему вольеру. Он чувствовал их запах, даже несколько запахов нескольких животных, которые сидели, стояли или спали в своих вольерах, вот как этот енот.

Рик впервые видел настоящего енота. Раньше он знал этих животных только по стереофильмам. Радиоактивная пыль почему-то нанесла енотам такой же тяжелый удар, как птицам. Рик машинально достал свой потрепанный каталог Сидни, нашел графу «Енот». Цены были напечатаны курсивом — в данный момент на рынке не имелось экземпляров для продажи. Ни за какие деньги. Цена повергла его в шок — астрономическое число.

— Этого енота зовут Билл, — сказала девушка, остановившись за спиной Рика. — Мы купили его в прошлом году у одной компании.

Только теперь Рик заметил охранников, вооруженных легкими скорострельными автоматами модели «шкода». Охранники явно наблюдали за ним. А ведь на его каре стоит четкая эмблема полиции.

— Крупнейший производитель андроидов, — медленно произнес он, — вкладывает прибыль в животных.

— Посмотрите на сову, — сказала Рэйчел. — Я разбужу ее, специально для вас.

И пошла к небольшой клетке в центре, в которой стояло

засохшее ветвистое дерево.

Но ведь сов больше не существует в природе! До сих пор считалось именно так. Рик проверил себя, снова пролистав каталог. Ну да. Каталог Сидни никогда не ошибается. Надеяться не на что.

— Она искусственная, — сказал он вдруг, догадавшись.

Разочарование было нестерпимо острым.

— Нет, — улыбнулась девушка, и он увидел, что зубы ее безупречно белые, мелкие и ровные.

— Но в каталоге Сидни…

Рик попытался протянуть ей книжицу, но она с улыбкой отвела его руку.

— Мы ничего не покупаем у Сидни. И у других зооторговцев тоже. Приобретаем животных только у частных охотничьих партий, цены не оглашаются. Кроме того, у нас есть собственные натуралисты. Сейчас они работают в Канаде. Там сохранились довольно обширные площади лесов, в которых уцелели многие мелкие животные, иногда встречаются даже птицы.

Рик стоял, словно в оцепенении, глядя на сову. Тысячи мыслей проносились у него в голове — о войне, о тех днях, когда с неба начали падать птицы. Он помнил это, он был мальчишкой, когда обнаружилось, что животные начинают вымирать вид за видом. Об этом сообщали газеты, но скоро люди перестали читать бесконечные сообщения о вымирании видов.

Он снова почувствовал неприязнь к своей электрической овце, о которой приходилось заботиться, как о живой. «Тирания вещи… Вещь не знает, что я существую. Как андроиды, она умеет воспринимать существование других».

Ему впервые пришла в голову такая мысль — о сходстве анди и электрических животных. Наверное, можно рассматривать эрзац-животных, как примитивный подвид андроидов, разновидность очень примитивного робота. И, наоборот, андроида можно представить как очень высокоразвитое электроживотное. Обе модели показались Рику отвратительными.

— А сколько стоила бы сова, — спросил он у Рэйчел, — если бы ее продавали? И какую часть нужно было бы внести немедленно?

— Мы никогда не продадим нашу сову, — ответила девушка, глядя на Рика полуудивленно-полужалостливо. — А если бы и решились на это, вы бы не смогли заплатить. У вас дома какое животное?

— Овца, — сказал он. Черномордая саффолкская.

— Ну, вы должны быть довольны.

— Я и доволен, — сказал Рик. — Просто всегда мечтал иметь

сову, еще до того, как они все вымерли. Кроме вашей, — поправил он себя.

— Мы хотим получить еще одну сову, которая могла бы спариваться со Скреппи, — поделилась Рэйчел, задумчиво глядя на дремлющую птицу.

Сова на секунду показала желтые щелки глаз. Перья на груди приподнялись и опали, словно она тяжело вздохнула в гипнотическом трансе.

Оторвавшись от рвущего душу зрелища, Рик повернулся к девушке.

— Пора заняться тестами. Мы спустимся вниз?

— Мой дядя говорил с вашим начальником, сейчас уже, наверное…

— Вы — родственники? — удивился Рик. — Такая большая корпорация — и семейное предприятие?

— Дядя Элдон подготовил группу андроидов и контрольную группу, — ответила Рэйчел, пропустив мимо ушей его вопрос. — Идемте.

И направилась к лифту, снова глубоко засунув руки в карманы яркого пальто. Помедлив секунду, Рик побрел следом. Он был раздражен.

— Почему вы так со мной разговаривали?

Она ответила не сразу, словно не ждала такого вопроса. Лифт плавно спускался вниз.

— Вы, мелкий чиновник полицейского управления, оказались в уникальном положении. Понимаете?

В ее взгляде он прочел неприкрытую угрозу.

— Какой процент вашей продукции состоит из андроидов с мозгом типа «Узел-6»?

— Сто процентов, — ответила девушка.

— Я уверен, что шкала Войт-Кампфа окажется пригодной для них.

— А если нет, то нам придется убрать с рынка все типы «Узел-6».

Черные глаза смотрели на Рика сурово.

Через несколько секунд двери остановившейся кабины наконец раздвинулись.

— И только потому, что вы не справились с таким наложным делом, как выявление жалкой группки бежавших андроидов.

Подошедший к ним пожилой элегантный мужчина протянул руку для приветствия. На лице его отражалась озабоченность, словно события последних часов развивались слишком быстро.

— Элдон Розен, — представился он. — Послушайте, Декард, вы ведь понимаете, что на Земле мы ничего не производим? Я не

могу просто снять трубку и приказать доставить пару образцов текущей продукции. Нет, это не значит, что мы не хотим с вами сотрудничать. Во всяком случае, я сделал все, что мог.

Чуть дрожа, его ладонь пробежала по редеющим волосам.

— Я готов начинать, — указав на служебный чемоданчик, сообщил Рик.

Нервозность Розенов придала ему уверенности в себе. «Они боятся меня, — вдруг понял он удивленно. — Значит *я могу* вынудить их прекратить производства типа „Узел-6“. Ближайшие пару часов окажут сильнейшее воздействие на их будущие операции. Быть может, от этого зависит само существование корпорации Розена. Здесь, или в восточном полушарии, или даже на Марсе».

Розены внимательно смотрели на него. За внешней вежливостью он чувствовал ужас пустоты — полицейский принес с собой безмолвие экономической гибели. Ведь корпорация стала одним из стержней экономики. Она так тесно срослась с программой колонизации, что, рухнув, похоронит под своими обломками программу. Розен это превосходно понимал. Он размышлял над этим с момента звонка Гарри Брайанта.

— Я бы на вашем месте не особенно беспокоился, — сказал Рик, шагая по широкому, ярко освещенному коридору.

Он был очень доволен. Доволен своим положением, как никогда раньше. Очень скоро они узнают, что может и чего не может его аппарат.

— Если вы не доверяете шкале Войт-Кампфа, — сказал он покровительственно, — то ваша организация могла бы разработать собственный тест. О, благодарю.

Розены ввели его в уютную комнатку, с коврами, модными выдвижными столиками и свежими журналами на них. Среди них был даже последний, февральский выпуск приложения к каталогу Сидни, которого Рик еще не видел. Он, собственно, должен был выйти только через три дня. Да, корпорация Розена имела особого свойства связи с компанией Сидни. Он раздраженно показал на выпуск каталога.

— Это есть покушение на общественное доверие. Никто не должен иметь преимущества, первым узнавая цены.

Фактически это было нарушением федерального закона. Рик попытался вспомнить соответствующую статью, но не смог.

Я забираю это с собой, — категорическим тоном заявил он и сунул приложение в свой чемоданчик.

Последовала пауза, потом Элден Розен утомленно произнес:

— Послушайте, инспектор, это не в наших правилах — упрашивать.

— Я не инспектор, я — охотник на андроидов, — едко напомнил Рик.

Он достал из чемоданчика аппарат Войт-Кампфа, сел за ближайший журнальный столик из розового дерева и начал монтировать прибор — довольно простое тестирующее устройство.

— Можете пригласить первого испытуемого.

Розен выглядел еще более изможденным.

— Можно мне посмотреть? — спросила Рэйчел, садясь рядом с Риком. — Я никогда не видела испытания на эмпатию. Что измеряют все эти штуки?

— Вот это, — поднял он диск с клейкой поверхностью и сеткой проволочек, — определяет степень расширения капилляров кожи лица. Это первичная рефлекторная реакция, так называемая краска смущения или стыда. Ее вызывает стимул шокирующей природы. Она не поддается волевому контролю, подобно частоте дыхания, проводимости кожи или сердцебиению. А это — световой датчик. С помощью тонкого луча этот прибор регистрирует перемену напряжения внутри глазных мышц. Обычно наряду с покраснением регистрируется слабое, но заметное сокращение…

— И у андроидов этого не бывает? — перебила девушка.

— Биологически с андроидами такое может происходить. Но это не порождается вопросами-стимулами.

— Испытайте меня!

— Зачем? — озадаченно спросил Рик.

— Мы избрали ее в качестве первого объекта испытания, — хрипло произнес Розен. — Возможно, она — андроид. Надеемся, вы сможете это выяснить.

Как-то судорожно, порывисто он сел, закурил сигарету и принялся наблюдать за Риком.

5

Тонкий, как карандаш белый световой луч бил прямо в зрачок Рэйчел Розен. К ее щеке прилип проволочный сетчатый диск. Внешне девушка казалась абсолютно спокойной.

Рик, усевшись поудобнее, чтобы хорошо видеть показания двух циферблатов на панели аппарата, пояснил:

— Сейчас я опишу несколько ситуаций, с которыми вы можете столкнуться в жизни. Выражайте свою реакцию как можно быстрее. Время будет засекаться.

— И, конечно же, — улыбнулась Рэйчел, — слова мои в счет не пойдут. Значение имеет только реакция глазных мышц и капилляров кожи. Но я все равно буду отвечать. Мне хочется пройти через все это. Начинайте, мистер Декард.

Рик выбрал вопрос № 3:

— В день рождения вам подарили кошелек из телячьей кожи.

Обе стрелки немедленно перепрыгнули в красный сектор, бешено заметались, но почти сразу же успокоились.

— Я откажусь, — сказала девушка. — И сообщу в полицию имя этого человека.

Сделав пометку, Рик обратился к восьмому вопросу шкалы:

— У вас есть маленький сын. Он показывает вам коллекцию бабочек, включая банку для умертвления насекомых.

— Я отведу его к доктору, — тихо, но твердо сказала Рэйчел.

Стрелки опять отклонились, но уже не так сильно. Рик сделал вторую пометку.

— Вы смотрите телевизор, — продолжал он. — И вдруг обнаруживаете на руке осу.

— Я убью ее.

На этот раз стрелки почти не отклонились, лишь слабо дрогнули. Рик сделал пометку и осторожно выбрал следующий вопрос:

— Вы встречаете в журнале цветную фотографию девушки на весь разворот. Девушка обнаженная.

— Интересно, что вы проверяете? Мою склонность к лесбиянству?

Стрелки даже не шелохнулись.

— Вашему мужу фотография понравилась, — продолжил Рик. Стрелки не сдвинулись. Ноль реакции. — Девушка лежит лицом вниз на большой шкуре медведя.

Стрелки остались мертвы.

Она не заметила самого главного, сосредоточившись на других элементах.

Она…

Или оно?

— Ваш муж решил повесить снимок в своем кабинете.

Стрелки ожили.

— Я не позволю!

— Хорошо, — сказал Рик, кивнув. Теперь представьте, что вы читаете довоенный роман. Герои посещают причалы Сан-Франциско. Они хотят перекусить и заходят в ресторан. Один из героев заказывает омара, и шеф-повар бросает *живого* омара в кипящую воду. Герои наблюдают, как омар варится.

— Боже! — воскликнула Рэйчел. — Это ужасно! Они на самом деле так делали? Просто жуть! Это извращение! Вы имеете в виду… живого омара?

Но стрелки циферблатов, тем не менее, не показали реакции. Формально Рэйчел вела себя правильно. Но это было всего лишь симуляцией.

— Вы сняли домик в горах. В районе, где еще остались леса. Это небольшая избушка с камином.

— Понятно, — нетерпеливо кивнула девушка.

— Кто-то развесил на стенах старые карты, репродукции, а прямо над камином — голову оленя, крупного самца с великолепными рогами. Ваши товарищи восхищены обстановкой, и все вы…

— Только не с этой ужасной головой, — сказала Рэйчел.

Стрелки, тем не менее, не вышли за границы зеленого сектора.

— Вы забеременели. От человека, который обещал жениться, а потом убежал к другой женщине, вашей лучшей подруге. Вы делаете аборт и…

На этот раз обе стрелки устремились в красный сектор.

— Я не смогла бы сделать аборт. Это запрещено. Полиция следит за этим. За попытку — пожизненное заключение.

— А откуда вы знаете? — с любопытством спросил Рик. — Насчет трудностей с абортом?

— Это все знают.

— Мне показалось, что вы говорите на основании собственного опыта. — Он не отрывал глаз от циферблата. Стрелки резко качнулись. — И еще. Вы пришил на свидание с мужчиной. Он приглашает вас к себе домой, предлагает выпить. Со стаканом в руке вы случайно заглядываете в спальню. Она украшена привлекательными плакатами с изображениями боя быков. Вы заходите в спальню, чтобы получше их рассмотреть. Он идет за вами, закрывает дверь, обнимает вас и говорит…

— Что значит «бой быков»?

— Это рисунок, как правило, большой, изображающий матадора с красным плащом и быка, который старается поддеть матадора на рога. — Рик был озадачен. — Сколько вам лет?

— Восемнадцать, — ответила девушка. — Ладно. Он закрывает дверь, обнимает меня и говорит… Что говорит?

— Вы знаете, чем заканчивалась коррида?

— Кажется, кто-то кого-то убивал.

— В конце всегда убивали быка.

Он ждал, поглядывая на стрелки. Они лишь подрагивали. Никакой реакции.

— Последний вопрос. — Голос его звучал утомленно. — В двух частях. Вы смотрите по телевизору старый, еще довоенный фильм. Идет банкет. Гости наслаждаются устрицами.

— Гм, — сказала Рэйчел.

Стрелки быстро качнулись.

— Главное блюдо, — продолжал Рик, — приготовлено из собаки, сваренной с рисом. — Стрелки качнулись, но слабее, чем перед этим. Устрицы для вас более приемлемы, чем вареная собака? Явно нет.

Он опустил карандаш, выключил световой луч и снял со щеки Рэйчел проволочную сетку.

— Вы — андроид. Таков результат теста.

Кому было адресовано это сообщение? Ей… то есть *ему*? Или Элдону Розену, с беспокойством наблюдающему за Риком?

Лицо старика дрогнуло.

— Я прав, не так ли?

Розены молчали.

— Послушайте, — сказал Рик убеждающе. — Наши интересы не расходятся. Для меня не менее важно, чем для вас, чтобы тест Войт-Кампфа действовал.

— Она не андроид — сказал Розен.

— Я не верю.

— Зачем ему лгать? — с жаром вступила Рэйчел. — Нам было бы выгоднее обмануть вас.

— Требую анализа костного мозга, — решительно произнес Рик. — Органический анализ покажет, андроид вы или нет. Это займет много времени, процедура будет болезненной, но…

— По закону, — сказала Рэйчел, — вы не можете принудить меня согласиться на анализ.

Вы правы только в одном — это конец теста.

Она встала, отошла в сторону и повернулась к Рику спиной, уперев руки в бедра.

— Дело не в законности теста костного мозга, — хрипло произнес Элдон Розен. — Дело в том, что ваш тест на эмпатию

оказался неприменимым к моей племяннице. И этому есть объяснение. Видите ли, Рэйчел выросла на борту звездолета «Саландер-3». Там она родилась и провела четырнадцать лет, зная о Земле только то, что было в видеотеке и то, что рассказали ей девять членов экипажа. Как вам, должно быть, известно, корабль повернул, преодолев только шестую часть пути к Прокате Центавра. Иначе Рэтел так никогда и не увидела бы Земли…

— И вы отправили бы меня на покой, — сказала Рэйчел через плечо. — Застрелили бы. Я знала это еще четыре гада назад. Я уже не в первый раз прохожу тест Войт-Кампфа и, честно говоря, не рискую часто покидать это здание. Полиция устраивает проверки на дорогах, в воздухе, отыскивая неклассифицированных специалов…

— И андроидов, — закончил Розен. — Широкой публике об этом, разумеется, не сообщают. Ей не нужно знать, что андроцды постоянно проникают на Землю и скрываются среди нас.

— Не думаю, что это так уж серьезно. Уверен, что полиция обоих полушарий уже ликвидировала всех беглых андроидов, — сказал Рик. — Население сейчас очень неплотное. И любой, рано или поздно, попадает под выборочную проверку.

Так, по крайней мере, считалось.

— Вас проинструктировали на тот случай, если вы ошибочно классифицируете человека, как андроида?

— Это дело нашего управления, — сказав Рис, закрывая чемоданчик, в который уже упаковал аппарат. Оба Розена молча следили за ним. — Само собой разумеется, в подобном случае мне было приказано прекратить испытания, что я сейчас и делаю. Если тест не удался один раз, какой смысл продолжать?

Он щелкнул замком.

«Брайант был прав. Слава Богу, мне не придется выходить на задание, имея *этот* тест».

— Все дело в специфике вашего производства, мистер Розен. Кто вас заставлял доводить совершенство гуманоидных роботов до предела, когда…

— Мы производим то, что необходимо колонистам, — ответил старик. — Следуем проверенному временем принципу коммерции. Если бы мы не начали совершенствовать андроидов, этим бы занялась другая фирма. Мы знали, на каком идем риск, создавая последнюю модель. НО ВАШ ТЕСТ ДОКАЗАЛ СОБСТВЕННУЮ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ. Другое дело, если бы вы не определили андроида как андроида, если бы ошиблись в другую сторону. Но произошло обратное. — Голос Розена стал вдруг твердым и властным, приобретя всепроникающую резкость. — Весьма вероятно, что вы и ваше управление уже

«отправили на покой» немало настоящих людей, приняв их за андроидов. И только потому, что их эмпатическая способность была недоразвита, как у моей бедной племяннм|у, невинной девушки. Ваша позиция, мистер Декард, крайне незавидна с моральной точки зрения. Ваша, а не наша.

— Другими словами, — сказал Рик, поняв, что происходит, — вы не дадите мне возможности проверить андроида типа «Узел-6». Вы сознательно напустили на меня безобидную девицу.

«Слишком поздно, — подумал он. — Слишком поздно…»

— Мы обвели вас вокруг пальца, мистер Декард, — согласилась Рэйчел Розен, торжествующе улыбаясь.

Он все еще не понимал, как корпорации удалось так ловко и незаметно его провести. Да, это эксперты надувательства… Такая гигантская корпоранта… слишком большой суммарный опыт… Она должна обладать каким-то своеобразным групповым сознанием. А Элдон Розен и Рэйчел — только представители, выразители идей этого ульевого мозга. В этом-то и заключалась его ошибка — он воспринимал их, как отдельные индивидуальности. Больше такого не повторится.

— Ваш начальник, мистер Декард, будет очень озадачен, узнав, как легко позволили вы сделать тест недействительным еще до начала настоящей проверки, — медовым голосом сказал Элдон Розен, показывая пальцем на потолок.

Рик поднял голову и увидел блеск телевизионных линз. Непростительная оплошность в деле с корпорацией Розена была, разумеется, записана на пленку.

— Думаю, нам сейчас необходимо присесть, — дружелюбно указал на кресло Розен. — Мы можем что-нибудь придумать, мистер Декард. Волноваться причин нет. Андроиды типа «Узел-6» — это факт. Мы. «Розен Ассоусиэйшн», так его и воспринимаем. Теперь, надеюсь, и вы тоже.

— Вы хотели бы иметь сову? — тихо спросила Рэйчел, склонившись к Рику.

— Сомневаюсь, что буду ее когда-нибудь иметь.

Он понял, что она имеет в виду Понял, какую сделку предлагает корпорация. И почувствовал волнение совершенно необычного свойства. Такого с ми еце не случалось. Внутри словно взорвалась ива напряжения, затопив тело, овладевая им до последнего уголка.

— Но сова — именно то, что вам нужно, — сказал Розен-старший, вопросительно гладя на Рэтел. — Кажется, он не может понять…

— Он все отлично понимает, — промурлыкала девушка. — Отлично понимает, не так ли, мастер Декард? — Она все

клонилась и клонилась к нему, он чувствовал легкий аромат духов и даже, кажется, тепло ее тела. — Мистер Декард, сова, практически, уже ваша, — потом девушка повернулась к Розену. — Он охотится на андроидов. Не забывайте. Он получает, сверх жалованья, премии. Правильно, мистер Декард?

Он кивнул.

— Сколько андроидов убежало на этот раз?

— Восемь, — после некоторой паузы сказал Рик. — Двое уже отправлены на покой. На мною, другим охотником.

— И сколько вы получаете за одного андроида?

Он пожал плечами.

— По-разному бывает.

— Если у вас нет полномочного инструмента тестирования, то нет и способа обнаружить андроидов, — сказала Рэйчел. — А если нет способа обнаруживать, то нет и премий. Поэтому, если шкала Войт-Кампфа будет отброшена…

— Ее заменит новая шакала, — сгазал Рик. Это уже случалось раньше.

«Три раза, если быть точным, — подумал он. — Но тогда были известны нужные для новой шкалы анализирующие инструменты.

— Конечно, шкала Войт-Кампфа устареет и выйдет из употребления, — согласилась Рэйчел. — Но до этого пока далеко. Мы довольны тем, что она способна выявлять андроидов типа «Узел-6», и мы бы хотели бы, чтобы вы продолжили свою необычную работу.

Покачиваясь вперед-назад, она пристально смотрела на Рика.

— Скажи ему, что он получит сову, — напомнил Розен.

— Вы сможете взять сову. — Рэйчел не спускала с Рика пристального взгляда черных глаз. — Ту, что на крыше. Скреппи. Но нам хотелось бы, чтобы вы позволили ее спарить, когда мы достанем самца. И потомство будет наше — тут без компромиссов. И еще одно. — Она оглянулась на Розена, тот согласно кивнул. — Вы не получите права передавать сову по наследству. В случае вашей гибели она вернется в корпорацию.

— Нехорошо получается, — сказал Рик. — Вы явитесь и прикончите меня, чтобы немедленно вернуть животное птицу. Не согласен. Это слишком опасно.

— Но ведь вы — охотник на андроидов, и лазерным пистолетом пользоваться умеете. Они и сейчас с вами. А если вы не умеете защищать себя, то как же справитесь с анди типа «Узел-6»? Они куда сообразительнее старых «В-4» корпорации Гроззи!

— Но я охочусь *на них*, — сказал он. — А в этом случае кто-то

будет охотиться *за мной*.

Эта идея ему решительно не нравилась. Даже андроиды, сознавая, что за ними охотятся, многое теряли.

— Ну, хорошо. Вы сможете завещать сову наследникам.

Но потомство останется за нами. На этом мы настаиваем. Весь выводок. Если вы не согласны, возвращайтесь к своему начальнику и сообщите, что шкала Войт-Кампфа — в ваших руках, во всяком случае — не способна отличить андроида от человека. А потом ищите другую работу.

— Дайте мне немного времени, — сказал Рик.

— Хорошо, — ответила Рэйчел. — Мы оставим вас здесь, в этой уютной обстановке на…

Она посмотрела на часы.

— Полчаса, — сказал Розен, и они безмолвно направились к двери.

Рик понял, что все остальное зависит от него.

Уже когда Рэйчел закрывала за собой дверь, он произнес в пространство:

— Вы поймали меня в абсолютную ловушку. Мой промах записан на видеоленту. Вы знаете, что моя работа зависит от применения шкалы Войт-Кампфа. И у вас проклятая сова.

— Твоя сова, мой милый, — сказала Рэйчел, останавливаясь. — Ты забыл? мы привяжем ей адрес на лапку и отправим лететь в Сан-Франциско. Там оно тебя встретит.

«Оно! — подумал Рик. — Она назвала сову «оно»!

— Секундочку! — сказал он.

— Так вы решили?

Рик открыл чемоданчик: — Последний вопрос из теста Войт-Кампфа, — пояснил он. — Присядьте, пожалуйста.

Рэйчел взглянула на дядю. Тот кивнул и она, пожав плечами, вернулась за столик. Брови ее приподнялись с тревогой и отвращением.

— Но зачем это?

Он заметил ее напряжение и профессионально отметил его про себя.

Минуту спустя световой карандаш снова был нацелен в глаз двушки. Она неподвижно смотрела прямо в луч, не меняя Сражения лица, на котором застыло отвращение.

— Симпатичный чемоданчик, не правда ли? — спросил Рик, снимая листки с вопросами. — Служебный. Нравится?

— М-да, — неопределенно ответила девушка.

— Детская кожа, — пояснил он. — Стопроцентная, натуральная кожа ребенка.

И погладил черную крышку. И увидел, как отчаянно

метнулись стрелки на индикаторах. Но лишь после заметной паузы. Реакция имела место с опозданием. В то время как никакой паузы вообще не должно было быть. Время реакции он знал до долей секунды.

— Благодарю, мистер Розен, — сказал Рик, собирая прибор. — Повторный тест кончился. Это — все.

— Вы улетаете? — спросила девушка.

— Да. Я доволен результатами.

— А как же остальные девять испытуемых? — спросил она с опаской.

— В вашем случае шкала оправдала себя вполне. Я могу делать вывод уже на основании этого теста. Шкала продолжает сохранять эффективность.

Он повернулся к Элдону Розену, который в мрачном молчании застыл у двери.

— Она знает?

Иногда они сами не знали, кем являются. Когда водилась ложная память. С ошибочной надеждой, что это поможет изменить результат теста.

— Нет, — ответил Розен. — Мы ее полностью запрограммировали. Но, кажется, к концу она начал подозревать правду. Рэйчел, ведь ты догадалась, когда он предложил ответить на последний вопрос?

Побледнев, она кивнула.

— Не бойся его. Ты ведь не сбежавший андроид, нелегально проникнувший на Землю. Ты — собственность ассоциации Розена, часть торговой рекламы для привлечения будущих колонистов.

Он подошел к девушке и успокаивающе положил руки на ее плечи. Она вздрогнула.

— Он прав, — сказал Рик. — Я не собираюсь отправлять вас на покой, мисс Розен. Всего хорошего.

Направившись было к двери, он остановился.

— Еще один вопрос, мисс Розен. А сова у вас настоящая? Рэйчел быстро взглянула на Розена.

— Он все равно уходит, — сказал старик. — Это уже не имеет значения. Нет, сова искусственная. Живых сов больше нет.

— Так, — тихо сказал Рик и вышел в коридор.

Оставшиеся в комнате смотрели ему вслед. Все было сказано. Так вот, значет, как действует самый крупный производитель андроидов — подлое коварство. Скрытный, опасный тип личности. Недаром органы правосудия обеспокоены появлением андроидов типа «Узел-6».

Только теперь он понял, что Рэйчел была тем самым «Узлом-6». Он впервые столкнулся с таким андроидом, и андроид

едва не выиграл. Они чуть не подкопались под тест Войт-Кампфа — единственный метод распознавания типа «Узел-6». Корпорация Розена славно потрудилась, чтобы защитить производимый товар.

И ему придется иметь дело еще с шестерыми.

За каждый цент премии придется попотеть.

Если, конечно, он выйдет из этой переделки живым.

6

Телевизор надрывался. Джон Исидор, спускаясь по пыльной лестнице огромного пустынного дома, слышал хорошо знакомый голос Бастера Дружби. Голос сочился весельем, Бастер болтал со своей всесистемной аудиторией.

— Ха-ха-ха, ребята! Стук-грюк-стук! Пора дать краткую сводку погоды! Сначала восточное побережье США. Спутник «Мангуста» сообщает: осадки достигнут максимума к полудню, потом уровень снизится. Если кто-то из вас собирается выйти прогуляться, вам лучше подождать. Кстати, об ожидании. Осталось всего десять часов до момента, когда я сообщу вам чрезвычайную новость. Это мой сюрприз. Возможно, вы думаете, что я, как всегда…

Как только Джон Исидор постучал в дверь, голос Бастера канул в небытие — телевизор замолчал. Он не просто потерял голос. Он перестал существовать, до смерти напуганный стуком Исидора.

Но сквозь затворенную дверь Джон чувствовал присутствие другой жизни. Он убедил себя (а может, и в самом деле что-то воспринимал?), что ощущает безгласный испуг, притаившийся за дверью, пятившийся от нее, словно кто-то пытался забиться в самый угол квартиры, чтобы не встречаться с Джоном Р. Исидором.

— Эй! — позвал он. — Я живу на следующем этаже! Я слышал, как у вас работает телевизор! Давайте познакомимся. Вы не против?

Ни шороха, ни намека на движение.

— Я принес вам маргарин, — сказал Джон, подойдя к двери вплотную, чтобы голос проник сквозь ее толщу. Меня зовут Джон Р. Исидор, я работаю для известного ветеринара, мистера Ганнибала Слоута. Вы ведь слышали о нем? Я — вполне приличный человек, вожу фургон мистера Слоута.

Дверь робко приоткрылась, и он заметил силуэт девушки, которая старалась держаться так, чтобы не попасть в поле зрения Исидора, одновременно не выпуская дверь. Словно без этого она не удержалась бы на ногах. Страх придавал ей больной вид. Словно кто-то сломал ее, а потом кое-как, злобно и насмешливо слепил снова. Огромные неподвижные глаза стеклянно смотрели на Исидора, губы с трудом складывались в улыбку.

Он вдруг понял причину ее страха.

— Вы ведь думали, что в доме никто не живет? Что дом покинут?

— Да, — прошептала девушка и кивнула.

— Но ведь соседей иметь всегда приятно, — с надеждой произнес Исидор. Черт подери, пока вы не появились у меня вообще соседей не было. А это так грустно. Бог свидетель.

— А вы здесь один? — спросила девушка. — Я имею в виду, в этом здании?

Она, казалось, немного освоилась, осмелела. Маленькая ладонь пригладила черные волосы. Фигурка у девушки оказалась прелестная, хотя и очень миниатюрная, глаза затеняли длинные черные ресницы. Застигнутая врасплох, она была одета только в пижамные брюки — больше на ней вообще ничего не было. Исидор заметил, что в ее комнате царит полный беспорядок. Распахнутые чемоданы там и сям, их содержимое, вывалившееся на пыльный мусорный пол. Но это так естественно — она ведь только что приехала.

— Кроме вас, я здесь один, — сказал Исидор. — И я не буду вам надоедать.

Он был подавлен. Его гостинец, напоминавший о старых добрых довоенных временах, не был принят. Девушка, кажется, вообще не понимала, зачем он принес маргарин. Или даже не заметила, что неожиданный посетитель что-то держит в руках. У него появилось ощущение, что она все еще барахтается в расходящихся кругах страха.

— Вам нравится старина Бастер? — спросил Исидор, чтобы как-то снять напряжение. — Я каждое утро смотрю его передачи, и вечером тоже, когда возвращаюсь с работы. Смотрю, пока ужинаю, а потом — до тех пор, пока не лягу спать. То есть, я так делал, пока не сломалось изображение в моем телевизоре.

— Кто… — Девушка оборвала вопрос, прикусив губу, словно рассердившись на себя саму.

— Бастер Дружби, — объяснил он. Странно, что девушка не слышала об этом самом-самом комичном комике Земли. — А откуда вы приехали?

— Какая разница? — Она бросила на Исидора быстрый внимательный взгляд и, словно что-то заметив, слегка расслабилась. — Я буду рада вашей компании. Но позже, когда немного освоюсь. Сейчас об этом не может быть и речи.

— Но почему?

Он терялся в догадках. Может быть, долгие годы жизни в одиночестве изменили его, и он стал не таким, как все? От этой мысли подавленность стала сильнее.

— Я мог бы помочь вам распаковать вещи, — решился предложить Джон, в то время как дверь практически уже затворилась, прямо перед его носом. — И мебель…

— У меня нет мебели, — сказала девушка. — Все эти вещи… они уже были здесь.

Ему достаточно было одного взгляда, чтобы определить, что стулья, ковер и столы — все сгнило, погрузилось в братскую могилу умерших вещей, поглощенных деспотической властью времени и заброшенности.

— Они не подойдут. Как же вы собираетесь жить в таких условиях? послушайте, — сказал он с искренним желанием помочь, — если мы обыщем весь дом, то можем найти кое-что получше. В одной квартире — лампу, в другой — стол, и так далее.

— Я так и сделаю, — сказала девушка. — Но сама. Спасибо.

— Вы *одна* пройдете по пустым квартирам?

Он не верил собственным ушам.

— Почему бы и нет?

И она снова нервно вздрогнула, словно поняв, что говорит что-то не так.

— Я однажды попробовал. И теперь стараюсь побыстрее возвращаться в свою квартиру, не вспоминая об остальных. Сотни пустых квартир, и там еще полно вещей, которые остались после людей, живших в них. Умершие ничего не смогли забрать с собой, эмигрировавшие — не захотели… Весь дом мусоризовался, кроме моей квартиры.

— Мусо-ризовался? — не поняла она.

— Это я так называю. Мусор. Старые конверты, спичечные коробки, обертки жевательных резинок, старые газеты… Когда поблизости нет людей, мусор начинает размножаться, воспроизводить себя. Например, если вы перед сном оставляете в комнате некоторое количество мусора, к утру его количество удваивается. Его становится все больше и больше.

— Я понимаю… — сказала девушка, неуверенно глядя на Исидора и не зная, верить его словам или нет.

Она явно не понимала.

— Существует Первый закон Мусоризации, — пояснил Исидор. — Мусор вытесняет Немусор. А в этом доме давно никто не живет, и некому было воевать с мусором.

— И он полностью победил, — закончила девушка. — Теперь я поняла.

— Квартира, которую вы выбрали, слишком мусоризовалась. В ней нельзя жить. Но мы можем снизить факт мусора. Можем, как я уже говорил, поискать в других квартирах. Но…

Он замолчал.

— Что «но»?

— Но мы никогда не победим, — сказал Джон Исидор.

— Почему?

Девушка вышла в коридор, закрывая за собой дверь. Сложив руки, прикрывшие маленькие, высоко сидящие груди, она стояла перед Джоном, всем своим видом выражая стремление пенять. Так ему казалось, во всяком случае. По крайней мере, девушка слушала.

— Никто и никогда не победит мусор. Выиграть можно только временно. В каком-то отдельном месте. Как в моей квартире, где мне удалось создать подвижное равновесие между давлениями мусора и немусора. Но потом я или умру, или уеду, а мусор возьмет свое. Это всеобщий закон, он действует во всей Вселенной. Вся Вселенная движется к конечному состоянию полной мусоризованности, не считая, конечно, Вилбура Сострадального и его пути вверх, — добавил он.

Девушка смотрела на него непонимающе.

— не вижу связи.

— Но в этом — весь смысл Сострадализма. — Он опять был озадачен. — Разве вы не участвуете в сопереживаниях? У вас нет генератора эмпатии?

— Я не взяла его с собой, — осторожно сказала она после некоторой паузы. — Думала, что найду свободный аппарат здесь.

— Но ведь эмпатический генератор, — заикаясь от волнения, произнес Джон, — Это самая личная вещь, какая только может быть у человека! Это — продолжение вашего тела! Это способ, которым вы соприкасаетесь с чувствами других людей! Вы это знаете… все это знают! Сострадальный позволяет даже таким, как я…

Он оборвал себя, но было поздно — по вспыхнувшему на лице девушки отвращению стало понятно, что она его разгадала.

— Я почти прошел этот тест, — сказал Исидор осипшим, дрожащим голосом. — Тест на умственные способности. Я — умеренный специал, совсем не такой, как многие остальные. И Сострадальному это все равно.

— Что касается меня, — произнесла девушка, — то я считаю это главным недостатком Сострадализма.

Голос ее был спокоен и прозрачен. Джон Исидор понял, что она констатировала факт своего неприязненного отношения к недоумкам.

— Я пойду, наверное, — сказал он и направился к лестнице, сжимая в руке ненужную пачку маргарина.

Тепло руки сделало маргарин мягким, как воск. Девушка смотрела ему вслед спокойно и бесстрастно, потом внезапно позвала:

— Подождите!

— Зачем? — спросил он, обернувшись.

— Вы мне нужны. Чтобы подыскать мебель. В других квартирах, как вы и говорили. Гордо вскинув голову, она подошла ближе. Обнаженная верхняя половина тела свидетельствовала о восхитительном отсутствии даже грамма ненужного жира. — Когда вы возвращаетесь с работы? Мне потребуется ваша помощь.

— А вы не могли бы приготовить для нас ужин? — спросил Джон.

— Если я принесу кое-что из продуктов?

— Нет, у меня слишком много дел.

Она отмахнулась от предложения, даже не вникая в его смысл, понял Исидор. Теперь, когда исчез первоначальный страх, в ее поведении сквозило нечто другое. Что-то странное и прискорбное.

— Холодность. Как дыхание вакуума, заполняющего просторы между обитаемыми планетами. И дело было не в том, что она говорила и делала. Дело было в том, чего она *не* говорила и *не* делала.

— Как-нибудь в другой раз, — сказала девушка и направилась к своей двери.

— Вы не забыли, как меня зовут? Джон Исидор. Я работаю…

— Вы уже говорили. — Она на секунду остановилась в дверях.

— У какого-то невероятного типа по имени Ганнибал Слоут, который, как я подозреваю, существует только в вашем воображении. Меня зовут… — Девушка бросила на него последний холодный взгляд и, уже закрывая дверь, закончила: Рэйчел Розен.

— Вы из ассоциации Розена? Самого крупного производителя гуманоидных роботов в Солнечной системе? Поставщика роботов для программы колонизации?

Странное, неясное выражение мелькнуло в глазах Рэйчел. И… исчезло.

— Нет, — сказала она. — Я ничего не знаю об этой фирме. Еще одна ваша недоумочная фантазия, надо понимать. Джон Исидор и его персональный генератор эмпатии. Бедняжка мистер Джон Исидор.

— Но, судя по вашему имени…

— Меня зовут Прис Страттон. Это мое имя по мужу, я пользуюсь только им. Можете звать меня Прис. — Она подумала и поправилась: — Нет, лучше обращайтесь ко мне «мисс Страттон». Мы еще почти не знаем друг друга. По крайней мере, я вас не знаю.

Дверь захлопнулась, и Исидор остался один в пыльном

коридоре, погруженном в унылый полумрак.

7

«Да, вот какие дела, — подумал Джон Р. Исидор, сжимая размякший кубик маргарина. — Возможно, она потом передумает и разрешит называть себя Прис. А я, может, достану к ужину банку довоенных овощных консервов. Наверное, она не умеет готовить. Ничего, я покажу. Сам приготовлю ужин для нас двоих. Покажу ей, как готовить еду, на будущее. Она наверняка захочет готовить сама, когда я покажу. Большинство женщин, даже молодых, любят готовить. Это инстинкт».

Поднимаясь по темной лестнице, он возвращался в свою квартиру.

«Какая-то эта девушка действительно неконтактная, — продолжил Джон Р. Исидор Размышления, натягивая свою белую рабочую униформу. — Даже если поспешить, я на работу все равно опоздаю. Мистер Слоут будет сердит. Ну и что. Она не слышала о Бастере Дружби, а этого быть не может. Бастер Дружби — самая важная персона из всех живущих, кроме, быть может, Вилбура Сострадального. Но ведь Сострадальный — не живой человек. Это явно супертипическая личность со звезд, по космическому шаблону наложенная на нашу культуру. Так говорят некоторые. Например, мистер Слоут так говорит. А Ганнибал Слоут всегда знает, что говорит.

Однако странно, что девушка так непоследовательна в отношении своего имени. Возможно, ей необходима помощь. Могу ли я ей помочь? Специал, недоумок, что я знаю? Я не имею права жениться, не имею права эмигрировать. В конце концов, меня прикончит пыль. Я ничего не могу предложить этой девушке.»

Уже одетый и готовый отправиться на работу, он поднялся на крышу дома, где был припаркован его потрепанный аэрокар.

Час спустя, уже за рулем служебного аэрофургона, Исидор принял первое сломанное животное за этот день — электрического кота. Нервно и шумно дыша, электрокот лежал в пластиковой пылезащитной корзине в заднем конце фургона. «Да, его вполне можно принять за настоящего.» — думал Исидор, направляясь по обратному маршруту к ветеринарной лечебнице Ван Несса. Несмотря на громкое название, это было карликовой здание, контора, едва сводящая концы с концами в условиях жестком конкуренции в области ремонта поддельных животных.

Кот громко вздохнул.

«Ух ты, — подумал Исидор. — Такое впечатление, словно он в самом деле умирает. Наверное, батарея с десятилетним зарядом

замкнулась, и теперь все его контуры выгорают. Солидный ремонт. Мастеру их ветлечебницы. Милту Борогову, придется изрядно попотеть. А я не назвал предварительную цену за ремонт, — мрачно вспомнил он. — Парень просто сунул мне кота, сказал, что неполадки начались ночью, и куда-то улетел — кажется, опаздывал на работу. Во всяком случае, разговор был прерван внезапно. Владелец умчался в небо в новеньком заказном каре.»

— Сможешь продержаться, пока доберемся до мастерской? — обратился Джон к коту.

Кот еще раз вздохнул.

— Ладно, я перезаряжу тебя сейчас, — решил Джон.

Он посадил фургон на ближайшую свободную крышу и, не выключая мотора, пробрался в заднюю часть кабины, где стояла пластиковая защитная корзина для перевозки животных. Вместе с белым комбинезоном и названием на борту фургона корзина создавала полное впечатление настоящего ветеринарного аэропикапа.

Электрический механизм, заключенный в совершенно натурального вида серую пушистую личину, булькал и хрипел. Видеолинзы уже стеклянно блестели, металлические челюсти крепко сжимались. Все эти контуры «болезни», встроенные в поддельных животных, всегда поражали Исидора. Лежащий на его коленях механизм был устроен так тонко, что, когда в нем что-то ломалось, создавалось впечатление естественно заболевшего животного. «Даже я мог бы обмануться,» — подумал Исидор, шаря в меховом покрытии живота электрокота в поисках крышки контрольной панели (весьма миниатюрной такого мелкого эрзац-животного).

Механизм уже почти перестал функционировать. Если дело действительно в коротком замыкании, то можно попробовать отсоединить один из проводов батареи. Механизм лишится питания, и ему не будет причинено дальнейшего вреда. А уже в мастерской Милт подсоединит батарею.

Он ловко пробежал пальцами по псевдокости позвоночника. Провода должны находиться где-то здесь. Чертовски трудная работа — имитация была абсолютной. Проводов не было видно при самом тщательном рассмотрении. Видимо, производство фирмы Вилрайта и Карпентера. Их модели более дорогие, но вы посмотрите, какой товар!

Исидор сдался. Электрокот полностью перестал работать. Видимо, замыкание (если в нем заключалась причина неполадок) истощило запас энергии батарей. Починка влетит в копеечку. Сразу видно, что хозяин не производил трехгодичного

профилактического осмотра. Это послужит ему печальным, но необходимым уроком.

Он влез в водительское кресло, перевел руль управления в положение «вверх», и аэрофургон с жужжанием взмыл в небо, продолжив путь к мастерской.

Хорошо, что прекратились выводящие из себя стоны сломанного механизма. Исидор расслабился. «Забавно, — подумал он. — Умом я понимаю, что это всего лишь перегорают контуры, но внутри все равно что-то сжимается. Эх, если бы я мог найти другую работу. Если бы не провалил тест на умственные способности, обрекая себя на такое занятие, со всеми вытекающими моральными издержками. С другой стороны, синтетические страдания поддельных животных совершенно не волнуют Милта Борогова или Ганнибала Слоута. Видимо, все дело во мне самом. Наверное, деградируя, личность опускается по эволюционной лестнице, как это уже случилось со мной, погружается в могильный мир, мир специалов… нет, лучше оставить эту мысль. Не нужно думать дальше.»

В такие моменты, сравнивая свои нынешние умственные способности с прежними, Исидор был подавлен более обычного. Каждый день он терял очередную порцию жизненной энергии, становясь, наравне с тысячами других специалов по всей Земле, все ближе и ближе к той куче праха, превращаясь в живой мусор…

Чтобы скрасить одиночество, он щелкнул клавишей радио и настроился на радиопредставление Бастера Дружби. Подобно телевизионной версии, оно не прекращалось по двадцать три тепленьких часа в сутки. Этот час был посвящен религии.

— …рад видеть тебя здесь снова, — говорил Бастер Дружби.

— Итак, Аманда, прошло целых два дня с тех пор, как ты в последний раз была у нас в гостях. Дорогая, ты работаешь над новой лентой?

— Да, я собиралась начать ле-енту еще вчера-а! Но только они ска-азали, что мы начнем в семь…

— В семь утра? — вмешался Бастер.

— Да-а, именно в семь утра-а!

И Аманда Вернер засмеялась своим знаменитым смехом, почти таким же искусственным, как смех Бастера Дружби. Аманда Вернер и другие прекрасные дамы с большими коническими грудями, приехавшие из дальних, туманно идентифицированных стран, плюс несколько буколических так называемых юмористов составляли стандартный ассортимент гостей передач Бастера. Такие женщины, как Аманда, никогда не снимались в кино, никогда не появлялись на сценах театров. Они жили только в

странном призрачном мире передач Бастера, в бесконечном его шоу, появляясь на телеэкранах по семьдесят часов в неделю, как подсчитал однажды про себя Исидор.

Когда Бастер Дружби находит время записывать все свои теле- и радиошоу? Эта мысль озадачила Исидора. Как это Аманде Вернер удается быть в гостях у Дружби чуть не каждый день, месяц за месяцем, из года в год? Как это они могут разговаривать часами, без перерыва? Они никогда не повторялись — насколько Исидор был способен определить, конечно. Их реплики всегда были свежи и остроумны, явно не походили на заготовленные заранее. Волосы Аманды глянцево отблескивали, глаза сияли, зубы сверкали. Она никогда не запиналась с ответом, никогда не выказывала усталости, легко продолжая бесконечную цепочку шуток, острот и комментариев Бастера. Передачи Дружби, транслируясь через спутники на всю территорию Земли, так же изливались на эмигрантов колонизируемых планет. Была даже предпринята экспериментальная передача в направлении Проксимы Центавра, на случай, если колонизация успела зайти так далеко. Если бы «Саландер-3» достиг цели, колонисты на борту корабля обнаружили бы, что Бастер Дружби уже поджидает их, и были бы очень довольны.

Но кое-что в Бастере раздражало Исидора: очень тонко, почти незаметно Бастер высмеивал всех, кто пользуется генераторами эмпатии. И делал это постоянно. Собственно, даже сейчас.

— …камешки в меня не швыряют. — сообщал он Аманде Вернер. — И если я отправлюсь вверх по горке, то обязательно прихвачу пару бутылочек пива, лучше всего — «Будвайзер». — Зрители засмеялись. Исидор услышал шлепки аплодисментов. — А потом сообщу вам свою грандиозную сенсационную новость … что произойдет ровно через десять часов, считая с этого момента!

— И я то-оже, дорогой, — выдохнула Аманда. — И когда в тебя швырну-ут камнем, я тебя заслоню-ю!

Аудитория восторженно взвыла. Джон Исидор почувствовал, как затылок и шея деревенеют от беспомощного гнева. Зачем Бастер постоянно смеется над Сострадальным? Больше, кажется, никто не проявляет недовольства, даже ООН относится к Состраданизму положительно. Органы правосудия в Америке и в восточном полушарии публично заявили, что Состраданизм способствует снижению уровня преступности, делая человека более озабоченным судьбой ближнего. «Человечеству требуется как можно больше сострадания и сочувствия», — сказал Титус Крорнинг, генеральный секретарь ООН. Заявление это многократно повторялось.

Наверное, Бастер завидует популярности Вилбура

Сострадального. Этим все объясняется — конкуренцией. Но зачем они конкурируют?

Наверное, затем, чтобы воздействовать на наше сознание, контролировать наши психические сущности. С одной стороны — генераторы эмпатии, с другой — Бастер Дружби с его довольным ржанием и импровизированными остротами. «Нужно будет сказать об этом Ганнибалу Слоуту, — решил Исидор. — Спросить, правильно ли это. Слоут наверняка должен знать…»

Припарковав фургон на крыше лечебницы Ван Несса, он быстро спустился в кабинет Ганнибала Слоута, захватив пластиковый футляр с неподвижным котом. Мистер Слоут оторвал взгляд от страницы, которую читал. Серое, изрезанное морщинами лицо, дрогнуло, как зря потревоженная вода в пруду. Ганнибал Слоут, слишком старый, чтобы эмигрировать был обречен провести остаток дней на Земле, хотя и не был специалом. Пыль сильно подействовала на него за прошедшие годы, словно едкая ржавчина — его мысли и кожа приобрели стойкий серый оттенок. Он сильно осунулся, ноги его превратились в спицы, походка стала неуверенной. Он в буквальном смысле смотрел на мир сквозь запорошенное пылью стекло. По какой-то причине он никогда не протирал очков. Словно бы сдался, принял радиоактивную пыль, как неизбежное зло и теперь пыль постепенно делала свое дело, тихо погребая его. Еще несколько лет — и она лишит мистера Слоута остальных связей с внешним миром, пока не останется только птичий, высокий голос. Потом замолчит и он.

— Что у тебя там? — спросил мистер Слоут.

— Кот. Замыкание в системе питания.

Исидор поставил футляр с котом на стол шефа, заваленный листками бумаги, документами, бланками и брошюрами.

— Зачем ты его сюда притащил? — недовольно пробурчал мистер Слоут. — Неси вниз, в мастерскую Милта.

Говоря, он, тем не менее, открыл футляр и извлек из него сломанное животное. Когда-то шеф сам был очень хорошим мастером по ремонту.

— Мне кажется, — сказал Исидор, — что Бастер и Сострадальный сражаются за власть над нашей психикой.

— Если это и так, — сказал Слоут, осматривая кота, — то побеждает Бастер.

— Может быть, в данный момент, — возразил Исидор. — Но в конце он проиграет.

Слоут поднял голову и пристально посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что Вилбур Сострадальный всегда возрождается.

Он вечен. Его низвергают с вершины холма, он погружается в могильный мир, но неизбежно опять поднимается наверх. А вместе с ним — мы. Поэтому мы тоже вечные.

Исидору было очень приятно, что он так легко рассуждает. Обычно в присутствии мистера Слоута он заикался от смущения.

— Бастер бессмертен, как и Сострадальный. — Тут никакой разницы нет.

— Как же это возможно? Ведь Бастер — просто человек!

— Не знаю, как. Но это факт. Об этом, конечно, никогда не говорят.

— И поэтому Бастеру Дружби удается записывать сорок шесть часов передач каждый день.

— Да, — ответил Слоут.

— И Аманда Вернер, и все его другие женщины?

— И они бессмертны.

— Кто же они — высшая форма жизни из другой системы?

— Мне пока не удалось выяснить определенно, — сказал мистер Слоут, сняв очки с пыльными линзами и вглядевшись в полураскрытую пасть электрического животного. — Так же, как и насчет Вилбура Сострадального, — договорил он еле слышно. И вдруг выругался, разразившись цепочкой сквернословии длиной в целую минуту. — Да это настоящий кот! — заявил Слоут, выкричавшись. — Я знал, что когда-нибудь так случится. Мертв.

И снова выругался.

В дверях появился Милт Борогов. Это был дородный человек, тоже как бы отмеченный печатью серости. На нем привычно голубел полотняный фартук.

— Что случилось? — спросил он, поднимая животное.

— Этот дебил привез настоящего кота, — объяснил Слоут, впервые употребив такое слово по отношению к Исидору.

— Если бы он был еще жив, — сказал Милт, — мы успели бы отправить его к настоящему ветеринару. Интересно, сколько он стоил? У кого-нибудь есть каталог Сидни?

— В-ведь в-ваша Ст-траховка покрывает такие с-случаи? — спросил Исидор.

Ноги его вдруг ослабели, и он почувствовал, что все предметы в комнате начинают приобретать зловещий темновишневый оттенок, с зелеными искрами.

— Покрывает, — сказал после паузы Слоут, фыркнув. — Просто кота жалко. Еще одно живое существо. Ты что, не смог отличить живого кота от подделки? Ты *не заметил* разницы?

— Я просто думал, что это очень хорошая модель, — выдавил Исидор. — Такая хорошая, что, кажется… то есть, кот был, как живой, и я подумал…

— Он и не заметил бы разницы, — мягко сказал Милт. — Для него они все живые, в том числе и электрические. Ты, наверное, пытался спасти его? Перезарядить батарею? Или найти замыкание?

— Д-да, — признался Исидор.

— А кота все равно было уже не спасти. Недоумок не виноват. Хэн. Напротив, он прав по-своему. Новые модели становятся чертовски похожими на настоящих животных, со всеми этими встроенными имитаторами болезней. А настоящие животные все равно рано или поздно умирают, это риск, на который владельцы идут сознательно. Мы просто не привыкли к такому, потому что видим одни подделки.

— Умерло еще одно настоящее живое существо, — повторил Слоут.

— Как говорит Сострадальный, — не удержался Исидор, — все живое возвращается к жизни. Это замкнутый цикл. Вместе с животными мы поднимаемся, восходим, потом умираем и…

— Расскажи об этом владельцу кота, — сказал Слоут.

Исидор, не поняв, серьезно ли говорит шеф, уточнил:

— В смысле, я должен ему позвонить? Но вы всегда делали звонки сами.

Он панически боялся делать звонки по видфону, это была его фобия, и вызвать незнакомого человека — для него такое было просто немыслимо. Мистер Слоут этого не мог не знать.

— Не заставляй его, — сказал Милт. — Я сам позвоню. — Он снял трубку. — Какой у него номер?

— Сейчас… где-то у меня…

Исидор лихорадочно шарил в карманах рабочего халата.

— Нет, позвонить должен недоумок, жестко процедил Слоут.

— Я н-не могу звонить п-по видфону, — запротестовал Исидор, чувствуя, как гулко заколотилось о ребра сердце. — Я ведь заросший, грязный, у меня зубы с дырками. Я скоро умру от радиации, я чувствую себя все хуже…

Милт улыбнулся и посмотрел на Слоута.

— Если бы я так думал, то тоже не стал бы звонить по видфону. Ну-ка, Исидор, торопись, давай номер, не то тебе придется звонить самому.

И он ободряюще протянул несчастному руку ладонью вверх.

— Звонить будет недоумок! — твердо сказал Слоут. — Или я его вышвырну с работы.

Он не смотрел ни на Исидора, ни на Милта. Взгляд его был непоколебим и устремлен вперед.

— Ну, брось, — примирительно произнес Милт.

— Я н-не люблю, к-когда меня н-называют н-недоумком. Я

хочу сказать, н-на вас пыль тоже подействовала, физически. Х-хотя, м-может быть, не на м-мозг, как в м-моем случае.

«Я уволен, — подумал он. — Я не могу звонить». И тут же вспомнил, что хозяин кота умчался на работу. Дома никого не будет.

— Х-хорошо, я п-позвоню, — пробормотал Исидор, выуживая из кармана бирку с адресом и телефоном владельца кота.

— Вот видишь, — сказал Слоут Милту. — Он может, если его как следует прижать.

Усевшись перед видфоном, Исидор набрал номер.

— Вижу, — ответил Милт. — И все равно не надо было его принуждать. Он прав — пыль сильно на тебя подействовала, ты уже почти ничего не видишь, а через пару лет оглохнешь.

— Пыльца и до тебя добралась. Ворогов, — фыркнул Слоут. — Морда-tq у тебя цвета собачьего дерьма.

И тут на экране видфона возникло лицо — обычное среднеевропейское лицо женщины. Выражение его было несколько настороженным.

— Да? — спросила она.

— М-миссис П-пильзен? — прошептал Исидор, погружаясь в трясину ужаса. Конечно, он не подумал об этом сразу, но у хозяина кота была жена, и она, разумеется, осталась дома. — Я хочу поговорить о вашем к-к-к… — Он остановился, потер подбородок. — О в-вашем к-коте…

— Ах, да, это вы увезли Горация. В самом деле пневмония? Мистер Пильзен думал, что пневмония.

— Ваш кот умер, — сказал Исидор.

— О, Боже милостивый, нет!

— Мы заменим его. У нас есть страховка на такие случаи. — Исидор бросил взгляд на мистера Слоута, тот, кажется, не возражал. — Владелец нашей фирмы, мистер Ганнибал Слоут… — Он замялся. — Лично…

— Нет, — сказал Слоут. — Мы выдадим чек. Цену по каталогу Сидни.

— Лично выберет вам кота, — услышал Исидор собственный голос. Начав невыносимый разговор, он вдруг понял, что не может из него выпутаться. Мистер Слоут и мистер Борогов смотрели на него с изумлением. — Хотелось бы знать ваши особые пожелания. Цвет, пол, возраст, порода: персидский, абиссинский, сиамский…

— Гораций умер, — в прострации повторила миссис Пильзен.

— У него действительно была пневмония, — сказал Исидор. — Он умер по пути в госпиталь. Наш старший терапевт-ветеринар, мистер Милт Борогов, высказал полную уверенность в

том, что в данном случае животное спасти было невозможно. Но разве не замечательно, миссис Пильзен, что мы скоро заменим его для вас? Разве я не прав?

Из глаз миссис Пильзен потекли слезы.

— Другого такого кота не будет. Гораций… Еще когда он был котенком, то так смотрел на нас, словно что-то спрашивал. Мы не могли понять, что это за вопрос. Наверное, теперь он знает ответ. — Она судорожно всхлипнула. — Наверное, мы все когда-нибудь узнаем ответ…

На Исидора снизошло вдохновение.

— А что бы вы сказали о точной электрокопии вашего любимца? Мы могли бы снабдить вас великолепной моделью фирмы Вилрайта и Карпентьера, во всех мельчайших деталях соответствующей оригиналу…

— Это ужасно! — запротестовала миссис Пильзен. — О чем вы говорите? Боже, только не предлагайте этого Эду, он сойдет с ума! Он любил Горация, как никакого другого нашего кота, а у него с детства всегда был кот.

Взяв трубку видфона у Исидора. Милт внушительно произнес:

— Мы можем выписать чек на сумму по каталогу Сидни, или, как предлагает мистер Исидор, выбрать для вас нового кота самостоятельно. Мне очень жаль, что ваш кот умер, миссис Пильзен, но, как отметил мистер Исидор, у него было воспаление легких, а для кота это почти всегда смертельно.

Голос его звучал с профессиональной уверенностью. Милт лучше их всех умел разговаривать с клиентами по видфону.

— Но как же мне сказать мужу? — жалобно спросила миссис Пильзен.

— Хорошо, мэм, — чуть поморщившись, сказал Милт. — Мы позвоним ему сами. Не могли бы вы дать мне номер его рабочего видфона?

Он пошарил рукой в поисках ручки и блокнота. Мистер Слоут подал ему письменные принадлежности.

— Послушайте, — начала миссис Пильзен, справившись, кажется, со своими нервами. — Возможно, второй джентльмен был прав. Наверное, мне следует заказать электродубликат Горация. Но так, чтобы Эд ничего не знал. Можно ли сделать такую копию, чтобы муж не заметил разницы?

— Да, если хотите. Но, как подсказывает опыт, владельца обмануть никогда не удается. Разницы не замечают только случайные наблюдатели. Соседи, например. Понимаете, если хорошо присмотреться к электроживотному…

— Эд с Горацием особенно не возился, хотя очень любил

кота. Это я о нем заботилась — меняла в ящичке песок и так далее. Думаю, нужно попробовать. Если ничего не выйдет, мы купим взамен настоящего кота взамен Горация. Но я только не хочу, чтобы муж узнал — он этого не переживет. Он поэтому с ним близко не общался, боялся… когда Гораций заболел. Эд ударился в панику, долго вас не вызывал… Слишком долго… Я это знала еще до того, как вы позвонили. Я знала… — Она понурилась, на этот раз успешно сдержав слезы. — Сколько нужно времени?

Милт прикинул.

— Дней десять. Мы доставим копию днем, когда ваш муж будет на работе. — Он попрощался и повесил трубку. — Муж догадается. В пять секунд. Но именно этого она и хочет.

— Тем, кто по-настоящему любит своих животных, — мрачно проговорил Слоут, — приходится очень нелегко. Поэтому я рад, что мы не имеем дела с настоящими животными. Ты понимаешь, как часто настоящим ветеринарам приходится звонить по такому поводу? — Он обернулся к Исидору. — В некоторых отношениях, Джон, ты не так уж и глуп. И неплохо справился с этим звонком, хотя Милту и пришлось прийти на помощь.

— Он справился отлично, — сказал Ворогов. — Боже, ну и денек. Отнесу-ка я кота вниз. Позвони Вилрайту и Карлентьеру, пусть присылают сотрудника для обмерки и фотографирования. Я сам сравню потом копию и оригинал.

— Думаю, этим займется Исидор, — решил мистер Слоут. — Во-первых, она все это начала, во-вторых, вполне может справиться со звонком к Вилрайту и Карлентьеру.

— Только не позволяй забирать оригинал, — посоветовал Милт Исидору. — Они будут настаивать, им так в сто раз легче работать. Ты должен твердо держаться на своем.

— Гм, — хмыкнул Исидор. — Ладно, идет. Наверное, их нужно вызвать уже сейчас, пока не началось разложение. Ведь трупы разлагаются, верно?

Он чувствовал необыкновенный подъем.

8

Припарковав скоростной служебный аэрокар с двигателем повышенной мощности на площадке крыши Зала Правосудия на Ломбард-стрит, Рик Декард, прихватив служебный чемоданчик, спустился в кабинет Гарри Брайанта.

— Да ты просто метеор, — восхитился начальник. Откинувшись на спинку кресла, он набрал в щепоть «Специальной смеси № 1» и поднес ее к ноздрям.

— Ваше задание выполнено, — доложил Рик, присев к столу и поставив чемоданчик.

«Я устал, — подумал вдруг он. — Я так устал…». Только теперь, после возвращения, на него накатила волна усталости. Он не был уверен, что сможет сегодня еще работать.

— А как Дейв? Можно с ним поговорить? Прежде, чем я примусь за первого анди?

— Первым ты возьмешься за Полокова, — сказал Брайант. — За того, кто ранил Дейва. С ним лучше покончить сразу. Он знает, что попал в наш список.

— Я должен начать до разговора с Дейвом?

Брайант заглянул в листок — плохую машинописную копию с расплывчатыми буквами.

— Полоков работает сборщиком мусора. Подметает.

— Но, кажется, такой работой занимаются только специалы?

— Он и выдает себя за специала, очень отклонившегося… то есть, старается таким казаться. Это и подвело Дейва. Полоков очень натурально изображал недоумка, и Дейв расслабился. Ты уверен в шкале Войт-Кампфа? После инцидента в Сиэтле…

— Да, — коротко ответил Рик.

— Верю тебе на слово, — сказал Брайант. — Сбоев не должно быть, ни одного.

— За всю историю охоты на андроидов сбоев не было. Что изменилось?

— Появился «Узел-6».

— Одного я уже определил. И Дейв отыскал двоих, даже троих, если считать Полокова. Ладно. Сегодня отправлю на покой Полокова, а вечером или завтра утром переговорю с Дейвом.

И он протянул руку за листком бумаги с размытыми буквами.

— Еще один момент. Представитель советского отдела ВПО находятся на пути к нам. Пока ты был в Сиэтле, я с ним переговорил по видфону. Он находится на борту ракеты Аэрофлота, посадка через час на общественном аэродроме. Его зовут Сандор Кадальи.

— Что ему нужно? Работники ВПО очень редко — если вообще когда-либо — оказывались в Сан-Франциско.

— ВПО очень заинтересована «Узлом-6», они просят, чтобы с вами был их человек. Наблюдатель и… если можно, он будет помогать. В чем помогать — сам решай. Но я дал ему разрешение следовать за тобой.

— Как насчет премии? — спросил Рик.

Инспектор скрипуче рассмеялся.

— Делить не придется.

— Я рассматривал бы это как финансовую несправедливость.

Рик не испытывал желания делиться премией с копом из ВПО. И все же это было нечестно. Он взял в руки листок и начал изучать досье Полокова. Там давалось описание этого человека (то есть, андроида) и адрес в настоящий момент. Место работы — район Залива, компания по уборке мусора. Контора в Геари.

— Подождешь с Полоковым, пока не прибудет коп из ВПО?

— Я всегда работал сам, — недовольно нахмурился Рик. — Решать, конечно, вам. Сделаю, как прикажете. Но с Полоковым я хотел бы разделаться немедленно, не дожидаясь прилета Кадальи.

— Хорошо. Действуй самостоятельно. А когда начнешь следующего… Это будет мисс Люба Люфт, вот ее досье… возьмешь на операцию Кадальи.

Сунув папиросные расплывчатые копии досье в чемоданчик, Рик вернулся на крышу к служебному аэрокару. «Нанесем визит Полокову», — сказал он себе, погладив трубочку карманного лазера.

Для начал Рик остановился в главной конторе компании по уборке мусора в районе Залива.

— Я ищу вашего сотрудника, — обратился он к седовласой, сурового вида женщине, сидящей за столом-коммуникатором.

Здание конторы производило благоприятное впечатление: большое, современное, с изрядным количеством высокопрофессиональных сотрудников первого класса. Толстые ковровые дорожки, дорогие столы из натурального дерева — все напоминало о том, что уборка и переработка отходов превратились на теперешней Земле в важную отрасль промышленности. Планета превращалась постепенно в большую мусорную кучу, и, чтобы поддерживать пригодные условия обитания для остатков населения, необходимо было периодически избавляться от избытка мусора, иначе, как любил шутить Бастер Дружби. Земля погибнет под слоем не радиоактивной пыли, а мусора.

— Вам нужно обратиться к мистеру Акерсу, — сообщила

женщина, указав рукой в направлении стола из дуба, правда, поддельного, за которым сидел некий невзрачный индивидуум в очках с толстыми стеклами, углубленный в бумаги. — Он заведует отделом кадров.

Рик предъявил невзрачному индивидууму свое удостоверение полицейского.

— Где находится сейчас ваш служащий по фамилии Полоков? На работе или дома?

Без особой прыти сверившись с бумагами, мистер Акерс поднял на него глаза.

— Должен быть на работе. Прессовка старых аэрокаров на нашем заводе в Дейл-сити, потом сброска в Залив. Однако…

Откопав еще какой-то документа, Акерс снял трубку видфона и вызвал кого-то из служащих фирмы.

— Значит, нет, — заключил он, опуская трубку. — Сегодня Полоков на работу не явился. Без объяснений. Что он натворил?

— Если он объявится, — сказал Рик, — не сообщайте ему, что его искали. Понимаете?

— Да, понимаю, — ответил Акерс сердито, словно Рик усомнился в его глубоких познаниях в полицейском деле.

Следующим пунктом в маршруте Рика была квартира Полокова в Тендерлоин.

«Нет, теперь мы его не возьмем, — думал он. — Брайант и Холден ждали слишком долго. Меня нужно было не посылать в Сиэтл, а сразу напустить на Полокова, лучше всего — еще прошлой ночью, когда Холден дал промашку.»

Крыша дома Полокова выглядела довольно угрюмо. Брошенные вольеры покрывала многомесячная пыль, в одном из них валялся переставший функционировать электрический цыпленок.

Лифтом Рик спустился на нужный этаж. Погруженный в сумрак холл напоминал пещеру мрачного подземелья. Пользуясь специальным полицейским фонариком с потайным лучом и питанием от атомной батарейки, он осмотрел холл и заглянул в досье. Тест Войт-Кампфа к Полокову был применен, эту часть процедуры можно опустить и начинать непосредственно с уничтожения андроида.

Но сначала лучше вывезти его отсюда. В оружейной сумке Рик нашел направленный излучатель «пенфилд» и настроил его на каталепсию. Сам он был экранирован от излучения компенсирующей волной, которая через металлический корпус прибора передавалась только на него.

«Теперь их всех парализовало, — подумал он, выключая передатчик. — Люди и андроид впали в одинаковое оцепенение

Осталось только войти и выстрелить. Конечно, если Полоков у себя в квартире, что маловероятно».

С помощью универсального ключа-отмычки, автоматически анализировавшего и отпиравшего все известные виды замков, Рик проник в квартиру Полокова, держа лазер наготове.

Андроида, естественно, в ней не оказалось. Только полуразвалившаяся мебель — квартира медленно, но уверенно мусоризовалась. Никаких личных вещей, только унылые результаты распада, унаследованные Полоковым уже вместе с квартирой и оставленные следующему жильцу, если таковой объявится.

«Так я и знал, — подумал Рик. — Вот и первая тысяча долларов премии ускакала куда-то за Полярный круг, не иначе. Во всяком случае, за пределы моей юрисдикции. Полокова отправит на покой другой полицейский из другого управления, и он же получит деньги. Отправимся дальше, к еще не вспугнутым. К Любе Люфт, очевидно».

Вернувшись к аэрокару, он связался с Брайантом.

— С Полоковым не повезло. Он скрылся, видимо, сразу после стычки с Дейвом. — Рик глянул на циферблат часов. — Может, мне залететь в аэропорт за Кадальи? Это сбережет время, я хотел бы сразу заняться Любой Люфт.

— Идея хороша, — ответил Брайант. — Только мистер Кадальи уже здесь. Корабль Аэрофлота прибыл раньше расписания. Как и всегда, он говорит. Секунду… — Видимо, посовещавшись с Кадальи, он продолжил: — Мистер Кадальи возьмет аэрокар, и вы встретитесь в том месте, где ты сейчас находишься. Изучай пока материалы по Любе Люфт.

— Оперная певица. Якобы из Германии. Работает в оперной компании в Сан-Франциско.

— Наверное, действительно хороший голос, раз так быстро заключила контракт. Жди Кадальи.

— Договорились.

Рик назвал адрес и повесил трубку.

«Представлюсь любителем оперы, — решил он. — Интересно было бы послушать ее в партии Донны Анны в „Дон Жуане“. В моей коллекции есть записи таких звезд, как Элизабет Шварцкопф, Лотта Лехманн и Лиз Делла Каса. Разговор на эту тему отвлечет ее, пока я буду настраивать аппарат для теста».

Внезапно раздалось жужжание видфона. Рик поднял трубку.

— Мистер Декард, вас вызывает Сиэтл, — сообщила телефонистка управления. — Мистер Брайант велел пропустить вызов. Звонят из ассоциации Розена.

— Соединяйте.

Что им нужно? Наученный недавним опытом, ничего хорошего он от Розена не ждал. Что бы они не придумали, кардинальным образом положение все равно не изменится.

На крохотном экране появилось лицо Рэйчел Розен.

— Здравствуйте, Декард. — Тон оказался мирным, и это заинтриговало Рика. — Вы сейчас не заняты? Я могу поговорить с вами?

— Да, конечно.

— Мы обсудили положение, создавшееся вокруг «Узла-6» и, учитывая, что знаем этот тип мозга лучше, чем кто-либо другой, решили, что у вас будет больше шансов на успех, если кто-нибудь из нас будет работать с вами в тесном контакте.

— А именно?

— Во время поиска вас будет сопровождать наш представитель.

— Зачем? Что это даст?

— Любой «Узел-6» насторожится, почувствовав внимание человека. Но если в контакт войдет другой «Узел-6»…

— А именно — вы?

— Да, — кивнула она очень серьезно.

— Вы уже достаточно мне помогли.

— Я уверена, что понадоблюсь вам.

— Сомневаюсь, Я подумаю над вашим предложением и позвоню вам. Позже.

«Точнее, никогда, — подумал он. — Мне только этого не хватало — Рэйчел Розен, путающейся под ногами на каждом шагу».

— На самом деле вы знаете, что едва ли позвоните, — сказала девушка. — Но не сознаете еще, насколько изворотливым может быть бежавший «Уэел-6», насколько ничтожно мало у вас шансов. Мы считаем, что это наш долг, потому что… вы понимаете. То, что мы хотели с вами сделать…

— Приму к сведению.

Он хотел повесить трубку, но Рэйчел жестом остановила его.

— Без моей помощи они прикончат вас.

— До свидания.

Рик повесил трубку.

Что за мир! Андроид предлагает помощь охотнику за андроидами. Он вызвал телефонистку управления:

— Больше вызовов из Сиэтла ко мне не пропускайте.

— Да, мистер Декард. Мистер Кадальи нашел вас?

— Еще нет. Лучше бы ему поторопиться, я не собираюсь ждать долго.

Но едва он успел снова взяться за досье Любы Люфт, как на

крышу спланировал аэрокар-такси. Из него выбрался краснолицый, веселый мужчина лет пятидесяти с чем-то, одетый в дорогое серое пальто. Улыбаясь и протягивая руку, прибывший направился к кару Декарда.

— Мистер Декард? — спросил он со славянским акцентом. — Охотник за андроидами из управления полиции Сан-Франциско? — Пустое такси поднялось в воздух, русский рассеянно проводил его взглядом. — Меня зовут Сандор Кадальи, — представился он, открывая дверцу и втискиваясь в кабину рядом с Риком.

Они пожали друг другу руки. Рик отметил, что представитель ВПО вооружен необычного вида лазерной трубкой. Таких моделей ему еще не доводилось видеть.

— Ах, это… Любопытно, правда? — Кадальи вытащил лазер из кобуры. — Я раздобыл его на Марсе.

— Я думал, что знаю все типы ручного оружия. Даже те, что производятся в колониях.

— Такие мы делаем сами, — сказал русский, лучась добродушием, как Санта-Клаус. — Нравится? — На румяном лице ясно читалась гордость. — Вся хитрость в том, что… вот, держите. — Он передал лазер Рику, который, со знанием дела, полученным за годы обращения с оружием, принялся его рассматривать.

— Чем же он отличается?

Рик решительно не видел разницы.

— Нажмите на спуск.

Нацелив оружие вверх, Рик нажал на спуск. Но выстрела не последовало. Озадаченный, он обернулся к Кадальи.

— Пусковой контур, — жизнерадостно пояснил русский, — остается у меня. Видите? — Он раскрыл ладонь и показал миниатюрный блок. — Я могу направить луч вне зависимости от того, куда нацелен лазер.

— Вы — не Полоков, вы — Кадальи, — сказал Рик.

— Наверное, наоборот. Вы оговорились.

— Да, я хотел сказать, что вы — Полоков. Андроид, а не советский полицейский, — пояснил Рик, нажимая кнопку на полу аэрокара.

— Почему он не стреляет? — удивился Кадальи-Полоков, направляя оружие на Рика.

— Нейтроволна, — спокойно пояснил тот. — Она нарушает фазировку генератора и превращает луч лазера в обычный свет.

— Тогда придется свернуть вам шею.

Андроид отбросил хитроумное устройство и, рыча, схватил Рика за горло. Но пуля из старомодного пулевого револьвера,

нацеленного ему в голову, пуля 38-го ктибра, разнесла искусственный мозг типа «Узел-6» на тысячу частичек, мелких фрагментов, которые смерчем пронеслись по кабине кара и, подобно радиоактивной пыли, осели на предметах. Тело андроида грузно навалилось на Рика, и тот едва выкарабкался из-под корчащегося в судорогах Полокова-Кадальи.

Отдышавшись, он трясущейся рукой дотянулся до вид фона и вызвал Зал Правосудия.

— Докладывает Рик Декард. Передайте Гарри Брайанту, что я отправил на покой Полокова.

— Отправили на покой Полокова. Он поймет, да?

— Да, — подтвердил Рик и повесил трубку.

«Господи, ведь он почти… Нет, я недооценил предложение Рэйчел Розен. Не прислушался к ее совету — и едва не поплатился головой. Но с Полоковым покончено… покончено…»

Адреналиновые железы потихоньку замедляли деятельность, прекращая качать гормоны в кровь. Сердце успокаивалось, дыхание возвращалось к норме. Только дрожь не унималась.

«Как бы там ни было, но я заработал свою тысячу. Значит, оно того стоило. Значит, я реагирую быстрее Дейва. Конечно, это его печальный опыт обострил мои рефлексы, это нужно признать. У Дейва такого преимущества не было».

Он снова поднял трубку и набрал номер своей квартиры, умудрившись одновременно сунуть в рот сигарету. Дрожь постепенно проходила.

На экранчике появилось лицо жены со следами шестичасового самобичевания, включенного в сегодняшнюю программу стимулятора настроения.

— А, Рик… привет.

— А как же код 594 который я набрал утром? Радостное приятие…

— Я изменила комбинацию, как только ты ушел. — Ее голос был привычно унылым — Чего тебе? Я так устала, у меня нет никакой надежды, ни на что. И на нашу с тобой жизнь в том числе. А тебя может каждую минуту убить андроид… Ты мне это хотел сказать, Рик? Что анди до тебя добрались?

За спиной Иран, заглушая ее слова, грохотал телевизор. Рик видел, как шевелятся губы жены, но почти ничего не слышал — все покрывал жизнерадостный голос Бастера Дружби.

— Послушай, — сказал он. — Ты меня слышишь? Кажется, я напал на золотую жилу. Новый тип андроида, с которым пока могу справиться только я один. Первый уже на покое. Для начала это великолепно. Знаешь, что у нас будет? До того, как я покончу со всеми остальными?

Иран смотрела сквозь него.

— О…

— Я еще не сказал ведь!

Все впустую. Депрессия Иран была так глубока, что из пучин ее она его не слышала.

— До вечера, — сказал он с горечью и бросил трубку.

К черту Иран. Какой во всем этом прок? Зачем рисковать жизнью? Ради чего? Ее ничто не волнует, до нее ничего не доходит… Нет, нужно было отделаться от нее еще два года назад, когда они подумывали о разводе. Впрочем, и сейчас еще не поздно.

Подбирая на полу кара смятые листки досье, Рик мрачно размышлял о жене.

«Никакой поддержки. И это — спутница жизни! Большинство андроидов имеют куда больше жизненной энергии, чем моя супруга. Она ничего не может мне дать.»

Он снова вспомнил Рэйчел Розен. Да, она была права. Ее можно было бы использовать, если, само собой, она не станет претендовать на долю в премии.

Ничего не скажешь, встреча с Кадальи-Полоковым кардинально изменила некоторые его представления.

Времени терять было нельзя, и через несколько секунд аэрокар взмыл в небо, взяв направление на старое здание оперного театра, где, в соответствии с заметками Дейва Холдена, должна была находиться сейчас Люба Люфт.

Мысли Рика закономерно переключились на следующего противника. Некоторые женщины-андроиды казались ему привлекательными, иногда он даже чувствовал физическое влечение. Это удивляло его, казалось странным — умом он все понимал, но эмоционально не мог не реагировать.

Например, Рэйчел Розен. Нет, слишком худа. Никаких выступающих частей, особенно в области бюста. Плоская фигура ребенка. А сколько лет Любе Люфт? Разгладив папиросный листок, Рик отыскал на нем так называемый «возраст». Двадцать восемь.

«Хорошо, что я немного разбираюсь в опере, — подумал он. — Еще одно преимущество перед Дейвом — у меня более широкая культурная ориентация».

Итак. Люба Люфт. Поразмыслив, Рик решил попробовать сам. А если она окажется особенно крепким орешком, попросить помощи у Рэйчел Розен. Но интуиция подсказывала, что до этого не дойдет. С Полоковым было трудно, потому что он знал, что за ним идет охота. Остальные же должны свалиться по очереди, как костяшки домино, выставленные в ряд.

Снижаясь над красиво и дорого декорированной крышей, Рик громко распевал попурри из опер, сочиняя псевдоитальянские слова по мере надобности. Даже без поддержки стимулятора Пенфилда настроение его перешло в спектр радужного оптимизма.

В жадное, радостное предвкушение.

9

В чудесном, старинном зале из стали и камня Рик застал репетицию в самом разгаре. Оперу он узнал сразу: Моцарт, «Волшебная флейта», финальные сцены первого акта. Рабы мурзы (хор, другими словами) только что начали свою песню.

Какая приятная неожиданность — одна из любимейших опер! Он занял кресло в бельэтаже (кажется, никто не обратил на его появление внимания) и устроился поудобнее. На сцене в этот момент Папагено, сверкая фантастическим нарядом из птичьих перьев, присоединился к Памине, чтобы спеть куплет, всегда вызывавший слезы на глазах Рика:

«Всякий храбрый человек
Счастья добивается,
А его ближайший друг
Помешать старается.»

«Нет, — подумал Рик, — в реальности нет места волшебным колокольчикам, которые заставили бы врага бесследно исчезнуть. Как жаль. А Моцарт умер вскоре после „Волшебной флейты“ от болезни почек, когда ему не было и сорока».

А предчувствовал ли он, что уже истратил отпущенное на жизнь время, что будущего нет? И что его похоронят в общей могиле для нищих, без надписи? Возможно, я предчувствую. Кончится репетиция, кончится представление, умрут певцы, пропадет последний нотный листок, исчезнет само имя «Моцарт», канет в века… И пыль окончательно победит. Если не здесь, то на другой планете. Мы можем отсрочить конец, но ненадолго.

Вот так и анди. Они могут какое-то время уходить от встречи. Но я все равно настигну их. Я или другой охотник. В некотором смысле мы, охотники, сами являемся частицами форморазрушающей энтропии. Ассоциация Розена формирует, я — уничтожаю созданное. Как они представляют себе мою роль во всем этом? Интересно…»

Чудесная музыка Моцарта прервала его размышления, вернув к действительности. Папагено и Памина на сцене, начали диалог:

Папагено: — Дитя мое, что нам теперь делать, что сказать?

Памина: — Правду. Вот что мы скажем.

Подавшись вперед, Рик пристально всмотреться в Памину. Фигуру ее прятали тяжелые складки костюма, лицо казалось размытым пятном за сеткой вуали. Он напряг зрение, потом

сверился с досье и удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

Она. Люба Люфт. Третий андроид типа «Узел-6».

«Правду. Вот что мы скажем…»

Самый полный жизни и симпатичный андроид едва ли мог бы сказать правду. О себе самом, во всяком случае.

А голос у нее был дивным. Он не уступал голосам знаменитостей прошлого, собранных в его коллекции. Да, ассоциация Розена потрудилась как следует. Он снова представился себе самому как «субспециа аэтернитатис» — разрушитель субформ.

«Вероятно, чем лучше она функционирует, тем лучшая она певица, и тем нужнее я. Если бы андроиды оставались примитивными, как древние „Кью-40“ ассоциации Дерена, то не было бы проблем, и не было бы нужды в моем искусстве. Но пора начинать. Как можно скорее. Лучше всего — в конце репетиции, когда она пойдет в уборную.»

Он с удовольствием дослушал первый акт. Потом дирижер объявил перерыв на полтора часа. Причем сделал это на трех языках, — английском, французском и немецком. Сцена и оркестровая яма опустели. Рик незаметно пробрался за кулисы — туда, где располагались уборные.

Он непроизвольно оттягивал время. У него не было абсолютной уверенности. Может быть. Дейв ошибся? Он искренне надеялся на это. Но едва ли. Годы работы в управлении сформировали у Холдена профессиональный инстинкт, который почти не подводил его.

Проходящий мимо статист в гриме и костюме египетского копьеносца показал Рику, где расположена уборная мисс Люфт. Табличка, написанная от руки чернилами, гласила: «Мисс Люфт. Личная».

Он постучал.

— Войдите.

Девушка сидела у гримировочного столика, с переплетенной в ткань партитурой на коленях, делая пометки шариковой ручкой. Рядом на полочке лежала вуаль.

— Да?

Грим делал ее глаза огромными, гораздо большими, чем они были на самом деле. Чудесные глаза орехово-карего цвета…

— Извините, но я занята.

Ее английский не имел ни малейшего акцента.

— А вы звучите вполне прилично, даже в сравнении со Шварцкопф, — сказал он.

— Кто вы такой?

В ее голосе прозвучала холодная недружелюбность. Да, та

самая холодность, которую он встречал у многих андроидов. Сильный интеллект, способный на многое, но при всем этом…

— Я из департамента полиции Сан-Франциско.

— О! — В огромных ореховых глазах не проскользнуло ни искорки, ни намека на ответную реакцию. — Что же вам нужно?

Странно, но теперь ее голос прозвучал снисходительно.

Усевшись в ближайшее кресло, Рик расстегнул молнию чемоданчика.

— Я прислан для проведения стандартного теста на психопрофиль личности. Это займет не более нескольких минут.

— Это необходимо? — Она показала на партитуру. — У меня много работы.

Но в голосе у нее появились нотки нехорошего предчувствия.

— Необходимо.

Он извлек наружу приборы для теста и начал собирать аппарат.

— Тест на умственные способности?

— Нет. На эмпатию.

— Мне нужно надеть очки…

Она протянула руку к ящику столика, но Рик сделал отрицательный жест:

— Очки для этого не нужны. Кстати, партитуру вы ведь без очков читали? — Он встал и приложил липкую сеточку датчика к сильно напудренной щеке девушки. — Теперь свет… Вот и все готово.

— Вы думаете, что я — андроид? — Голос Любы был едва слышен, он гас, как свеча. — Но это неправда! Я даже на Марсе не была ни разу. Я в жизни не видела андроида! — Ее длинные ресницы дрожали, она изо всех сил старалась сохранять спокойствие. — Вы получили сведения, что в труппе скрывается андроид? Я могла бы помочь вам. Но не стала бы помогать, если бы была андроидом, правильно?

— Андроиды равнодушны к судьбе своих собратьев-андроидов, — спокойно пояснил Рик. — Это — как раз одна из характерных черт, по которой мы их выявляем.

— Тогда вы сами должны быть андроидом.

Пораженный, он поднял на нее глаза.

— Потому что, — продолжала она, — ваша работа — убивать их. Вы… как это называется…

— Охотник за андроидами, — подсказал Рик. — Но не андроид.

— А вы сами тест проходили?

— Да. Очень давно, когда только начинал работать в управлении.

— Наверное, это фальшивая память. У андроидов бывает фальшивая память, правильно?

— Мое начальство знает результаты теста. Это обязательное условие.

— Был когда-то человек… Двойник убил человека и занял его место… И об этом ваше начальство ничего не знает, — улыбнулась девушка, словно приглашая Рика согласиться.

— Не будем терять времени, — поморщился он, вынимая листки с вопросами.

— Я пройду испытание, — сказала Люба. — Но только после вас. — Он удивленно поднял глаза. — Разве так не будет честнее? Я не уверена… я просто не знаю… вы так странно себя ведете… какой-то необычный…

Дрожащие губы девушки сложились в улыбку, она с надеждой заглянула Рику в глаза.

— Но… вы не сможете провести тестирование! Процедура требует значительного опыта. Сосредоточьтесь, слушайте меня внимательно. Я буду задавать вам вопросы. Вопросы касаются социальных и психологических ситуаций, в которых вы могли бы оказаться. Я буду по ответам изучать вашу реакцию. Отвечайте максимально быстро. Один из регистрируемых факторов — время паузы, если она есть. Итак. Вы смотрите телевизор, сидя в кресле, и вдруг обнаруживаете на руке осу.

Он бросил взгляд на часы, засекая время, и на циферблаты.

— Что такое «оса»?

— Жалящее насекомое с крыльями.

— О, как необычно. — Глаза ее стали шире, как у ребенка, открывшего для себя тайну мироздания. — Они еще бывают? Я ни одного не видела.

— Их убила пыль, они вымерли. Вы в самом деле не знаете, что такое оса? Осы еще существовали, когда вы родились. Всего лишь…

— А как это будет по-немецки?

— Ваш английский звучит идеально, — сердито буркнул Рик, напрасно напрягая память.

— О, это только произношение. Оно необходимо для партий Перселл, Уолтон и фон Вильямс. Но словарный запас у меня небольшой.

— Веспе, — вспомнил он, наконец.

— Ах, да. Айн Веспе. — Она засмеялась. Какой был вопрос? Я уже забыла.

— Попробуем другой. — Теперь добиться толкового ответа было невозможно. — Вы смотрите по телевизору старый фильм о довоенной жизни. Показывают банкет в разгаре. Главное

блюдо… — пропустил он часть вопроса, — состоит из вареной собаки, нафаршированной рисом.

— Но кому придет в голову убивать и варить собаку? — удивилась Люба. — Они стоят целое состояние. Наверное, это была имитация. А имитации сделаны из проводов и моторов. Их нельзя есть.

— В довоенные времена, — проскрежетал он.

— Но я тогда еще не родилась.

— Но вы видели старые фильмы по телевизору.

— Фильм был снят на Филиппинах?

— С чего вы взяли?

— Потому что там было принято готовить вареных собак с рисом. Я вспомнила. Я читала об этом.

— Мне нужна ваша реакция, — теряя терпение, начал снова объяснять Рик. — Ваша социальная, психологическая, моральная реакция.

— На этот фильм? — Она задумалась. — Я переключила бы на Бастера Дружби.

— Почему?

— Потому. Кому интересно старое кино, да еще снятое на Филиппинах/ — с жаром спросила девушка, негодующе воззрившись на Рика.

Стрелки закачались из стороны в сторону.

— Вы сняли домик в горах, — осторожно начал Рик после паузы.

— Я-а, — кивнула она. — Продолжайте, я жду.

— В районе, где нет еще пыли.

— Не поняла… Что это значит?

— Там все еще растут кусты и деревья. Доомик сколочен из сосновых досок. Имеется большой камин. На стенах кто-то развесил эстампы Карриера и Айвса, над каминной полкой — большая оленья голова. Это самец с полностью сформировавшимися рогами. Люди, приехавшие с вами, восхищаются украшением комнаты и…

— Не понимаю… Карриер и Айве, какие-то украшения… — Она, казалось, старается вникнуть в вопрос. — Это как с рисом и собаками. Карриер — острая приправа. «Кэрри» по-немецки…

Рик никак не мог уразуметь суть семантического тумана, в котором блуждала Люба. Естественный или надуманный? Проконсультировавшись со своим внутренним голосом, он решил попробовать еще один вопрос.

— Вы назначили свидание мужчине. Он пригласив вас к себе домой. Вы пришли к нему…

— О, найн! — перебила его девушка. — Я туда не пойду. Это

легкий вопрос.

— Это еще не вопрос!

— Вы задали не тот вопрос? Но я не понимаю то, что вы спрашиваете. Почему именно то, что я понимаю, не есть вопрос? Разве не подразумевается, что я должна понимать вопрос? — Она нервно провела рукой по щеке и… и отсоединила сетку датчика. Случайно. Диск упал на пол и закатился под гримировочный столик. — Ах, майн гот, — пробормотала Люба и нагнулась, но неудобное платье не выдержало — послышался треск рвущейся ткани.

— Я подниму, — бросился он на помощь и, став на колени, зашарил под столиком, пока не нащупал датчик.

Но, поднявшись, увидел у самых своих глаз дуло лазерной трубки.

— Ваши вопросы, — голосом прокурора заявила девушка, — перешли в область секса. Я так и думала, что к этому придет. Вы не полицейский. Вы — сексуальный извращенец.

— Можете посмотреть удостоверение, — пробормотал он и потянулся к карману дрожащей рукой.

— Не двигайтесь, иначе я вас убью, — угрожающе сказала Люба.

— Вы в любом случае меня убьете.

Что бы получилось, если бы рядом была Рэйчел? Но предаваться бесплодным размышлениям времени не было.

— Так, посмотрим на остальные вопросы.

Она требовательно протянула руку, и Рик нехотя положил в нее листки.

— «Вы встречаете в журнале большую цветную фотографию обнаженной женщины…» Понятно. «Вы забеременели от мужчины, который обещал жениться на вас… вы делаете аборт…» Так. Система вопросов обличает вас полностью. Я вызываю полицию.

Не выпуская Рика из-под прицела лазера, девушка пересекла комнату, сняла трубку видфона и набрала номер дежурного оператора.

— Соедините меня с управлением полиции. Мне нужно вызвать полицейского.

— Я бы и сам сделал это с удовольствием, — облегченно выдохнул Рик.

Однако происходящее показалось ему странным. Почему она не убила его? Почему вызывает полицию? С появлением патрульного исчезнет ее последний шанс, и все будет начато сначала.

Наверное, она считает себя человеком.

Несколько минут спустя (все это время Люба не выпускала его из-под прицела) явился полицейский — здоровенный бык в архаичной голубой форме, с пистолетом и звездой.

— Ладно, ладно, — сказал он, увидев в руке девушки лазер. — Уберите эту штуку.

Она опустила трубку и полицейский тут же отобрал ее.

— Так что здесь происходит? — Девушка не успела ответить, и он повернулся к Рику. — Кто вы такой?

— Он пришел ко мне в уборную, — сказала Люба. — Я вижу его впервые. Он сделал вид, что проводит какой-то опрос, что-то в этом роде. Собирался задавать вопросы. Я подумала, что здесь нет ничего такого и согласилась. А он начал задавать неприличные вопросы.

— Ваши документы, — потребовал бык-полицейский, протягивая руку.

— Я охотник на андроидов, — сказал Рик, доставая удостоверение. — Работаю в управлении.

— Я всех охотников знаю. Вы из управления Сан-Франциско?

— Мой шеф — инспектор Брайант. Я взял дело Дейва Холдена, потому что он сейчас в больнице.

— Я даже никогда не слышал о вас, — сказал полицейский, возвращая Рику удостоверение.

— Позвоните инспектору Брайанту.

— Никакого инспектора Брайанта не существует, — сказал полицейский.

Только теперь Рик понял, что происходит.

— Вы — андроид. Как и мисс Люфт.

Он подошел к вид фону, снял трубку.

«Интересно, насколько далеко они мне позволят зайти?»

— Я вызову наше управление.

— Номер управления, — подсказал бык-полицейский, — восемь…

— Я знаю. — Почти мгновенно связавшись с коммутатором, Рик почувствовал себя увереннее: — Дайте, пожалуйста, инспектора Брайанта.

— Кто его вызывает?

— Рик Декард.

Он ждал. Тем временем бык-полицейский начал записывать показания Любы Люфт. Оба не обращали на Рика никакого внимания.

Наконец, на экране возник Гарри Брайант.

— что случилось?

— Небольшая неприятность, — объяснил Рик. — Один из андроидов Дэйва вызвал сюда патрульного полицейского. Тот

говорит, что знает всех охотников, но никогда не слышал обо мне. И о вас, кстати, тоже.

— Дайте мне с ним поговорить, — нахмурился Брайант.

— Инспектор Брайант хочет с вами поговорить, — позвал Рик полицейского, который, прервав прием показаний, подошел к видфону.

— Сержант Грамс слушает, — резко сказал он. — Алло! Алло! Алло! — Потом повернулся к Рику. — На линии никого нет.

Экран действительно был пуст.

Забрав трубку, Рик прислушался, подождал, еще раз набрал знакомый номер. Гудки шли, но на звонок никто не отвечал.

— Дайте мне, — сказал сержант, беря трубку. — Вы, видимо, номером ошиблись. Нужно наорать 842…

— Я знаю, — раздраженно перебил Рик.

— Вызывает сержант Грамс, — сказал полицейский в трубку. — Имеется ли среди сотрудников управления некий инспектор Брайант? — Короткая пауза. — А как насчет агента по имени Рик Декард? — Снова пауза. — Вы уверены? Может, он только недавно… так, понятно. Хорошо, спасибо. Нет, все нормально, я сам справлюсь.

Повесив трубку, он повернулся к Рику.

— Но он был на экране, — сказал Рик. — Я сам его видел, он сказал, что хочет с вами поговорить. Какая-то неполадка, произошло рассоединение… Неужели вы не видели, как лицо появилось, а потом исчезло?

Ему казалось, что он спит и видит кошмар.

— Я записывал показания мисс Любы Люфт, Декард, — сказал сержант Грамс. — Ну что ж, поедем в Зал Правосудия, я зарегистрирую вас.

— Хорошо, — убито сказал Рик.

— Я очень скоро вернусь, мисс Люфт, — повернулся полицейский к девушке. — Я еще не провел теста.

— Он извращенец, — передернула плечами Люба. — Один его вид бросает меня в дрожь.

— Какую оперу вы репетируете? — поинтересовался сержант.

— «Волшебную флейту», — ответил за девушку Рик.

— Я не с вами разговариваю, — недружелюбно взглянул на него полицейский.

— Я бы хотел поскорее добраться до Зала Правосудия, — сказал Рик. — Нужно поскорее выяснить, что происходит.

И направился к двери в коридор, сжимая ручку чемоданчика.

— Сначала я обыщу вас, — задержал его сержант, ловко ощупывая Рика, и извлек из карманов служебный лазер и пулевой пистолет. — А из него недавно стреляли, — сообщил он, понюхав

ствол револьвера.

— Я буквально только что отправил на покой одного анди, — сказал Рик. — Останки у меня в каре, наверху.

— Ладно, — буркнул Грамс. — Сейчас поглядим.

Мисс Люфт проводила их до самой двери.

— Ведь он уже не вернется, правда, сержант? Я очень боюсь его. Он такой странный…

— Если у него в каре действительно тело убитого гражданина, то сюда он точно не вернется.

Он подтолкнул Рика к двери, и через несколько минут они были уже на крыше оперного театра.

Открыв дверцу аэрокара, Грамс молча уставился на тело Полокова.

— Это андроид, — объяснил Рик. — Я охотился на него, и он едва не прикончил меня, притворившись…

— Показания с вас снимут в Зале Правосудия, — не стал слушать Грамс, подталкивая его к своему аэрокару. Из кабины он дал по радио кому-то указание забрать тело Полокова и взглянул на Рика. — Ладно, Декард, поехали.

Патрульный аэрокар поднялся в воздух и взял курс на юг.

— Зал Правосудия, — удивился Рик, — находится на севере, на Ломбард-стрит!

— Это старый Зал, — поправил сержант. — Новый построен на Миссион-стрит, старое здание превратилось в руины. Там уже много лет никто не работает. Вы что, так давно в последний раз были в полиции?

— Отвезите меня на Ломбард-стрит, — попросил Рик.

Он уже все понял.

Так вот чего добились андроиды, работая сообща! До конца полета он не доживет. Дейву еще повезло выбраться живым, но для него это — конец.

— А девочка — первый класс, — поделился впечатлениями Грамс. Жаль, фигуры не видно в этом наряде. Но, спорю, там все в порядке!

— Признайтесь хотя бы мне, что вы — андроид, — уныло сказал Рик.

— А я не андроид. Значит, вы убиваете людей, а себе говорите, что они — андроиды? Теперь я понимаю, почему мисс Люфт так испугалась. Хорошо еще, что она успела сделать вызов.

— Тогда отвезите меня в Зал Правосудия на Ломбард-стрит…

— Я вам объяснил, что…

— Всего три минуты, — взмолился Рик. — Я хочу увидеть собственными глазами. Я не верю! Я каждое утро ходил туда на работу, делал отметку в табеле… Я хочу собственными глазами

увидеть руины!

— Наверное, вы сам — андроид, — понимающе сказал сержант. — И у вас встроенная фальшивая память. Ложная. Вы думали об этом?

Хладнокровно усмехаясь, он продолжал вести кар на юг.

Признав свое полное поражение, Рик откинулся на спинку сиденья и принялся бессильно ждать дальнейшего развития событий. Что бы андроиды не задумали, он был полностью у них в руках.

«И все же одного я успел отправить на покой. Полокова. А Дейв прикончил еще двоих».

Зависнув на секунду над Миссион-стрит, кар плавно пошел на посадку.

10

Здание Зала Правосудия на Миссион-стрит, на крышу которого опускался патрульный кар, вздымалось к небу несколькими шпилями в стиле барокко. Сложная, современная архитектура здания поразила Рика. Оно казалось ему красивым, приятным для глаза… исключая единственный аспект — он видел его впервые в жизни.

Патрульный кар опустился, и несколько минут спустя Рик обнаружил, что с него уже снимают показания.

— 304, — сказал Грамс сержанту за письменным столом. — И 612. Дробь 4. Так, посмотрим. Выдавал себя за агента полиции.

— Это будет 406, дробь 7, — скучно произнес сержант за столом, заполняя бланк.

Ручка лениво ползла по бумаге. Рутина, рутина…. Ничего нового, ничего важного…

— Теперь сюда, — пригласил Грамс Рика к белому столику, за которым техник-сержант манипулировал знакомыми приборами. — Снимем вашу цефаломатрицу. В целях установления личности.

— Знаю, — огрызнулся Рик.

В былые дни, когда он сам работал патрульным, ему доводилось приводить подозреваемых вот к такому же столу. К такому же, но не к этому…

Еще через несколько минут его отвели в так же знакомую комнату. Он рефлекторно начал составлять в уме список ценных вещей, чтобы переслать жене.

«Боже, как глупо, бессмысленно… Как эти люди? Если эта организация существует давно, то как получилось, что мы ничего не знали о ней? А они не знают о нас? Да, два параллельных полицейских агентства… Наше и это… Они не вступают в контакт с нами, никогда не вступали до сих пор… Или, может быть, вступали? Может, это не первый случай? Трудно поверить, что ничего подобного до сих пор не происходило. Если только это действительно аппарат управления полицией… если это действительно то, чем кажется…»

К Рику неспеша, размеренным шагом подошел мужчина в штатском и с любопытством смерил его взглядом.

— Кто это такой?

— Подозревается в убийстве, — ответил Грамс. — В его каре мы обнаружили тело. Он утверждает, что это андроид. Сейчас лаборатория делает анализ костного мозга, так что скоро мы все выясним. Кроме того, он выдавал себя за офицера полиции,

агента по борьбе с андроидами, под этим прикрытием пробрался в женскую уборную оперного театра, и начал приставать к певице с двусмысленными вопросами. Она засомневалась, тот ли он, за кого себя выдает, и вызвала нас. Вы будете заниматься им до конца, сэр?

— Да, — ответил тот.

Он был голубоглазый, с узким, хищным лицом и бледными, невыразительными губами.

— Что там у вас, мистер Декард? — поинтересовался новый мучитель Рика, протягивая руку к служебному чемоданчику.

— Материалы, относящиеся к тесту Войт-Кампфа, — ответил Рик. — Когда сержант арестовал меня, я как раз тестировал подозреваемую. — Он смотрел, как полицейский перебирает содержимое, внимательно осматривая каждый предмет. — Мисс Люфт были заданы стандартные вопросы стандартного теста Войт-Кампфа, напечатанные…

— Вы знаете Джорджа Глисона или Фила Ресча?

— Нет, — ответил Рик.

Эти имена он слышал впервые.

— Это агенты по выявлению и ликвидации андроидов в Северной Калифорнии. Оба закреплены за нашим управлением. Возможно, вы с ними здесь еще столкнетесь. Вы — андроид, мистер Декард? Я имею право спрашивать, потому что мы уже неоднократно имели дело с беглыми анди, выдающими себя за охотников из других штатов, прибывших к нам, в погоне за подозреваемыми.

— Я не андроид, — устало сказал Рик. Можете провести тест Войт-Кампфа. Я уже проходил его и могу пройти снова. Но результат мне известен. Могу я позвонить жене?

— На один звонок вы имеете право. Желаете позвонить именно ей, а не адвокату?

— Я позвоню жене, — повторил Рик. — Адвоката вызовет уже она.

Полицейский вручил Рику монету в пятьдесят центов и указал рукой направление.

— Вон там видфон.

И, проследив за ним взглядом, вернулся к исследованию содержимого чемоданчика Рика.

Опустив монету, Рик набрал свой номер. Ожидание длилось вечность.

Потом на экране появилось женское лицо.

— Алло? — сказала женщина.

Это была не Иран. Он никогда прежде не видел эту женщину.

Повесив трубку, Рик медленно вернулся к столу.

— Неудачно? — поинтересовался офицер. — Ну что ж, можете позвонить еще раз, в этом отношении мы достаточно либеральны. Правда, не разрешается вызывать поручителя, потому что мы не отпустим вас под залог. Но когда вы будете привлечены к суду и вам предъявят обвинение…

— Знаю, — оборвал его Рик. — Эта процедура мне знакома.

— Вот ваш чемоданчик, — сказал офицер, закончив осмотр. И пойдемте в мой кабинет. Я хотел бы продолжить беседу. — Пройдя несколько шагов по боковому коридору, он вдруг остановился и обернулся… — Меня зовут Гарланд.

Они пожали друг другу руки.

— Садитесь. — Гарланд распахнул двери кабинета и тяжело опустился за большой письменный стол, заваленный бумагами.

Рик сел напротив.

— По поводу теста Войт-Кампфа, о котором вы упоминали, — начал Гарланд задумчиво. — Эти приборы… — Он раскурил трубку и выпустил облачко дыма. — Они являются аналитическим инструментом обнаружения андроидов?

— Это наш базовый тест, — сказал Рик. — Сейчас мы пользуемся только им. И только он способен выявить андроидов типа «Узел-6». Вы впервые слышите о такой методике?

— Я знаю несколько тестов-психопрофилей для обнаружения андроидов. Но о таком и не слыхал.

Он продолжал напряженно рассматривать Рика, лицо его стало каким-то одутловатым. Рик не мог представить, о чем думает Гарланд.

— И эти грязноватые листочки, которые лежали в вашем чемоданчике… Полоков, Люба Люфт… Следующим в списке иду я.

Рик вздрогнул и схватил чемоданчик.

Мгновение спустя папиросные листки досье лежали перед ним. Ни он, ни Гарланд не проронили ни слова целую минуту, потом полицейский нервно кашлянул.

— Очень неприятное ощущение, — сказал он. — Обнаружить себя среди целей охотника на андроидов… Совершенно неожиданно. Если только вы — настоящий охотник, мистер Декард. — Нажав кнопку настольного интеркома, Гарланд склонился над ним: — Пришлите сюда одного из охотников. Все равно, кого. Хорошо, спасибо. — И отпустил кнопку. — Через минуту здесь будет Фил Ресч. И я хочу сначала взглянуть на его список подозреваемых, прежде, чем мы пойдем дальше.

— Думаете, я могу оказаться в списке? — спросил Рик.

— Не исключено. Но через минуту мы узнаем об этом. А в вашем листке, — показал он на список, — я фигурирую как

страховой инспектор, а не как полицейский. — Все же остальное сходится в точности: внешность, привычки, домашний адрес. Сами посмотрите.

Рик быстро пробежал взглядом размытые машинописные строчки.

Как и предполагал Гарланд, через минуту дверь открылась, и на пороге возник высокий, очень худой мужчина с резкими чертами лица, которое украшали очки в массивной роговой оправе и ван-дейковская бородка. Гарланд поднялся.

— Фил Ресч, Рик Декард, знакомьтесь. Оба вы — агенты по борьбе с андроидами. Видимо, пришло время познакомиться как следует.

Протянув руку для приветствия, Ресч внимательно всмотрелся в лицо Рика.

— К какому городу вы прикреплены?

— К Сан-Франциско, — ответил вместо Рика Гарланд. — Вот, взгляни, — и протянул Ресчу листок из досье, где содержались данные о нем самом.

— Послушай, Гар, — с удивлением сказал Ресч. — Да ведь это ты!

— Это еще не все, — сообщил Гарланд. — У него еще есть данные по Любе Люфт, Полокову. Помнишь Полокова? Он уже мертв. И застрелил его вот этот агент или андроид, кем бы он ни был на самом деле. Сейчас в лаборатории анализируют костный мозг Полокова. На предмет установления его природы.

— С Полоковым я общался, — задумчиво проговорил Ресч. — Это тот большой Санта-Клаус из советской полиции? А идея с анализом сама по себе не плоха.

— Почему ты так считаешь? — спросил явно раздраженный Гарланд. — Ведь это может лишить нас оснований обвинить этого человека в убийстве. Получится, что он лишь отправил на покой андроида.

— Полоков поразил меня своей холодностью, расчетливостью, отстраненностью…

— Таких полицейских сколько угодно, — возразил Гарланд, явно уязвленный.

— Любу Люфт я не встречал никогда, — продолжал Ресч. — Хотя записи слышал. Вы испытали ее? — спросил он Рика.

— Пытался. Но не довел тест до конца. Она вызвала патрульного, и этим все кончилось.

— А Полоков?

— Его мне тоже не удалось проверить.

— И, насколько я понимаю, сказал Ресч, — инспектора

Гарланда вы тоже проверить пока не успели?

— Конечно, нет! — негодующе вскричал инспектор.

Слова вылетели из его горла, как осколки горячего стекла.

— Каким тестом вы пользуетесь? — не обращая на него внимания, спросил Ресч у Рика.

— Шкалой Войт-Кампфа.

— Я не знаю такой шкалы.

И Ресч, и Гарланд размышляли быстро и профессионально. Но не в унисон. Это было явно.

— Я всегда считал, — продолжал Ресч, — что андроиду проще всего пристроиться в большой полицейской организации вроде ВПО. И с самой первой встречи с Полоковым мне хотелось проверить его, но случай так и не подвернулся. Да и не мог подвернуться. Что является одним из преимуществ, которые дает андроиду подобная работа.

Медленно поднявшись на ноги, инспектор Гарланд посмотрел в глаза Ресча.

— И меня тоже вам всегда хотелось проверить?

Губы Ресча сложились в едва заметную улыбку. Он, видимо, хотел что-то ответить, но лишь пожал плечами, продолжая хранить молчание. Охотник, казалось, совсем не боялся начальника, несмотря на физически ощутимый гнев Гарланда.

— Кажется, вы не совсем понимаете, что у нас сложилась за ситуация, — зловеще произнес инспектор. — Этот человек… или андроид по имени Рик Декард представляет некую фантомную полицейскую организацию, которая, якобы, базируется в нашем старом здании на Ломбард-стрит. Он никогда не слышал о нас, а мы ничего не знаем о его управлении, хотя внешне стоим по одну сторону баррикад. Даже тест, которым пользуется мистер Декард, нам не известен. Но список, которым он руководствуется — список живых людей, и по крайней мере один из них уже умер… убит. Если бы мисс Люфт не догадалась позвонить в полицию, он бы, вероятно, убил и ее.

А потом принялся бы за меня!

— Гм, — произнес Фил Ресч.

— Гм-м, — в ярости передразнил его Гарланд, наливаясь опоплексицеской краской. — И больше вы ничего не хотите сказать?

На столе внезапно ожил интерком.

— Инспектор Гарланд, — сообщил мягкий женский голос, — анализ трупа Полокова произведен.

— Думаю, нам не мешало бы узнать результат, — заметил Ресч.

Гарланд бросил не него испепеляющий взгляд и нажал

кнопку интеркома:

— Мисс Френч, сообщите, пожалуйста, нам результат.

— Анализ костного мозга показал, — зачастила женщина, — что мистер Полоков был гуманоидным роботом. Если вам требуется подробный…

— Нет, этого достаточно.

Гарланд опустился на стул и мрачно уставился в противоположную стену.

— Что лежит в основе вашего теста Войт-Кампфа? — спросил Ресч, обернувшись к Рику.

— Эмпатическая реакция. В наборе социально-психологических ситуаций. Большей частью они касаются отношения к животным.

— Наш тест проще, как мне кажется. Реакция по рефлекторной дуге, имеющей место в верхних ганглиях спинного мозга, у роботов занимает на несколько микросекунд больше, чем у людей. — Ресч придвинул отрывной блокнот Гарланда и шариковой ручкой набросал схему. — Мы используем звуковой сигнал или световую вспышку. Испытуемый нажимает кнопку, мы замеряем время задержки. Это время у людей и андроидов различно. После серии из десяти проб получается довольно надежный результат. Потом, как в случае с Полоковым, вывод подтверждает анализ костного мозга.

Последовала тягостная пауза, которую прервал Рик:

— Можете испытать меня. Я готов. Конечно, вас мне тоже хотелось бы проверить. Если вы не против.

— Я не против, — ответил Ресч, внимательно наблюдая за Гарландом. — И давно говорил, что тест с дугой Бонелли должен регулярно проводиться среди полицейского персонала, причем чем выше по командной цепочке, тем чаще. Я прав, инспектор?

— Это ваше право, — угрюмо ответил Гарланд. — Я всегда был против. На том основании, что это повредило бы моральному климату в управлении.

— Но, думаю, теперь вы не будете слишком возражать, — заметил Рик. — Принимая во внимание результат анализа Полокова.

11

— Не буду, — согласился Гарланд и ткнул пальцем в Ресча. — Но вас предупреждаю — результаты теста вряд ли придутся вам по вкусу.

— А вы знаете, какие будут результаты? — слегка напряженно спросил Ресч.

Сложившаяся ситуация явно его не радовала.

— Почти на все сто, — зловеще улыбнулся инспектор.

— Ладно, — с угрозой кивнул Ресч. — Схожу за приборами. Буду через две-три минуты, — сказал он Рику и закрыл за собой дверь.

Сунув руку в правый верхний ящик служебного стола, Гарланд нашарил там что-то и медленно поднялся.

В лицо Рику глянуло черное дуло лазера.

— Это ничего не изменит, — сказал Рик. — Ресч произведет посмертный анализ своего костного мозга, и снова будет настаивать на проверке… как это у вас называется? Дуга Бонелли? Неважно. Будет настаивать на проверке вас и себя самого.

Лазерная трубка не дрогнула ни на миллиметр.

— Это был плохой день. У меня появилось предчувствие сразу, как только я вас увидел. Поэтому и вмешался.

Дуло медленно опустилось. Еще некоторое время инспектор судорожно сжимал лазерную трубку, потом швырнул оружие в ящик стола, запер, а ключ положил в карман.

— Так что же должен показать тест? — спросил Рик.

— Этот болван Ресч…

— Но он на самом деле не подозревает?

— Ни в малейшей степени. Иначе он не смог бы работать охотником на андроидов… едва ли подходящая для андроидов работа. Это — работа только для человека. Кстати, всех ваших подозреваемых я знаю. Мы прилетели с Марса в одном корабле. Но Ресча с нами не было. Он задержался на неделю — обзаводился искусственной памятью.

В кабинете на секунду повисло тягостное молчание.

— А что он сделает, когда узнает? — спросил Рик.

— Не имею ни малейшего представления, — рассеянно ответил Гарланд, — с точки зрения абстрактного мышления вопрос довольно интересный. Он может убить меня, убить себя. Возможно, и вас. Может начать убивать всех, кто попадется ему под руку, — и людей, и андроидов, в равной степени. Такие вещи иногда случаются с системами ложной памяти, когда андроид

думает, что он — человек.

— Значит, ложная память — всегда риск?

— Это риск в любом случае, когда бежишь и добираешься до Земли, где нас даже за животных не считают, где любой червяк желаннее нас всех, вместе взятых. — Гарланд в раздражении дернул себя за нижнюю губу. — Ваше положение было бы более удачным, если бы Ресч смог пройти тест Бонелли, если бы дело было только во мне одном. Тогда результаты можно было бы предсказать — я бы стал для него очередным анди, которого нужно отправить на покой, и чем скорее, тем лучше. Поэтому, Декард, сейчас вы в очень невыгодном положении. Почти в таком же, как и я. Знаете, где я допустил ошибку? С Полоковым. Наверное, он прибыл гораздо раньше нас, поэтому я его не знал. Между нашей и его группами не было никакого контакта. Напрасно я пошел на риск лабораторного анализа. Не надо было этого делать. И Грамс ошибся, приведя вас сюда.

— Полоков меня едва не прикончил, — признался Рик.

— Да, было в нем что-то этакое. Наверное, мозговое устройство другой серии. Как бы там ни было, его мозг явно подвергался дополнительной обработке. Получилось что-то незнакомое даже нам. И очень совершенное. Почти идеальное.

— А когда я звонил домой, что там была за женщина? — задал Рик давно мучивший его вопрос.

— Все видфонные линии в этом здании замкнуты на себя. Любой вызов за его пределы рециркулируется в кабинеты внутри управления. Вы находитесь внутри гомеостатической машины, Декард. Мы — замкнутая петля, отрезанная от остальной части Сан-Франциско. Мы о вас знаем, а вот вы о нашем существовании и не подозреваете. Иногда сюда случайно забредает какой-нибудь человек, или его привозят, как это произошло с вами. Для самозащиты нам приходится… — Гарланд судорожно дернулся и кивнул в сторону двери: — А вот и наш реактивный молодец Фил Ресч с портативным аппаратиком для скоренького теста. Правда, парень, что надо? Не сомневаюсь: он прикончит и меня, и себя, и вас заодно.

— Вы, андроиды, — заметил Рик, — не очень-то поддерживаете друг друга в стрессовых ситуациях.

— Да, уж, — процедил сквозь зубы Гарланд. — Кажется, нам на самом деле недостает того особого таланта, которым обладаете вы, люди — вы называете это сопереживанием, эмпатией.

Дверь кабинета открылась, и на пороге появился Фил Ресч, держащий в руке прибор с волочащимися по полу проводами.

— А вот и я, — жизнерадостно сообщил он, закрыл дверь,

уселся и подключил аппарат к розетке.

Гарланд, словно указывая, вытянул правую руку в его сторону. В то же мгновение Рик и Ресч одновременно скатились со стульев на пол. В падении Ресч выхватил лазер.

Луч, направленный с точностью, выработанной многими годами тренировок, ударил в лоб Гарланда. Тело его наклонилось вперед, миниатюрный лазерный излучатель выпал из ладони и покатился по полу. Потом труп качнулся, осел на бок и, как мешок с картошкой, грузно рухнул на пол.

— Он забыл, кем я работаю, — усмехнулся Фил, вставая с пола. — Я могу почти точно предсказать, что в каждой конкретной ситуации станет делать андроид. И вы, видимо, тоже. — Он спрятал лазерную трубку и с любопытством глянул на труп своего бывшего начальника. — Что он вам рассказывал, пока меня не было?

— Что он действительно андроид. И что вы… — Рик запнулся. Мысли метались, как в лихорадке, просчитывая варианты, и в конце концов он решил не говорить пока всей правды, — …в конечном итоге раскрыли бы его. Всего через несколько минут.

— И больше ничего?

— И что все это здание занято андроидами.

— Тогда выбраться отсюда будет нелегко, — задумчиво сказал Ресч. — Практически я имею право входить и выходить, когда захочу. И могу сопровождать взятого под стражу… — Он прислушался. Из коридора в кабинет не доносилось ни звука. — Думаю, они ничего не слышали. И «клопа», видимо, здесь нет, хотя они должны быть натыканы повсюду. — Носком ботинка он качнул труп Гарланда. — Нет, просто замечательно, какие псионные способности развиваются на такой работе! Я еще не открыл дверь, а уже знал, что он в меня будет стрелять. Честно говоря, удивительно, что вы к моему приходу были еще живы.

— Он собирался меня убить, — сказал Рик. — В столе лежит большой служебный лазер. Но его в большей степени интересовали вы, нежели я.

— Охотник направляется туда, куда бежит андроид, — без всякого юмора сказал Ресч. — Вам придется вернуться в театр, чтобы устранить Любу Люфт, пока кому-то не удалось ее предупредить. Вернее, его, андроида. Вы как о них думаете — через «он», «она» или «оно».?

— Иногда я думаю через «оно», — признался Рик. — Если меня тревожит память, мне приходится так думать. Это хорошее средство очистить совесть — думать о них, как о неодушевленных предметах. Но в последнее время мне это не требуется. Ладно, я

полечу в оперу. Но при условии, что вы поможете мне выбраться отсюда.

— Гарланда, я думаю, мы посадим обратно на стул, — предложил Ресч, подтаскивая тело андроида к столу, и придал ему возможно более естественное положение. — Главное, чтобы никто не вошел в кабинет… — Он нажал кнопку интеркома: — Инспектор Гарланд просит не пропускать к нему звонки в течение следующих тридцати минут. Он занят важной работой и не хочет, чтобы ему мешали.

— Хорошо, мистер Ресч.

Отпустив кнопку, Фил повернулся к Рику.

— Внутри здания вы будете прикованы ко мне наручниками. Но, как только мы поднимемся в воздух, я, естественно, вас освобожу. — Он извлек наручники и пристегнул руку Декарда к своей. — Пошли. Надо с этим скорее кончать.

Расправив плечи и сделав глубокий вдох, Ресч толкнул дверь кабинета.

Со всех сторон их окружали полицейские. Служащие продолжали заниматься рутинными делами, не обращая внимания на охотника, ведущего задержанного к лифту.

Наконец, двери лифта раздвинулись, выпустив в холл табунчик андроидов с маловыразительными лицами полицейских служащих, которые деловито застучали подошвами по паркету, спеша по срочным делам.

— Чего я опасаюсь, — сказал Ресч, когда за ними закрылись двери лифта, — так это того, что у Гарланда мог быть горловой сигнализатор на случай гибели. Сейчас эта штука уже должна заработать.

Он надавил самую верхнюю кнопку, и кабина бесшумно начала подъем.

— Как вы думаете, меня возьмут на работу в ваше управление? — спросил Ресч через несколько секунд. — Ведь я теперь остался без работы. В лучшем случае.

— Я… думаю, отказывать вам нет причин, — осторожно ответил Рик. — Правда, у нас уже есть два охотника…

«Я должен сказать ему, — подумал он. — Это жестоко, это неэтично. Он вытащил меня из ловушки — и вот благодарность. Но что поделаешь?»

— Просто уму непостижимо, — продолжал Фил. — Просто невозможно представить. Три года я работал под началом андроидов! И ничего не подозревал, ни о чем не догадывался!

— Возможно, все случилось не так давно, и вы только в последнее время попали под контроль андроидов.

— Но все три года моим начальником был Гарланд!

— Если верить тому, что он успел мне рассказать, то вся эта банда прибыла на Землю всего несколько месяцев назад.

— Значит, когда-то существовал настоящий Гарланд. И я не заметил, когда его подменили… — Внезапно худое лицо Ресча дернулось. — Или… или в меня встроена система ложной памяти… И я ложно помню, как работал три года… — Он старался понять, голос стих почти до шепота. — Но только андроиды способны носить в себе ложную память… По отношению к людям система оказалась неэффективной…

Лифт остановился, двери раздвинулись, и перед ними простерлась пустынная крыша со стоянками аэрокаров — посадочная площадка полицейского управления.

Отперев дверцу своего кара, Ресч жестом поторопил Рика забраться в кабину, сел за управление и включил двигатель. Секунду спустя, они уже поворачивали на север, в сторону старого здания оперы. Фил управлял почти машинально — в его сознании продолжали доминировать мрачные, пугающие мысли, наложив отпечаток на лицо.

— Послушайте, Декард, — заговорил он внезапно. — После того, как мы устраним Любу Люфт… я хочу, чтобы вы… — Голос его прерывался. — Вы понимаете, о чем я? Чтобы вы протестировали меня. По моей ли, по вашей ли шкале — не важно.

— Подумаем об этом позднее, — уклончиво ответил Рик.

— Вы не хотите меня тестировать, да? Догадываюсь, почему… что говорил вам обо мне Гарланд?

— Даже вдвоем нам будет трудно справиться с Любой Люфт. Давайте не будем пока отвлекаться от главного.

— Ведь дело не только в системе ложной памяти. — Ресч упрямо не хотел менять тему разговора. — У меня ведь есть животное. Настоящее, не электрическое. Белочка. Я очень люблю свою белку, Декард, кормлю, каждое утро меняю подстилку… Это такая бумага, которую кладут в клетку, знаете? А вечером, после работы, я выпускаю ее погулять, и она прыгает по всей квартире. В клетке у нее есть колесо. Вы видели когда-нибудь, как белка крутится в колесе? Она бежит и бежит, а колесо все крутится и крутится, но белка остается на том же месте… Правда. Баффи это, кажется, нравится.

— Думаю, белки не очень умные животные, — сказал Рик.

Дальше они летели в молчании.

12

В опере они узнали, что репетиция уже закончилась, а мисс Люфт из театра ушла.

— Куда именно? — спросил Ресч у одного из рабочих сцены, показав свое полицейское удостоверение.

— Вроде в музей, — ответил рабочий. — Сказала, что хочет успеть на выставку картин Эдварда Мунка, завтра она закрывается.

«А Люба, — подумал Рик. — „закрывается“ сегодня».

— Как по-вашему, какие у нас шансы? — спросил у него Ресч, по пути в музей. — На то, что она не убежала и мы найдем ее в музее?

— Не знаю, — честно ответил Рик.

Войдя в здание музея, они выяснили, на каком этаже находится нужная им выставка и вскоре уже бродили среди картин и статуй, вырезанных из дерева. Людей на выставку пришло довольно много, и целый школьный класс. Пронзительный голос учительницы был слышен во всех комнатах. Рику пришло в голову, что именно так должен бы был звучать голос анди, и внешность у него должна быть такая же, как у этой училки, а вовсе не такая, как у Любы Люфт или Рэйчел Розен…

— вы когда-нибудь слышали, чтобы анди держали дома животных? — все не унимался Фил, то есть, устройство, стоящее рядом с ним.

По какой-то смутно осознаваемой причине Рик испытывал желание быть честным до жестокости.

— Да. Мне известны два случая, когда анди владели животными. Но это случается крайне редко. Из своего опыта общения с андроцдами я могу сделать вывод, что они, как правило, не в состоянии содержать животное, потому что живые существа требуют душевного тепла. Кроме рептилий и насекомых, конечно.

— А белка? Ведь ей тоже нужно это тепло? Баффи живется превосходно. Я ее через день расчесываю…

Он остановился перед картиной, выполненной масляными красками, и умолк, внимательно рассматривая ее. Картина изображала безволосое страдающее существо с головой, похожей на грушу, с ладонями, в ужасе прижатыми к ушам и с открытым в безмолвном крике ртом. Искаженные, судорожные волны муки существа, словно эхо крика, расходились в воздухе вокруг его головы. Оно оказа словно оказалось заключенным в собственном вопле и зажало уши, чтобы его не слышать. Из-за этого крика

(или несмотря на него?) существо оказ было полностью изолировано от остальных людей.

— Потом он сделал еще статую, — сказал Рик, прочитав табличку под картиной.

— Наверное, — медленно произнес Ресч, — вот так должен чувствовать себя андроид… — Он изобразил в воздухе вибрации видимого на картине крика существа. — Но я так себя не чувствую, следовательно… скорее всего… я не ан…

И замолчал — в зал вошло еще несколько человек.

— Знакомьтесь. Люба Люфт, — кивнул в сторону девушки Рик, и Фил, сразу забыв о своих мрачных подозрениях, размеренным шагом, не выдавая спешки, направился в ее сторону.

Главное — не нарушать атмосферу будничности. Другие люди, не подозревающие о присутствии среди них андроида, не должны подвергаться опасности — даже если ценой этому будет провал операции.

Люба застыла перед картиной, полностью поглощенная ею. На ней были блестящие брюки, суженные у щиколоток, и золотистый зеркальный жилет. Она была прекрасна. На картине, от которой певица не отрывала глаз, была изображена совсем юная девушка, сидящая на краю кровати. Руки ее были крепко сцеплены, на лице отражало ошеломление и робость.

— Хотите, я куплю ее для вас? — спросил Рик, останавливаясь рядом и положив руку на предплечье девушки, давая ей понять, что она в пределах досягаемости.

Фил, в свою очередь, тяжело опустил руку на ее плечо. Рик увидел, как оттопыривается его пиджак над кобурой лазера. Фил Ресч не собирался рисковать еще раз, с него достаточно было инспектора Гарланда.

— Она не продается, — сказала девушка, оглянувшись, и узнала Рика.

Глаза ее мгновенно поблекли, краска схлынула с лица, превратив его в лицо трупа, словно тело начало разлагаться.

— А я думала, вас арестовали…

— Мисс Люфт, — сказал Рик, — познакомьтесь, это мистер Ресч. Фил, я рад представить тебе известную оперную певицу Любу Люфт. — Он снова повернулся к девушке. — Тот патрульный, что арестовал меня, оказался андроидом. Так же, как и его начальник. Вы знаете… вернее, знали инспектора Гарланда? Он рассказал мне, что все вы прибыли с Марса в одном корабле.

— Полицейское управление, в которое вы обратились, — включился в разговор Ресч, — является организованным агентством андроидов, посредством которого группа, как мне

представляется, поддерживали связь друг с другом. И были настолько уверены в себе, что даже нанимали людей-охотников за андроидами. Очевидно…

— Вы имеете в виду себя? — поинтересовалась Люба. — А вы не человек. Не более человек, чем я. Вы — андроид, Ресч.

После некоторой паузы Фил ответил ей севшим, но хорошо контролируемым голосом:

— С этим, я думаю, мы разберемся в соответствующее время. Отведем ее в мой кар, Декард.

Шагая по обе стороны от Любы, они повели ее к лифту. Девушка двигалась без желания, но и сопротивления тоже не оказывала. Она словно отключилась от внешнего мира. Рику приходилось уже сталкиваться с подобными явлениями у андроидов. В критических ситуациях искусственная сила жизни, приводящая их в движение, словно истощалась, если нагрузка оказывалась слишком велика… По крайней мере, у некоторых. Но не у всех…

И могла вернуться в любой момент, с неожиданной яростью.

Однако, андроиды всегда стремились себя не выдавать. Поэтому в музее, в окружении стольких посетителей. Люба ничего не станет предпринимать. Настоящее столкновение (для нее, скорее всего, последнее) произойдет, видимо, в аэрокаре. Оказавшись в кабине кара, она может внезапно отбросить маску пассивности. Рик напрягся. О Филе Ресче он не думал. Как сказал сам Ресч, эта проблема будет рассмотрена в соответствующее время.

В конце коридора, рядом с лифтами, было устроено нечто вроде небольшого киоска, в котором продавали репродукции и книги по искусству. Люба остановилась у прилавка.

— Послушайте, — обратилась она к Рику. Краска частично вернулась на ее лицо и она снова казалась живой. — Купите мне репродукцию той картины, которую я смотрела, когда вы меня нашли. Помните? Там, где девушка…

— Помню, — ответил Рик и повернулся к продавцу:

— У вас есть репродукция картины Мунка «Зрелость2?

— Только вот в этом альбоме его работ, — ответил продавец, снимая с полки красивый альбом в блестящем пластике. — Двадцать пять долларов.

— Беру, — сказал Рик, потянувшись за бумажником.

— Мой департаментский бюджет… — начал было Фил, но Рик не стал его слушать.

— Это мои деньги, — сказал он, протягивая Любе альбом. А теперь пойдем вниз, нам нужно идти.

— Очень мило с вашей стороны, — сказала девушка, когда за

ними закрылись двери лифта. — В вас, людях, есть нечто странное и трогательное. Андроид бы так не поступил. — Она бросила ледяной взгляд на Ресча. — Ему бы и в голову не пришло. — Глаза ее метали молнии. — Нет, я в самом деле не люблю андроидов. И всегда старалась как можно точнее имитировать живую женщину, то есть высшую по отношению к нам форму. Таково, по крайней мере, мое мнение. А как думаешь ты, Фил Ресч? Подражание…

— Я больше не могу, — простонал Ресч, сунув руку под пиджак.

— Нет! — почти крикнул Рик, останавливая его. — Сначала — тест Бонелли.

— Оно само во всем призналось, — возразил Ресч. — Мы можем сделать это уже сейчас.

— Только потому, что оно тебя уязвило… — Он попытался вырвать лазер, но безуспешно. — Дай сюда!

Сделав шаг назад, Ресч повернулся боком, не спуская глаз с Любы.

— Ладно, — сказал Рик. — Устраняй. Убей сразу, сейчас. Докажи, что это твое право… — И увидел, что Ресч намерен поступить именно таким образом. — Постой…

Лазер выплюнул сноп света. Люба, в спазме животного ужаса, дернулась в сторону и пригнулась. Ресч опустил ствол ниже, и следующий луч прожег в ее животе узкую дыру. Она упала, скорчилась и, прижавшись к стене, закричала.

«Как на той картине», — подумал Рик, вытаскивая лазер, и добил ее. А потом сжег лучом альбом с репродукциями картины Мунка, который купил для девушки всего несколько минут назад. Сжигал старательно, пока от альбома не остался только пепел. Фил Ресч удивленно наблюдал за его действиями.

— А ведь вы могли оставить альбом себе, — сказал он, когда все было кончено. — Он обошелся вам…

— Как вы думаете, у андроида есть душа? — перебил его Рик.

Склонив голову, Ресч недоуменно округлил глаза.

— Я могу себе это позволить, — сказал Рик. — Я уже заработал сегодня три тысячи долларов, а не кончил еще и половины дела.

— Вы имеете в виду Гарланда? Но ведь убил его я. Вы просто лежали на полу. И Люба Люфт — моя работа.

— Вы не получите денег, — жестко сказал Рик. — Ни в своем управлении, ни в нашем. Как только доберемся до машины, я протестирую вас… и посмотрим. Хотя в моем списке вас нет. — Немного дрожащими руками он раскрыл чемоданчик и переворошил смятые папиросные бумажки. — Точно, нет.

Следовательно, по закону я не могу вас подозревать.

— А вы уверены, что я — андроид? Вам сказал об этом Гарланд?

— Да.

— Возможно, он просто соврал. Чтобы посеять между нами взаимное недоверие. Как сейчас. Мы будем болванами, если попадемся на эту удочку и позволим, чтобы его слова нас разъединили. Вы были совершенно правы относительно Любы Люфт, мне нужно бы было держать себя в руках… Но мы ведь все равно должны были ее устранить! в любом случае! Полчаса не делают разницы — это всего лишь полчаса. Она не успела бы даже просмотреть альбом, который вы ей купили. И я продолжаю считать, что сожгли вы его совершенно напрасно. Не могу понять ваших мотивов. Они нерациональны.

— Я бросаю это дело, — сказал Рик.

— И чем займетесь?

— Да чем угодно. Страхованием, например. А может, эмигрирую… Да. — Он кивнул. — Улечу на Марс.

— Но кто-то же должен этим заниматься.

— Тогда пусть используют андроидов. Так будет много лучше. А я не могу, довольно с меня. Она была замечательной певицей. Она была нужна этой планете. Какое-то безумие!

— Всего лишь необходимость. Не забывайте: чтобы бежать, каждый из них убил человека. Если бы я не вывел вас из управления на Миссион-стрит, вы были бы уже мертвы. Этого от меня и хотел Гарланд, для этого вызвал в кабинет. А Полоков? Разве он не пытался прикончить вас? А Люба Люфт? Мы просто защищаемся. Они тайно пробрались на нашу планету, эти нелюди, маскирующиеся под…

— Полицейских, — сказал Рик. — Под агентов по борьбе с андроидами.

— Ладно, валяйте, проверяйте меня. Гарланд мог солгать. Я уверен, что он именно так и поступил. Таких хороших систем ложной памяти не бывает. А как насчет моей белки?

— Да, о белке я забыл.

— Если я — андроид, а вы меня убьете, то белка — ваша. Я напишу соответствующее завещание.

— Анди не имеют права писать завещание. У них не может быть собственности.

— Тогда просто заберите ее.

— Я так и сделаю, — ответил Рик. Лифт наконец достиг первого этажа и остановился. — Оставайтесь с Любой. Я вызову патрульный кар. Необходимо произвести анализ костного мозга.

Он вошел в телефонную кабину, вставил в прорезь монету и

дрожащими пальцами набрал номер. Ожидавшие лифта люди окружили Ресча и тело девушки.

«Она и в самом деле была выдающейся певицей, — сказал сам себе Рик, когда, покончив с разговором, повесил трубку. — Не понимаю. Как такой талант мог быть помехой для нашего общества? Но дело не в таланте — в ней самой. И в Ресче… Он представляет угрозу, уже сам по себе. Точно в такой же мере. Поэтому мне нельзя оставлять его одного…»

Покинув кабинку, он протиснулся к лифту. Кто-то уже накрыл тело девушки пиджаком. Не Ресч. Тот стоял рядом и жадно курил маленькую серую сигару. Подойдя к нему вплотную, Рик тихо произнес:

— Я молю бога, чтобы вы в самом деле оказались андроидом.

— Вы так ненавидите меня? — со спокойным удивлением поинтересовался Ресч. — Но там, на Миссион-стрит, я этого не замечал. Я был занят спасением вашей жизни.

— Тогда я не понимал. А теперь… Вы убили Гарланда, потом — Любу. Но убили не так, как делаю это я. Вы даже не пытались… Проклятье, я понял, в чем дело! — воскликнул он. — Вам же просто нравится убивать! Вам нужен только повод! Если бы у вас был повод, вы бы и меня убили. А я еще удивлялся, почему это вы так ухватились за предположение, что Гарланд — андроид. Это просто давало вам повод убить его! Интересно, что произойдет, если вы не пройдете теста Бонелли? Застрелитесь? Иногда андроиды это практикуют. Хотя такие ситуации довольно редки…

— Не волнуйтесь, я позабочусь о себе сам, — перебил его Ресч. — Вам ничего не придется предпринимать, не считая проведения теста.

Из приземлившегося неподалеку патрульного кара выпрыгнули двое полицейских и решительно проложили себе путь сквозь толпу. Один из них узнал Рика, кивнул в знак приветствия. «Значит, теперь мы можем уйти, — понял Рик внезапно. — Наше дело сделано. Наконец.»

Когда они шли к зданию оперы, на крыше которого остался припаркованный аэрокар Ресча, тот сказал:

— Я отдам лазер. Чтобы вас не беспокоила моя реакция и ваша собственная безопасность.

Рик взял протянутое оружие, взвесил его на ладони.

— Да, но как же вы убьете себя, если не пройдете теста?

— Просто задержу дыхание.

— Боже праведный, — сказал Рик. — Но ведь это невозможно!

— В нервной системе андроидов нет автоматического

прерывателя дыхательного центра, — пояснил Ресч. — Разве вас этому не учили? Я знаю об этом много лет.

— Но умереть таким способом… — запротестовал Рик.

— Это не больно. Что тут такого?

— Это…

Рик пошевелил пальцами, но не смог подобрать нужное слово.

— Не думаю, что мне в самом деле придется прибегать к этому.

Через некоторое время, уже затворив дверцу аэрокара, Ресч нарушил молчание:

— Я бы предпочел именно тест Бонелли.

— Не могу. Не знаю, как считывать показания.

Конечно же, он не мог полагаться на его собственную интерпретацию показаний. Это отпадает.

— Вы скажете мне правду, верно? — спросил Ресч. — Если я действительно андроид, не станете от меня скрывать?

— Конечно, я скажу вам правду.

— Потому что я на самом деле хочу знать… я *должен* знать…

Явно нервничая, он заново раскурил свою сигару и заерзал, устраиваясь поудобнее.

— Вам понравилась картина, которую рассматривала Люба? — спросил Ресч после недолгого молчания. — Мне — не очень. Не люблю реализма. Предпочитаю Пикассо и…

— «Зрелость» датируется 1894 годом, — коротко ответил Рик. — Реализма еще не существовало. Примите этот факт во внимание.

— Но та, вторая, на которой человек кричит, зажав уши, не очень типична для реалистической манеры…

Открыв чемоданчик, Рик достал приборы для теста.

— Тонкая работа, — отметил Ресч, наблюдая за сборкой аппарата.

— Сколько нужно вопросов, прежде чем вы сможете дать точное определение?

— Шесть или семь. — Он протянул Ресчу сетку. — Приложите к щеке. Плотнее… Теперь свет… Луч сфокусирован на вашем зрачке. Не шевелитесь. Старайтесь, чтобы глаз был как можно более неподвижен.

— Флуктуация рефлекса, — определил Ресч. — Но стимул имеет не физическую природу. Это будет вопрос. То, что мы называем реакцией на вздрагивание.

— Думаете, что сможете ею управлять?

— Только не начальной амплитудой. Это вне волевого контроля. Если бы не… — Он замолчал. — Ладно. Начинайте. Я

волнуюсь, поэтому извините мою болтливость…

— Можете говорить, сколько угодно, — сказал Рик.

Голос его прозвучал излишне сухо.

— Если тест покажет, что я — андроид, — пробормотал Ресч, — ваша вера в человечество будет возрождена. Но поскольку этого результата не предполагается, то советую вам сформулировать для себя некий идеологический принцип, внутри которого и мне найдется…

— Первый вопрос, — объявил Рик. Все было готово, стрелки подрагивали. — Главный фактор — время реакции, поэтому старайтесь отвечать максимально быстро.

Испытание началось. А когда оно закончилось, он некоторое время молча смотрел в пустоту. Потом начал разбивать прибор, засовывая принадлежности в чемоданчик.

— Можете ничего не говорить, — произнес Ресч и судорожно передернул плечами. — Отдайте мне лазер.

И протянул руку ладонью вверх.

— Кажется, вы были правы относительно мотивов Гарланда, — признал Рик. — Он действительно хотел посеять между нами вражду.

Он чувствовал сильнейшую усталость — и физическую, и психическую.

— Вы уже сформировали теорию, которая бы объясняла существование меня как части человеческого рода? — поинтересовался Ресч.

— В вашей эмпатической способности ролеобразования должен иметь место дефект. Наш тест его не регистрирует. Я имею в виду ваше отношение к андроидам.

— Естественно, этот параметр не испытывается.

— Возможно, следовало бы его ввести.

Раньше такое Рику никогда не приходило в голову — он не чувствовал никакого сочувствия к убиваемым анди, воспринимая их как совершенные, умные машины. Но Фил Ресч… Инстинктивно Рик понимал, что он прав. Сопереживание относительно искусственной структуры? Которая только делает вид, что живет? Но Люба Люфт казалась живой *на самом* деле.

— Вы понимаете, что может произойти, если мы включим андроидов в свой спектр эмпатической способности, наравне с животными? — тихо спросил Ресч.

— Тогда мы не сможем защищаться.

— Именно. «Узел-6»… они нас раздавят. Между «Узлом-6» и людьми, как барьер, стоим мы, вы и я — агенты по борьбе с андроидами. Благодаря нам разница между анди и людьми остается видимой, четкой. Тем более… — Он умолк, увидев, что

Рик снова открывает чемоданчик. — Я думал, что все уже ясно.

— Я хочу задать вопрос самому себе. И хочу, чтобы вы считали показания. Результат я вычислю сам.

Он приклеил к щеке сетку и настроил карандаш-излучатель.

— Что я должен делать?

— Следить за циферблатами. Временной интервал значения не имеет. Только величина отклонения стрелки.

— Конечно, Рик, — с готовностью сказал Ресч.

— Итак, вопрос. Я спускаюсь в лифте с пойманным андроидом. Кто-то из присутствующих убивает его, без предупреждения.

— Никакой особой реакции, — констатировал Ресч.

— Что показали стрелки?

— Левая — 2,8; правая — 3,3.

— Андроид — женщина, — добавил Рик.

— 4,0 и 6,0 соответственно.

— Довольно высоко, — покачал головой Рик, снимая сеточку и выключая луч. — Налицо эмпатическая реакция. Несколько меньшие показатели дает в среднем каждый испытуемый человек. Исключая самые экстремальные варианты, когда разговор ведется об обивке из детской кожи и так далее.

— И что из этого следует?

— Что я способен сопереживать некоторым андроидам. Так, одному-двум…

«Любе Люфт, например, — подумал он. — Я ошибался. В Ресче нет ничего нечеловеческого. Это моя реакция отклоняется от нормы. Интересно, а еще кто-нибудь из людей испытывает что-либо подобное по отношению к андроидам?

Конечно, на моей работе это может никогда не отразиться. Скорее всего, виновата здесь «Волшебная флейта»… и голос Любы. Вообще ее творчество. С Полоковым и Гарландом все было совсем по-другому. И если бы Ресч оказался андроидом, я убил бы его без всяких угрызений совести, особенно после смерти Любы.

В том лифте, в музее, я спускался с двумя существами, человеком и андроидом, и чувства мои были распределены противоположно ожидаемым. По крайней мере, тем, которые я *должен* бы был испытывать.»

— Ты в беде, Декард, — тихо сказал Ресч.

Казалось, эта мысль его забавляла.

— Что я должен делать? — спросил Рик.

— Секс, — улыбнулся Ресч. — Все дело в этом.

— Секс?

— Конечно. Половая любовь. Потому что оно… она… была привлекательна для тебя, физически привлекательна. С тобой

разве никогда не случалось этого раньше? — Он рассмеялся. — Еще когда я учился, нам говорили, что это — проблема номер один среди агентов по борьбе с анди. Разве ты не в курсе, Декард? У колонистов есть даже любовницы-андроиды.

— Но это запрещено законом!

— Конечно. Но большинство половых извращений запрещены так же, а люди, тем не менее, продолжают этим заниматься.

— А если это не секс? — Если это… любовь?

— Любовь — второе название секса.

— Любовь к родине? К музыке?

— Если это любовь к женщине, то называется она — секс. К женщине или ее андроидной имитации. Проснись, взгляни в лицо действительности! Когда-то и я это испытывал. Когда только начинал охотиться. Не позволяй себе раскиснуть — и все пройдет. Дело в том, что в твоем случае события следовали в неправильном порядке. Ты убил ее, точнее — присутствовал при устранении, а потом почувствовал физическое влечение. Нужно делать наоборот.

Рик пристально посмотрел на него.

— Ты имеешь в виду… сначала лечь с ней в постель, а потом…

— … убить, — коротко отрезал Ресч.

На губах его играла все та же жестокая улыбка.

«Ты хороший охотник на андроидов, Фил Ресч, — подумал вдруг Рик. — И твое отношение к ним — тому доказательство. Ну, а я?»

И внезапно, впервые он начал сомневаться в ответе.

13

Джон Исидор выжимал из своего аэрокара немыслимую скорость. Думами он был уже там, в своем доме.

Не покинула ли она своей квартиры?

Одна, в пустом доме, девушка наверняка смотрит Бастера Дружби, вздрагивая от страха всякий раз, когда в коридоре ей мерещатся чьи-то шаги.

По дороге он останавливался у бакалейного магазинчика, где по ценам черного рынка можно было еще что-то купить, и теперь на сиденье рядом с ним покачивались в так движению машины такие деликатесы, как банка соевого творога, спелые персики, добрый мягкий сыр, зрелый и отвратительно пахнущий. В этот вечер Джон Р. Исидор испытывал непривычное волнение, и машину вел несколько нервно, рывками. Кар, якобы починенный, сотрясался и фыркал. Джон чертыхался.

В кабине волнами распространялся запах персиков и сыра, приятно щекоча обоняние. Все эти редкости, на которые он угрохал Двухнедельную зарплату, занятую вперед у мистера Слоута, дополнялись спрятанной под сиденье (где она не могла разбиться) бутылкой шабли. Это было целое состояние. Исидор держал ее в сейфе, в Банке Америки, не желая продавать, сколько бы не предлагали, на случай, если в его жизни вдруг появится девушка. И, наконец, это произошло.

Замусоренная, мертвая крыша дома подействовала на него как всегда — угнетающе. По пути от кара к лифту он полностью сосредоточился на драгоценном мешке и бутылке, чтобы не споткнуться и не рухнуть в яму экономического краха. Через несколько минут скрипящий и лязгающий лифт доставил его на этаж, где жила теперь новая обитательница дома — Прис Страттон. И еще через несколько секунд он уже стоял перед ее дверью, чувствуя, как вовсю колотится сердце.

— Кто там?

Ясная чистота ее тона сохранилась. Испуганного, острого, как лезвие, тона.

— Говорит Джон Р. Исидор, — уверенным голосом сообщил он, испытывая небывалый подъем после удачного разговора по видфону, который придал ему ощущение собственной значимости. — У меня здесь есть кое-что весьма вкусное и, думаю, мы смогли бы сварганить неплохой обед.

Дверь приоткрылась, совсем чуть-чуть, и из темной прихожей в полумрак холла высунулась голова девушки.

— Ваш голос изменился, — заметила она. — Стал… ну…

взрослее.

— Да, сегодня на работе мне пришлось уладить несколько дел. Обычных. Если бы вы меня в-впустили, я…

— Вы бы мне рассказали о ваших делах.

Тем не менее, она открыла дверь достаточно широко, чтобы он смог войти. И, увидев, что принес гость, не сдержала радостного восклицания. Но почти в тот же миг радость погасла. Лицо отвердело, как засыхающий цементный раствор.

— Что такое? — спросил он, ставя бутылку и пакет на кухне.

— Вы зря потратились, — бесцветным голосом сообщила Прис.

— Почему?

— О-о… — Она пожала плохими и медленно пошла в прихожую, сунув руки в карманы плотной, немного старомодной юбки. — Когда-нибудь я вам скажу… Все равно, это было очень мило с вашей стороны… Теперь я хотела бы, чтобы вы ушли. У меня такое настроение, что никого видеть не хочется…

Подойдя к двери, Прис медленно отворила ее, все больше погружаясь в пучину пустоты и одиночества.

— Я и так знаю, в чем дело, — сказал он.

— Да?

— У вас нет друзей. Сейчас вам гораздо хуже, чем утром, и все потому, что…

— У меня есть друзья. — В голосе ее внезапно проклюнулась твердость. — Или были. Семеро. То есть сначала их было семеро, но охотники уже успели, наверное, поработать. И теперь некоторые из моих друзей — если не все — мертвы. — Она подошла к окну и всмотрелась в темноту. — Может быть, в живых осталась я одна. Поэтому, возможно, вы правы.

— О каких охотниках вы говорите?

— Да, конечно, вы и не должны знать о них… Охотник — профессиональный убийца, ему выдают список тех, кого он должен убить. И платят за каждое убийство тысячу долларов. Обычно он заключает с властями города контракт, поэтому получает еще и жалованье. Но это жалованье маленькое, поэтому ему приходится проявлять активность.

— Вы уверены? — спросил Исидор.

— Да, — кивнула она. — Он не просто проявляет активность. О, *он обожает* это занятие!

— А мне думается, — сказал Исидор, — что вы ошибаетесь.

Он никогда в жизни не слышал ни о чем подобном. Даже Бастер Дружби в своих передачах не говорил об этом.

— ведь это противоречит сострадалистической этике сегодняшнего дня! Всякая жизнь едина. «Человек — не остров» —

говорил в старину Шекспир.

— Джон Донн, — поправила она.

— Я ничего подобного в жизни не слышал! — отмахнулся Исидор. — Разве нельзя вызвать полицию?

— Нельзя.

— И они охотятся за *вами*? Они способны явиться сюда и убить *вас*? — Теперь он понимал испуг девушки, ее поведение. — Немудрено, что вы так боитесь, что вам никого не хочется видеть. Но все это — явное заблуждение!

«У нее, наверное, психоз, — подумал Исидор. — Мания преследования. Возможно, из-за влияния пыли на мозг. Может, она тоже специал?»

— Я прикончу их раньше, чем они успеют причинить вам вред.

— пообещал он.

— Каким образом? — слабо улыбнулась она, показав мелкие, ровные зубы.

— Куплю лицензию на лазерный пистолет. Здесь, в заброшенных районах, ее нетрудно получить. Полиция их не контролирует, и жители сами должны заботиться о своей безопасности.

— А в то время, когда вы на работе?

— Я возьму отпуск за свой счет.

— Очень мило с вашей стороны, Джон Р. Исидор, — поблагодарила Прис. — Но только если охотники покончили с остальными — с Максом Полоковым и Гарландом, с Любой Люфт, Роем, Бейти… если Рой и Ирмгард Бейти мертвы, все это теряет смысл. Они — мои лучшие друзья. Черт подери, почему от них нет вестей, скажите на милость?

Вернувшись на кухню, Исидор снял с полки покрытые пылью стаканы, тарелки, чашки и принялся мыть их в раковине, подождав, пока ржавая вода не сменилась чистой, горячей. Прис села за стол. Он откупорил бутылку, разделил поровну персики, сыр и соевый творог.

— Что это за белая масса? Это не сыр? — показала девушка на творог.

— Это готовят из соевых бобов. Эх, если бы у меня было немного… — Он запнулся и покраснел до корней волос. — Обычно его ели с говяжьим бульоном.

— Андроид, — пробормотала Прис. — Такие оплошности обычно допускает андроид. Именно это его выдает.

Она подошла к Исидору и, к величайшему его удивлению, прижалась к нему на секунду. И тут же рассмеялась.

— Я попробую ломтик персика?

Оранжевый сочный ломтик очень шел ее длинным, тонким пальцам. А съев персик, девушка внезапно разрыдалась горькими слезами, которые капали ей на грудь и на платье. Он не знал, что делать, и рассеянно шарил руками по столу.

— Проклятье! — Яростно вытирая глаза, она принялась мелкими шажками мерить комнату. — Ладно… Понимаете, мы жили на Марсе. Вот почему я все знаю об андроидах…

Голос ее задрожал, но усилием воли она взяла себя в руки.

— И на Земле вы знаете только своих друзей, бывших эмигрантов, — догадался Исидор.

— Мы были знакомы еще до отлета. Жили в поселке недалеко от Нью-Нью-Йорка. Рой и Ирмгард Бейти держали аптеку. Он был фармацевтом, она занималась рекламой косметических средств, всякими кремами и лосьонами. На Марсе люди пользуются косметическими средствами больше, чем на Земле. Я… — Она заколебалась, но продолжала: ей явно было необходимо поделиться с кем-нибудь своими проблемами. — У Роя я доставала всякие лекарства… они были мне необходимы, потому что… во-первых… это было жуткое место. Вы думаете, что я страдаю сейчас от одиночества? Чепуха. Марс — вот одиночество. Гораздо хуже, чем это…

— А разве с вами не было андроидов? Я слышал коммерческую рекламу… — Он сел за стол и принялся есть, она тоже взяла стакан и равнодушно отпила глоток вина. — Я понял так, что андроиды должны помогать вам на Марсе.

— Андроидам, — сказала девушка тихо, — тоже одиноко.

— Вам нравится вино?

Она поставила стакан на стол:

— Превосходное.

— Единственная бутылка за три года.

— Мы вернулись сюда, потому что на Марс соваться нам вообще не стоило, — продолжала Прис. — Он не предназначен для обитания в ближайшие миллиард лет. Он такой *старый*. Это чувствуется даже через камни. Жуткий возраст. Поначалу я брала у Роя наркотики… Жила только благодаря новому обезболивающему средству — силенизину. Потом я встретила Хорста Хартмана, у которого была лавка почтовых марок. На Марсе просто необходимо завести себе хобби, какое-нибудь, чтобы можно было заниматься им без конца. И Хорсту удалось заинтересовать меня беллетристикой доколониального периода.

— В смысле, старыми книжками?

— Да, рассказами о космических полетах, написанных до начала космических полетов.

— Но как могли появиться рассказы о космосе до…

— Писатели, — объяснила Пирс, — просто все выдумывали.

— Основываясь на чем?

— На воображении. И очень часто сильно ошибались. Например, когда изображали Венеру вроде лесного рая, джунглей с огромными чудовищами и женщинами-воинами в металлических нагрудниках, блестящих, как зеркало. — Она посмотрела ему в глаза. — Вам это интересно? Женщины с длинными белыми волосами, с блестящими грудями величиной с дыню?

— Нет, — ответил он.

— Ирмгард — блондинка, — сказала Прис. — Миниатюрная. Так вот, на контрабанде доколониальной беллетристики, книг, журналов, фильмов на Марсе можно было сколотить целое состояние. Нет ничего увлекательнее, чем читать о действительно удавшейся колонизации, воображать, как это все могло бы быть на самом деле. Как должен был бы выглядеть Марс. Каналы…

— Каналы? — Он смутно вспомнил, что где-то читал об этом — в прошлом люди верили в марсианские каналы.

— Да. Каналы, оплетающие всю планету, — сказала Прис. — И существа с других звезд, обладающие бесконечной мудростью. И рассказы о Земле, действие которых происходит в наше время и даже позже. О Земле без радиоактивной пыли.

— Наверное, — подумал слух Исидор, — от таких рассказов должно становиться еще хуже.

— Нет, — коротко ответила Прис.

— А вы ничего такого с собой не привезли?

— Здесь это ни к чему. На Земле интерес к таким рассказам никогда не возникал. Кроме того, здесь их вдоволь в библиотеках. Именно отсюда мы и получали это чтиво — оно выкрадывалось из библиотек и аторакетами запускалось на Марс. Вы ночью выходите в пустыню, и вдруг — вспышка, и вот уже упала ракета, расколовшись, как яйцо, из нее посыпались старинные фантастические журналы… Целое состояние… Но, конечно, прежде чем продать, вы читаете их.

Во входную дверь постучали.

Лицо Прис стало пепельным.

— Я не могу… Не шумите. Не двигайтесь… — Она напряглась, прислушиваясь. — Заперта ли дверь? Боже, ведь я не забыла…

Ее расширившиеся зрачки замерли на Исидоре, словно умоляя превратить мольбу в правду.

Из холла послышался голос:

— Прис, ты здесь? — Голос был мужской. — Это Рой и Ирмгард. Мы получили твою открытку.

Девушка бесшумно встала, вышла в спальню и вернулась, неся карандаш и клочок бумаги. Снова сев за стол, поспешно набросала:

«ПОДОЙДИТЕ К ДВЕРИ!».

«И ЧТО СКАЗАТЬ» — нацарапал в ответ Исидор.

«ПОСМОТРИТЕ. ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ЭТО ОНИ».

Глаза ее стали злыми.

Встав, он с мрачным видом вышел в прихожую. Как ему определить, они это или нет?

В тускло освещенном холле стояли двое. Невысокая женщина, симпатичная, на манер Греты Гарбо, с голубыми глазами и желто-русыми волосами. Мужчина был более плотного сложения и выше ростом, с умным взглядом голубых глаз, но с плоскими монгольскими чертами, что придавало лицу жестокое выражение. Женщина была одета модно — в высокие блестящие сапоги и брюки. На мужчине мешком висела мятая рубашка, брюки его украшали пятна всевозможных форм и явно разного происхождения, что создавало впечатление намеренной небрежности. Он улыбнулся Исидору, но маленькие глазки остались непроницаемыми.

— Мы ищем… — начала было блондинка, потом взгляд ее устремился за спину Исидора, на лице расцвела улыбка, и она ловко протиснулась в промежуток между ним и дверным косяком. — Прис! Как ты?

Исидор обернулся. Женщины обнимались. Он отодвинулся, и в прихожую ступил Рой Бейти, строгий и большой, улыбаясь криво и бесцветно.

14

— Мы можем говорить? — спросил Рой, указывая на стоящего рядом Исидора.

Светящаяся радостью Прис улыбнулась:

— Да, тут все в порядке. До определенной степени. — Потом она взглянула на Исидора. — Извините нас.

Они с Бейти отошли в сторону и некоторое время шептались. Потом, когда Исидор начал чувствовать себя совсем не в своей тарелке, Прис подвела к нему своих друзей.

— Познакомьтесь. Это мистер Исидор. Он заботится обо мне. — В словах ее жалил почти злобный сарказм. Исидор заморгал.

— Он принес мне немного настоящей, натуральной еды. Видите?

— Еды… — повторила Ирмгард и легкими шагами поспешила на кухню. — О, персики!

Улыбнувшись Исидору, она принялась за еду, делая маленькие быстрые глотки, как зверек. Улыбка у нее была не такая, как у Прис, в ней чувствовалась просто теплота, никакого замаскированного второго дна.

Исидор, которому Ирмгард сразу понравилась, пошел следом за ней.

— Вы с Марса?

— Да, мы бросили это дело. — Голос у нее был высокий, какой-то птичий, голубые глаза искрились. — Какой ужасный у вас дом. Здесь больше никто не живет, да? Мы не видели других освещенных окон.

— Я живу наверху, — сказал Исидор.

— О, а я думала, что вы с Прис живете вместе.

В ее тоне не было ничего неодобрительного, и Исидору это понравилось. Тут появилась и сама Прис. Следом за вошел Рой, продолжая демонстрировать свою неприятную улыбку.

— Они прикончили Полокова, — сообщил он сурово.

Радость, родившаяся на лице Прис с приходом друзей, тут же умерла.

— Кого еще?

— Гарланда, Андерса и Гитчела. А уже сегодня — Любу Люфт.

— Рой говорил таким тоном, словно в силу какого-то извращения ему было приятно сообщать подобного рода новости, словно потрясение Прис доставляло ему удовольствие. — Я думал, что Любу им не накрыть. Помните, я всю дорогу говорил об этом?

— Тогда остаемся…

— Остаемся мы трое, — с мрачным предчувствием сказала Ирмгард.

— Вот почему мы здесь.

Голос Бейти неожиданно потеплел. Чем хуже становилась ситуация, тем больше, казалось, она была ему по душе. Исидор совершенно не мог понять его.

— Боже… — прошептала Прис.

— У них есть следователь, охотник, как его называют, — сказала Ирмгард. — По имени Дейв Холден. — Имя сорвалось с ее губ, как капля яда. — Полоков едва не убил его.

— *Едва* не убил, — эхом повторил Рой, улыбка которого теперь расплылась на все лицо.

— Так что теперь Холден в больнице, — продолжала Ирмгард.

— Список они передали другому охотнику, которому удалось устранить Полокова. После этого он отправился за Любой. Нам известно это, потому что она успела связаться с Гарландом, и он послал кого-то, чтобы поймать охотника и привезти в здание на Миссион-стрит. Когда агент и охотник ушли, Люба вызвала нас. Она была уверена, что Гарланд убьет его. Но, видимо, что-то пошло не так. Мы не знаем, что именно. Возможно, никогда не узнаем.

— Мы есть в списке этого охотника?

— Думаю, да, дорогая. Но он не знает, где мы находимся. Что касается нас с Роем, то мы не собираемся возвращаться обратно в свою квартиру — займем одну из брошенных квартир здесь.

— Но благоразумно ли это? — спросил Исидор, набравшись храбрости. — Благоразумно ли всем вам собираться в одном месте?

— Ну, со всеми остальными они уже покончили, — деловито сказала Ирмгард.

Как и муж, она тоже казалась странно отстраненной, несмотря на внешнее возбуждение. «Какие они странные.» — подумал Исидор. Он что-то чувствовал, но был не в силах четко сформулировать, что именно. Словно некая необычная, пагубная *абстрактность* пронизывала их психику и мышление. Кроме Прис. Она была явно и искренне напугана, казалась почти естественной. Но…

— Почему бы тебе не переехать к нему? — спросил Рой, указывая на Исидора. — Он мог бы в какой-то степени защитить тебя.

— Этот недоумок? — фыркнула девушка. — Я не намерена жить с недоумком!

Ноздри ее гневно задрожали.

— Полагаю, в нашем положении просто глупо поддаваться снобизму, Прис, — быстро сказала Ирмгард. — Охотники не теряют времени. Он может попытаться покончить с нами сегодня же вечером. Может быть, за быстроту окончания операции ему положена особая премия…

— Надо закрыть дверь в холл, — заметил Рой.

Он вернулся к двери и одним ударом ладони захлопнул ее. Замок щелкнул.

— Думаю, тебе следует поселиться с мистером Исидором, Прис. И, видимо, Ирм и я должны находиться тут же, в этом здании. Тогда мы сможем помочь друг другу. У меня в каре кое-какое электронное оборудование — так, всякий хлам, который я снял с корабля. Я установлю потайной интерком, так что ты сможешь слышать нас, а мы — тебя. Не помешает и настроить систему сигнализации, которую любой из нас сможет включать и выключать. Совершенно ясно, что синтетические маски-личности не удались даже у Гарланда. Он совершил большую ошибку, взяв этого охотника на Миссион-стрит. Сам сунул голову в петлю. Да и Полоков сплоховал — ему следовало бы держаться от него как можно дальше, а не самому входить в контакт. Мы так поступать не станем. Мы останемся здесь. — В голосе Роя не слышалось никакого беспокойства — ситуация, казалось, рождала в нем почти маниакальную энергию. — Думаю, мы живы до сих пор неспроста. Если бы он знал, где нас искать, то появился бы уже здесь. Основной принцип охоты — действовать как можно скорее. Вот в чем вся их выгода.

— Конечно. Если он промедлит, мы сможем ускользнуть, как уже сделали один раз. Да, Рой абсолютно прав. У него наверняка есть наши имена, но так же наверняка, нет данных о нашем местонахождении. Бедняжка Люба — работать в старой опере, на виду у всех… Ее было совсем нетрудно найти.

— Что ж, — высокопарно заявил Рой. — Она сама этого хотела. Считала, что так будет безопаснее — на виду у всех, в качестве известной певицы.

— Но ты ее предупреждал, — заметила Ирмгард.

— Да. И ее, и Полокова, который надумал выдать себя за агента ВПО. И Гарланду я предрекал, что один из его же собственных охотников его достанет. Скорее всего, так оно и было, — авторитетно произнес он, покачиваясь взад-вперед на своих толстых тяжелых каблуках.

— К-как я понял, мистер Бейти является вашим естественным лидером, — включился в разговор Исидор.

— Он организовал… наше возвращение. С Марса на

Землю, — объяснила Прис.

— О, да, Рой — наш лидер, — подтвердила Ирмгард.

— Т-тогда, — сделал вывод Исидор, — вам следует поступить сообразно его предложениям. — Голос его прервался, не выдержав внутреннего напряжения и надежды ожидания. — Думаю, было бы просто здорово, Прис, если бы ты поселилась у меня. Я мог бы пару дней не ходить на работу — у меня скоро отпуск. Проследил бы, чтобы все было в порядке…

«Возможно. Милт, — подумал он, — который очень изобретателен, смог бы смастерить для меня какое-нибудь оружие, что-то невообразимое, с помощью чего я уничтожил бы охотников… кто бы они ни были». На секунду ему предстало видение: нечто безжалостное, с лазером и отпечатанным на машинке списком жертв, с машиноподобной точностью движется к цели — бюрократическому убийству за зарплату — существо, лишенное эмоций и лица, которое в случае гибели немедленно заменяется другим, точно таким же. И так далее, пока не будут убиты все живые, настоящие…

«Невероятно, невообразимо. И полиция ничего не может сделать. Я не могу в это поверить. ЭТИ ЛЮДИ ЧТО-ТО ДОЛЖНЫ БЫЛИ СОВЕРШИТЬ. Что-то незаконное. Возможно, они эмигрировали на Землю нелегально. Всему населению велено (об этом каждый день говорят по телевизору) сообщать о посадке любого корабля вне государственных взлетно-посадочных площадок. Очевидно, полиция старается препятствовать нелегальной эмиграции.

Но даже если это так, теперь за преступление не наказывают убийством! Это противоречит Сострадализму.»

— Я нравлюсь недоумку, — сказала Прис.

— Не называй его так, — попросила Ирмгард, послав Исидору теплый, сочувствующей взгляд. — Только подумай, *как* он мог бы *тебя* называть.

Прис ничего не ответила. На ее лице появилось загадочное выражение.

— Я начинаю ставить переговорную цепь, — сказал Рой. — Мы с Ирм остаемся в этой квартире. Прис, ты пойдешь с… мистером Исидором.

И направился к двери с удивительной для человека с таким весом быстротой и легкостью. Секунду спустя она с грохотом захлопнулась за ним. У Исидора в этот момент снова случилось видение: металлический корпус, платформа с рычагами, шарнирами, передачами, батареями и электронными контурами. Потом перед ним снова возникла неряшливая фигура Роя Бейти, как изображение на проявляющейся фотографии. Исидор едва

сдержал истерическое желание захохотать. Он был совершенно сбит с толку.

— Человек действия, — произнес откуда-то издалека голос Прис. — Жалко только, что он не умеет обращаться с инструментами и механизмами.

— Если мы и спасемся, — сурово, осуждающе сказала Ирмгард, — то только благодаря Рою.

— Но стоит ли оно того? — спросила Прис, пожав плечами, и кивнула Исидору. — Итак, мистер Джон Исидор, я переезжаю к вам. Можете меня охранять.

— В-всех вас! — немедленно поправил он.

— Я хочу, — сказала тоненьким, торжественным голосом Ирмгард, — чтобы вы знали, как мы ценим вашу помощь. Кажется, вы — первый на Земле человек, которого мы можем назвать другом. От всей души благодарим вас. Быть может, когда-нибудь нам удастся отплатить вам тем же.

Она медленно приблизилась к нему и погладила по руке.

— У вас не осталось доколониальной беллетристики? Мне бы хотелось что-нибудь почитать.

— Простите? — Ирмгард вопросительно посмотрела на Прис.

— Старые журналы, — объяснила девушка.

Она уже собрала кое-какие вещи. Исидор взял у нее из рук узел, чувствуя внутри себя какое-то сияние. Цель была достигнута.

— Нет, мистер Исидор, — покачала головой Прис. — Мы ничего с собой не взяли. По причинам, которые я уже объяснила.

— Завтра я схожу в библиотеку, — пообещал он, выходя в холл. — Д-достану несколько журналов, чтобы вы могли читать, а не просто сидеть и ждать.

И повел девушку вверх по лестнице в свою квартиру — темную, душную, какую-то приторно теплую. Относя ее вещи в спальню, он одновременно включил свет и телевизор с его единственным принимаемым каналом.

— Мне нравится, — сказала Прис, но все тем же отстраненным тоном, что и раньше.

Она прошлась по комнате, сунув руки в карманы юбки. На лице ее застыло кислое выражение, чуть ли не отвращение. В совершенном противоречии со сказанным.

— Что случилось? — спросил он, выкладывая ее вещи на кровать.

— Ничего.

Она остановилась у окна-картины, отодвинула занавеску и мрачно уставилась на изображение.

— Если вы считаете, что они выслеживают вас… — начал

Исидор, но она махнула рукой.

— Все это грезы, вызванные наркотиками, которые дал мне Рой.

— П-простите?

— Вы в самом деле думаете, что эти охотники существуют?

— Но мистер Бейти сказал, что они убили ваших друзей!

— Мистер Бейти — такой же ненормальный, как и я, — сказала Прис. И все наше путешествие заключалось в побеге из психбольницы на Восточном побережье. Мы — шизофреники, с дефектами эмоциональности… сглаживание аффекта — так это называется. У нас бывают групповые галлюцинации…

— Мне кажется, что это неправда, — произнес он облегченно.

— Почему?

Прис резко обернулась и пристально посмотрела на него, так пристально, что он вспыхнул.

— П-потому что… то, что вы сказали… так не бывает! Правительство никогда никого не убивает. И Сострадализм…

— Видите ли, если вы не человек — это совсем другое дело…

— Неправда. Даже животные… даже угри, суслики, змеи, пауки., даже они священны.

— Значит, неправда? — переспросила Прис, не отрывая от его лица напряженного взгляда. — Даже животное священно, да? Все органическое, что ползает, прыгает, роет норы, откладывает яйца или…

И замолчала, потому что появился Рой Бейти, с шумом волоча за собой провода.

— Насекомые, — заявил он, не выказывая никакого смущения из-за того, что невольно подслушал их разговор, — это в особенности святая святых.

Потом, сняв со стены картину, прикрепил к гвоздю небольшое устройство, отступил на шаг, оценивая результат, и повесил картину на место.

— Так, теперь сигнализацию… — Собрав провода, он подсоединил их к сложному устройству, продолжая улыбаться неприятной, диссонирующей улыбкой. — Это сигнализация. Провода идут под ковром. Они выполняют роль антенны. Она улавливает присутствие некоего… некоего ментального единства, отличного от каждого из нас четверых.

Объяснение показалось Исидору довольно туманным.

— Ну, зазвенит звонок, — сказала Прис. — И что тогда? Напасть и закусать его досмерти мы не сможем. У него пистолет.

— Это устройство, — продолжал Рой, — имеет вмонтированный излучатель Пенфилда. Когда сигнализация приводится в действие, он излучает волну паники в направлении

нападающего… Если только тот не будет действовать слишком быстро, что вероятно… Паника чрезвычайная. Никакой человек не выдержит вблизи излучателя и одной секунды. Такова природа паники — она вызывает желание бежать прочь без оглядки, вызывает мускульные и нервные спазмы. Что даст нам возможность прикончить его. В зависимости от того, конечно, насколько он ловок.

— А на нас излучение не подействует? — спросил Исидор.

— Действительно, — сказала Прис. — Оно должно на него подействовать.

— Ну и что? — Рой снова занялся проводами. — Оба убегут отсюда, пораженные паникой. И у нас появится время среагировать. Исидора они убивать не станут — его нет в списке. Он полезен, как прикрытие.

— Ты ничего лучше придумать не можешь, Рой? — резко спросила девушка.

— Нет, — ответил он. — Не могу.

— Завтра я с-смогу достать оружие, — проговорил Исидор.

— А ты уверен, что присутствие Исидора не заставит сигнализацию сработать? — спросила Прис. — Ведь он…

— Я ввел компенсацию на его цефалическое излучение, — объяснил Рой. — Якобы вывести систему из равновесия, необходимо появление еще одного человека. Человека…

Он вдруг нахмурился и бросил косой взгляд на Исидора, сознавая, что только что проговорился.

— Вы — андроиды, — сказал Исидор.

Но это было ему все равно. То есть совершенно безразлично.

— Я понимаю, почему они хотят убить вас. Вы ведь на самом деле неживые.

Теперь все было понятно. Все эти охотники, убийства, перелет на Землю, предосторожности — все сходилось.

— Наверное, я совершил ошибку… — начал Рой, но Исидор перебил его.

— Совершенно верно. Но какая, собственно, разница? То есть, я ведь специал, со мной тоже не очень хорошо обращаются. Например, я не могу эмигрировать. — Он почувствовал, что его несет. — Вы не можете вернуться на Землю, я не могу…

В комнате повисла \ишина.

— На Марсе вам бы не понравилось, — лаконично сказал Бейти через несколько секунд. — Вы ничего не потеряли.

— А интересно, как, быстро ты догадался? — спросила Прис у Исидора. — Мы не такие, как люди, да?

— На этом, видимо, как раз и споткнулись Полоков и Гарланд, — сказал Рой. — Они были так чертовски уверены, что

смогут выдать себя за людей. И Люба тоже.

— Вы интеллектуальны, — попытался объяснить Исидор снова ощущая оодъем и гордость при мысли, что все понимает. — Вы размышляете абстрактно, не… — Он пошевелил пальцами, не в силах распутать слова, которые опять вдруг начали цепляться друг за друга, — если — бы у меня был такой же коэффициент умственного развития… я тогда прошел бы тест и не считался бы недоумком. Мне кажется, что вы выше меня. И я мог бы многому у вас научиться.

— Мне нужно закончить настройку сигнализации, — сказал после паузы Рой и возобновил работу.

— Он еще не понимает, — резко заметила Прис. В тоне ее слышалась какая-то ломкость, но слова показались громом в пустоте комнаты. — Он не понимает, каким образом мы бежали с Марса. Не понимает, *что* мы для этого сделали.

— Чего мы не могли не сделать, — не то вздохнул, не то простонал Рой.

В проеме открытой двери появилась Ирмгард.

— Думаю, нам не стоит сомневаться относительно мистера Исидора, — искренне сказала она, быстро подошла и заглянула ему в глаза. — С ним они тоже не очень хорошо обращались, как он сам признался. Его не интересует то, что мы совершили на Марсе. Он уже знает нас, мы ему нравимся, и такое эмоциональное приятие — самое важное для него. Нам это трудно понять, но это так. Вы могли бы заработать много денег, мистер Исидор, если бы выдали нас. Вы понимаете это? — Потом Ирмгард повернулась к мужу. — Видишь, он понимает. Но все равно ничего не скажет.

— Вы — выдающийся человек, Исидор, — произнесла дрогнувшим голосом Прис. — Вы делаете честь всей вашей расе.

— Если бы он был андроидом, — заметил Рой, — то донес бы на нас уже завтра утром. Отправился бы на работу — и все, с нами покончено. Я просто не нахожу слов, чтобы выразить свое восхищение. — Тон его невозможно было расшифровать, во всяком случае, Исидор не был не это способен. — И мы воображали, что в этом мире у нас не найдется друга, что это будет целиком враждебная планета?

Он засмеялся странным смехом, похожим на лай.

— Я совершенно спокойна, — сказала Ирмгард.

— Твоей душе следовало бы поискать уголок где-нибудь в пятках.

— улыбнулся Рой.

— Давайте голосовать, — предложила Прис. — Как на корабле, когда возникали разногласия.

— Что ж, — сказала Ирмгард. — Думаю, нам не найти другого человека, который согласился бы нам помогать Мистер Исидор…

Она умолкла, подбирая слово.

— …специальный случай, — подсказала Прис.

15

Голосование прошло в церемонной, торжественной обстановке.

— Хочу остаться здесь, — констатировала Ирмгард, — в этой квартире, в этом здании.

— А я считаю, что нам следует, устранив мистера Исидора, поискать другое убежище.

Слова Роя прозвучали, как выстрел. Все трое, включая Исидора, повернулись к Прис.

— Пожалуй, нам следует остаться, — приглушенным голосом сказала девушка. — Думаю, ценность помощи мистера Исидора перевешивает опасность, которую он представляет для нас теперь, когда знает, кто мы такие. Нам явно не стоит жить среди людей. Это погубило Полокова, Гарланда, Любу, Андерса.

— А может, они сделали то же, что делаем сейчас мы? — подумал вслух Рой. — Доверились какому-то человеческому существу, которое, как им казалось, отличалось от остальных. Было, как вы это назвали, специальным случаем.

— Мы можем только предполагать, — возразила Ирмгард. — Думаю, причина была в другом… — Она помахала рукой. — Они не старались держаться подальше от чужих глаз. Люба пела на сцене. Мы слишком доверяемся… Я скажу тебе, Рой, чему мы напрасно доверяемся! Вере в высший разум, черт бы его побрал!

— Она гневно смотрела на мужа, ее маленькие высокие груди быстро поднимались и опускались. — Мы все такие *умные*.

— Кажется, Ирм права, — согласилась Прис.

— И, таким образом, мы должны доверить свои жизни подстандартному, деградирующему… — начал Рой, но сразу сдался. — Устал, — сказал он просто. — Трудный это был путь, Исидор, и долгий. А здесь мы совсем недавно. К сожалению.

— Надеюсь, — радостно сказал Исидор, — я смогу хотя бы частично сделать ваше пребывание на Земле приятным.

Он был уверен, что сможет. Происходящее казалось ему настоящей кульминацией всей его жизни. И еще Исидор ощущал в себе пульсацию какой-то новой энергии, вызывающей уважение окружающих, которое он почувствовал сегодня на работе, разговаривая по видфону.

Когда официальный рабочий день закончился, Рик Декард полетел через весь город в район зоомагазинов. Крупные магазины, торгующие настоящими животными, занимали своими зеркальными витринами и манящими вывесками несколько кварталов. Непривычная, ужасная депрессия, поразившая Рика

несколько часов назад, еще не прошла. И посещение зоомагазинов казалось единственным светлым пятнышком в окружающем сером тумане — уязвимым местом депрессии, с помощью которого он мог бы изгнать ее из сознания. Во всяком случае, на него всегда возбуждающе действовал запах животных и крупных сделок. Возможно, он добьется такого эффекта и на этот раз.

— Слушаю вас, сэр, — приветствовал его молодой продавец, пока он с несколько простоватым, робким видом осматривал потрясающие витрины. — Подобрали что-нибудь?

— мне много чего подходит, — сказал Рик. — Волнует только цена.

— Вы только скажите мне, сэр, какого уровня покупку собираетесь сделать, и я вам помогу. Потом мы свяжемся с главным продавцом и получим его «добро».

— У меня три тысячи наличными, — сказал Рик — в конце дня ему выплатили премию. — Сколько стоит эта семья кроликов?

— Сэр, если у вас три тысячи наличными, вы могли бы стать владельцем чего-либо более существенного, чем кролики. Как насчет козлика?

— Никогда не питал к ним особого интереса.

— Простите, могу ли я знать, является ли сделка такого уровня обычной для вас?

— Не сказал бы. Обычно я не хожу с тремя тысячами в кармане.

— Так я и подумал, когда вы спросили о кроликах. Дело в том, сэр, что кролики очень распространены. Мне хотелось бы перевести вас в более высокий класс владельцев козлов, где, как мне кажется, ваше настоящее место. Честное слово, для меня — вы настоящий владелец настоящего козла!

— А в чем заключается преимущество козлов?

— Явное преимущество в том, что козла можно научить бодать любого, кто попытается его украсть.

— Но только не в том случае, если в него выстрелят гипнодротиком, а потом поднимут на канате в парящий аэрокар.

— Козел лоялен к своему хозяину, — невозмутимо продолжал продавец. — Это свободная, естественная душа, которую не в силах сковать никакие клетки. И еще одна деталь. Очень часто, вложив в покупку все средства и отвезя ее домой, вы вскоре обнаруживаете, что животное съело какую-нибудь радиоактивную дрянь и умерло. Козлу же не страшна зараженная субпища, он способен употреблять без опасности для здоровья субстанции, которые свалили бы с ног корову, лошадь или, в

особенности, кота. Как долгосрочное помещение денег, козлы, а в особенности козы, как убеждает нас опыт, имеют особые преимущества для любого серьезного животновладельца.

— А это коза?

Рик заметил большое черное животное, стоящее в центре клетки и направился к нему, сопровождаемый продавцом. Животное показалось ему замечательно красивым.

— Да. Самка. Черная нубийская порода. Отличный образец для рынка этого года, сэр. И предлагаем мы ее по замечательно низкой, очень низкой цене.

Вытащив свой потертый каталог, Рик сверил цену на черную нубийскую породу.

— Целиком наличными? — спросил продавец. — Или часть платы внесете использованным животным?

— Наличными.

Продавец нацарапал цену на листочке бумаги и быстро, почти украдкой, показал Рику.

— Слишком много, — отрезал тот и, взяв листок, написал более скромную цифру.

— Мы не можем отдать козу за такую цену, — запротестовал продавец и начертил новую цифру. — Ей нет и года, сэр, у нее очень высокая ожидаемая продолжительность жизни.

Рик глянул на бумажку.

— Идет.

Потом подписал контракт на рассрочку, заплатил три тысячи в виде первого взноса — всю премию за отправку на покой анди, и вскоре стоял рядом с аэрокаром, наблюдая за погрузкой покупки.

«Я владею настоящим животным. Живым животным, а не электрической фальшивкой! Второй раз в жизни!»

Цена и долговое рабство контракта пугали его. Он чувствовал, что мелко дрожит.

«Но я должен был это сделать, должен был вернуть себе веру в собственные силы после столкновения с Ресчем! Иначе я не смог бы дальше работать охотником».

Некоторое время спустя, Рик направил аэрокар в небо, к дому и к Иран. Сейчас именно жена занимала его мысли. Она наверняка рассердится. Потому что ее будет беспокоить ответственность. Ей, которая целый день находится дома, придется ухаживать за животным.

Посадив кар на крышу дома, Рик еще некоторое время сидел неподвижно, сочиняя в уме живописную версию.

«Этого требует работа, — пытался он убедить себя. — Престиж. Невозможно было продолжать жить с электроовцой. Это

меня морально угнетало…»

Вероятно, такой вариант удовлетворит Иран.

Выбравшись из кара, он вытащил наружу клетку и с пыхтением установил ее на крыше. Коза, всю дорогу скользившая копытцами по днищу клетки, проницательно взглянула на Рика яркими большими глазами, но не издала ни звука.

Несколько минут спустя Рик уже шагал знакомым коридором к своей двери.

— Привет, — сказала Иран, занятая на кухне приготовлением обеда. — Ты так поздно сегодня.

— Поднимись на крышу, — пригласил он. — Я тебе кое-что покажу.

— ТЫ КУПИЛ НАСТОЯЩЕЕ ЖИВОТНОЕ!

Она стянула фартук, машинально пригладила волосы и пошла за Риком к лифту широкими, нетерпеливыми шагами.

— И все-таки не нужно было покупать без меня, — выдохнула Иран, пока они ждали лифта. — Я тоже имею право участвовать в принятии решения, тем более что речь идет о самом важном приобретении, которое мы когда-либо…

— Я хотел сделать тебе сюрприз, — сказал он.

— Видимо, сегодня ты заработал неплохую премию, обвиняющим тоном заметила она.

— Да. Я устранил трех анди.

Подошел лифт. Они вошли в кабину.

— Мне необходимо было это сделать. Что-то сегодня со мной произошло. Если бы я не купил животное, то не смог бы больше работать охотником.

Лифт остановился. Рик вывел жену в вечерние сумерки, подвел к клетке и цключил лампы в отражающих светильниках.

— Боже мой!

Иран застыла на некоторое время, затем обошла клетку кругом, рассматривая козу со всех сторон.

— Она в самом деле настоящая? Не электрическая?

Голос ее дрогнул.

— Абсолютно настоящая, — с гордостью ответил Рик. — Если только меня не надули… Впрочем, такое случается очень редко — штраф за подделку достигает астрономической величины — две с половиной рыночных цены настоящего животного. Нет, меня не надули.

— Коза, — потрясенно сказала Иран. — Черная нубийская порода.

— Точно, — подтвердил Рик. — Возможно, в будущем нам удастся свести ее с самцом. Ты понимаешь? У нас будет молоко, из него можно делать сыр!

— А выпустить ее можно? Где она будет жить? С овцой.

— Сначала нужно ее привязать. По крайней мере, на первые несколько дней.

— «Жизнь моя — любовь и наслаждения», — сказала вдруг Иран странно сдавленным голосом. — Старая-старая песня Иоганна Штрауса, помнишь? Когда мы в первый раз встретились…

— Она тихо положила руку на его плечо, прижалась и поцеловала. — Много любви. И очень много наслаждений…

— Спасибо, — прошептал он, обнимая ее.

— Давай, побежим скорее вниз и поблагодарим Сострадального. Потом вернемся сюда, наверх, и дадим ей имя. Ей необходимо иметь имя. К тому же, ты найдешь веревку, чтобы привязать ее.

Билл Барбур, стоящий рядом со своей лошадью, окликнул Рика, когда они уже подходили к лифту.

— Эй, мистер Декард, у вас отличная коза. Поздравляю. Добрый вечер, мисс Декард. Возможно, у вас появятся козлята. Я обменял бы одного жеребенка на пару козлят.

— Подумаем, — ответил ему Рик, догоняя жену уже у двери лифта. — Ну, как твоя депрессия? Моя — почти вылечена.

— Моя тоже. Теперь мы можем не скрывать, что наша овца — подделка.

— Какая в этом нужда? — спросил он осторожно.

— Но теперь *все равно,* неужели ты не понимаешь?

— настаивала Иран. — Ведь теперь нам нечего скрывать — у нас есть то, чего мы всегда хотели. Настоящее животное! Это просто как во сне!

Она поднялась на цыпочки, чтобы еще раз поцеловать его, и ее нервное, возбужденное дыхание защекотало ему шею. Потом, отстранившись, Иран ткнула кнопку лифта.

Что-то внутри Рика тревожно сжалось, что-то заставило его тронуть жену за плечо.

— Давай не будем спускаться. Посидим еще наверху. Просто будем сидеть и смотреть на козу. Дадим ей поесть. Для начала мне дали в магазине мешок овса. Кроме того, можно было бы изучить руководство по уходу, которое мне дали бесплатно. Кажется, я даже имя ей уже придумал. Давай назовем ее Эуфемиеей!

Тем не менее, уже пришел лифт, и Иран шагнула в кабину.

— Погоди, — позвал он.

— Было бы просто аморально, — произнесла она строго, — не слиться в благодарность с Сострадальным. Я уже подключалась сегодня к генератору, и это облегчило немного

мою депрессию. Чуть-чуть не так как твоя покупка. Но все равно, в меня каким-то образом попал камень. — Он глянул на ее запястье и увидел маленький синяк. — Я постоянно думала о том, насколько нам лучше, когда с нами Сострадальный, насколько хуже было бы без него. Несмотря на боль. Да, мы испытываем физическую боль, но духом сливаемся с Сострадальным. Я чувствовала присутствие всех — всего мира… — Рукой Иран придерживала двери лифта, не давая им сомкнуться. — Идем, Рик. Это лишь минута. Ты ведь почти никогда не участвуешь в слиянии. Я хочу, чтобы ты передал свое чудесное настроение всем остальным. Оставлять все себе было бы аморально.

Конечно, она была права. И он вошел.

В гостиной Иран сразу подошла к генератору и щелкнула выключателем. Лицо ее светилось радостью.

— Мне хочется, чтобы они все знали… Со мной однажды уже так было — я вошла в слияние и поймала мысли какого-то человека, только что купившего животное. А в другой раз… — Она нахмурилась. — Однажды я приняла эмоции человека, у которого животное умерло. Но мы все сочувствовали ему, делили с ним наши радости, хотя у меня, честно говоря, их было немного, и это ободрило его. Слияние может предотвратить даже потенциальное самоубийство. То, что мы испытываем…

— Они получат нашу радость, — сказал Рик. — Но мы ее потеряем! Обменяем свои чувства на чувства других, и наша радость исчезнет.

На экране генератора проносились бесформенные цветные пятна. Затаив дыхание, Иран крепко сжала рукоятки.

— Нет. Ты не прав. Мы не потеряем того, что чувствуем, если будем ясно удерживать это ощущение в себе. У тебя на самом деле нет навыка слияния, Рик?

— Кажется, нет.

Он впервые задумался, какое значение имеет Состраданизм для таких людей, как Иран. Возможно, общение с Филом Ресчем, их совместная охота привели к трансформации какого-то незначительного синапса в его мозгу, переключению нейронного тумблера. И, возможно, началась цепная реакция изменений.

— Иран, — настойчиво сказал он, оттаскивая жену от генератора, — послушай! Я хочу рассказать о том, что произошло со мной сегодня. — Она покорно села на кушетку. — Я познакомился с другим охотником, которого раньше не встречал и о котором даже не слышал. С хищной природой. Понимаешь, ему нравится уничтожать андроидов… И вот в первый раз, после этой охоты, я взглянул на них по-новому. То есть… я и раньше относился к ним так же, как и он… только…

— С этим нельзя обождать? — нетерпеливо спросила Иран.

— Я выбрал один из вопросов теста и провел опыт, — продолжал Рик. — Все сошлось. Я действительно начал сопереживать андроиду. Ты сказала сегодня утром: «бедные анди». Поэтому должна понять, о чем я говорю. Поэтому я и купил козу. Потому что никогда ничего подобного не чувствовал. Возможно, это было что-то вроде депрессии, которая бывает у тебя. Теперь мне понятно, как ты страдаешь. Я всегда был уверен, что тебе депрессия нравится, что ты могла бы вырваться из нее, если бы захотела, если не сама, то с помощью стимулятора Пенфилда. Но дело в том — и я это понял, что в таком состоянии тебе уже все равно. Появляется апатия, потому что теряется чувство цены. Ничто не стоит ничего. И поэтому не стоит снова чувствовать себя лучше, поскольку смысл этого ощущения утерян…

— А как же с работой? — Резкие слова жены хлестнули Рика, как плеть. Он замигал. — С работой, — повторила она. — Сколько мы должны вносить в месяц за козу? — Он машинально вынул контракт зоомагазина и положил ей в протянутую руку. — Ого! А проценты… боже, одни только проценты! И ты сделал это, потому что ощущал депрессию? А совсем не потому, что хотел сделать мне сюрприз, как уверял сначала! — Она вернула ему документ. — Что ж, неважно. Все рано я очень рада, что ты купил козу. Я уже люблю ее. Но это такое бремя забот!

— Я могу перейти в другой отдел, — сказал Рик. — В департаменте десять или одиннадцать отделов. Например, похищения животных. Я мог бы заняться этим. Меня бы перебросили.

А премии? Ведь они нам необходимы — иначе магазин заберет козу!

— Я перепишу контракт с тринадцати месяцев на сорок восемь. — Он извлек из кардана шариковую ручку и набросал на оборотной стороне контракта ряд цифр. — Это получится на пятьдесят центов меньше каждый месяц.

В наступившей тишине громом прозвучал звонок видфона.

— Если бы мы остались на крыше, с козой, то не услышали бы его, — пожалел Рик.

Иран, подойдя к видфону, криво улыбнулась.

— Чего ты испугался? Они пока что не собираются отнимать нашу козу.

И протянула руку к трубке.

— Это из департамента, — сказал он. — Скажи, что меня нет дома.

И медленно побрел в спальню.

«Еще три андроида, — подумал Рик. — Три андроида, которых мне следовало выслеживать сегодня, вместо того чтобы болтаться по магазинам.»

На экране появился Гарри Брайант. Прятаться было поздно. На негнущихся ногах Рик вернулся к вид фону.

— Да, есть, — сказала Иран. — Мы купили козу. Заходите к нам, мистер Брайант, посмотрите ее. — Пауза. Затем она протянула трубку Рику. — Он что-то хочет тебе сказать.

И, воспользовавшись ситуацией, быстро подошла к генератору. Слияние поглотило ее почти мгновенно. Рик, стоя с трубкой в руке, ясно чувствовал ее психическое отсутствие в гостиной. Сознавал собственное одиночество.

— Алло, — сказал он наконец в трубку.

— Мы сели «на хвост» двух оставшихся андроидов, — сообщил Брайант. Он звонил из кабинета — Рик видел хорошо знакомый стол, заваленный бумагами. — Они явно встревожены. Покинули квартиру по старому адресу, который указал Дейв, и теперь их можно найти… минутку…

Пока Брайант перебирал бумаги на столе, Рик машинально нащупал ручку, разгладил на колене контракт на покупку козы и приготовился писать.

— Жилой блок 3967-Ц, — сообщил наконец инспектор. — Отправляйтесь туда как можно скорее. Мы предполагали, что они узнали о тех, кого вы уже устранили — Гарланде, Полокове, Любе Люфт. И пошли на незаконное бегство.

— Незаконное, — повторил Рик. — Чтобы спасти свою жизнь.

— Иран сказала, что вы купили козу. Сегодня? После того, как ты уехал из управления?

— Да, по дороге домой.

— Когда покончишь с оставшимися андроидами, я приеду посмотреть на твою покупку… Кстати, я только что говорил с Дейвом. Он поздравляет тебя и советует удвоить осторожность. «Узел-6» через чур уж сообразителен. Ему вообще с трудом верится, что ты отправил на покой троих за один день.

— Этого достаточно, — сказал Рик. — Больше я не могу. Мне нужно отдохнуть.

— Но завтра их уже не будет здесь, — настаивал Брайант. — Они окажутся вне зоны нашей юрисдикции…

— Не думаю. Они все еще будут поблизости.

— И все-таки ты поедешь туда сегодня, — приказным тоном сказал инспектор. — Они не ждут, что ты так быстро среагируешь.

— Наоборот, — возразил Рик. — Именно сегодня они будут меня ждать.

— Поджилки трясутся? Из-за Полокова, который…

— Ничего у меня не трясется, — сердито отрезал Рик. — Черт с вами, поеду.

— Держи со мной связь. Я буду в кабинете.

— Если у меня все пройдет гладко, я куплю овцу.

— У тебя ведь есть овца. Все время, что я тебя знаю, ты держал овцу.

— Она электрическая, — сказал Рик и повесил трубку.

«Но на этот раз овца будет настоящая. Она мне необходима. Для компенсации».

Иран с восхищенно отсутствующим лицом скорчилась у ящика генератора эмпатии. Некоторое время Рик стоял рядом, положив руку ей на грудь, чувствуя, как она поднимается и опадает в такт приливу и отливу жизни внутри, в такт колебаниям жизненной активности. Жена не заметила его — она, как всегда, была полностью поглощена слиянием со Сострадальным.

На экране по склону горы карабкался старик в балахоне — знакомая до мелочей картина. Мимо пролетел обломок камня. Гладя на упрямо ползущую вверх фигуру, Рик подумал, что его собственное положение много хуже, чем положение Сострадального. Да, он страдает, но, по крайней мере, лишен необходимости насиловать собственную сущность.

Нагнувшись, Рик осторожно разжал пальцы жены, и сам взялся за рукоятки генератора — первый раз за несколько недель. Это было сделано под воздействием внезапного импульса, всего мгновение тому назад он и не думал так поступать. Все произошло внезапно и неожиданно для него самого.

…Он увидел глаза. Усталые, полные боли глаза. И еще в них светилась жалость.

— Сострадальный, — сказал Рик.

— Я — друг твой, — произнес старик. — Но ты продолжай путь, как если бы меня не было. Таков твой долг. Ты меня понимаешь?

И развел пустые ладони.

— Нет, сказал Рик. — Не понимаю. Мне нужна помощь.

— Но как я спасу тебя, — спросил старик, — если не в состоянии спасти себя самого? — Он улыбнулся. — Разве ты не сидишь? ЭТО НЕ ВОСКРЕСЕНИЕ. СПАСЕНИЯ НЕТ.

— Тогда зачем все это? — со злобой спросил Рик. — Зачем нужен ты сам?

— Чтобы показать тебе, что ты не одинок. Я с тобой, и всегда буду с тобой. Продолжай исполнять свой долг, хотя ты и знаешь, что поступаешь плохо.

— Но почему? Почему я должен его исполнять? Лучше я брошу работу и эмигрирую.

— Потому что, куда бы ты не поехал, от тебя везде потребуют поступать плохо, — сказал старик. — Таково фундаментальное условие жизни — насиловать собственную сущность. В какой-то момент любому живому существу приходится так поступать. Это неизбежная наша тень, брак эксперимента творения. Проклятье, на него наложенное, проклятье, питающее всякую жизнь. Во всей Вселенной…

— И это все, что ты можешь мне сказать? — спросил Рик.

Здесь не бывало дождя, и цветы сорняков пахли, как пыль. Вилбур Сострадальный молча смотрел на него. Вдруг мимо просвистел камень. Рик быстро присел, и тут же второй камень угодил ему в ухо. Он инстинктивно разжал руки…

…и оказался в собственной гостиной, рядом с коробкой генератора и внимательно смотрящей на него женой.

Голова жутко гудела — удар был достаточно сильным. Потрогав щеку рукой, Рик обнаружил, что по ней течет струйка крови.

Иран прижала к его ухе носовой платок.

— Наверное, мне нужно поблагодарить тебя за свое освобождение. Не выношу, когда в меня попадают камни. Спасибо, что ты принял удар на себя.

— Мне нужно идти.

— Работа?

— Целых три.

Он взял у нее носовой платок и побрел к двери. Голова еще кружилась, к горлу подкатывали волны тошноты.

— Удачи, — пожелала Иран.

— Ничего мне этот черный ящик не дал, — сказал Рик. — Сострадальный знает не больше моего. Это просто старик, взбирающийся в гору, к своей смерти.

— Но разве это — не откровение?

— Это откровение со мной уже имело место, — сообщил он сердито и закрыл за собой дверь.

«Так. Жилой блок 3967-Ц. Это в пригороде. Практически покинутый район. Там легко прятаться, не считая света в окнах ночью. На это я и буду ориентироваться. На огни. Как бабочка «мертвая голова». Эти трое будут последними. Сострадальный был прав. Нужно исполнять долг.

Но смогу ли я? Сразу трое — это уже не вопрос морали, это практический опрос.

Вероятно, *не смогу*. Даже если очень постараюсь. Я слишком устал, слишком много всего произошло в этот день. Наверное,

Сострадальный об этом знал и предвидел все, что должно произойти.

Но я знаю, где найти помощь. Мне ее уже однажды предлагали, но я ее тогда отклонил.»

Он вышел из лифта на крышу и минуту спустя сидел в темноте кабины аэрокара, набирая номер на диске видфона.

— Компания «Розен Ассоусиэйшн», — ответила дежурная секретарша.

— Рэйчел Розен, — сказал он.

— Простите?

— Дайте мне Рэйчел Розен, — проскрежетал Рик.

— Если мисс Розен ждет, сэр…

— Я уверен.

И начал ждать.

Ожидание длилось вечность. Наконец, на видэкране появилось миниатюрное смуглое личико Рэйчел.

— О, здравствуйте, мистер Декард.

— Вы не заняты? Мы можем поговорить? Вы сегодня предлагали…

Внезапно ему показалось, что это было не сегодня, а многие эпохи тому назад. Многие поколения родились и обратились в прах с тех пор, как он последний раз говорил с Рэйчел. И вся тяжесть этого времени нависла над его телом. Он каждой клеточкой чувствовал эту тяжесть. Последствия удара, наверное.

— У вас ухо порезано, — сказала Рэйчел. — Я вам сочувствую.

Рик прижал платок ко все еще кровоточащей ране.

— Вы действительно были уверены, что я вас вызову? — поинтересовался он.

— Да. Я же говорила вам, что без моей помощи один из бежавших андроидов прикончит вас раньше…

— Вы ошиблись.

— Но, как бы там ни было, вы со мной связались. Хотите, чтобы я прилетела в Сан-Франциско?

— Да.

— Когда?

— Сегодня.

— О, нет. Слишком поздно. Лететь целый час. Я буду завтра.

— Мне было велено покончить со всеми сегодня, — тусклым голосом сообщил Рик. — Да, забыл вам сказать — из восьмерки осталось трое.

— Судя по вашему тону, вам сегодня здорово досталось.

— Если вы не прилетите сегодня вечером, — устало произнес он, — я отправлюсь искать их один. И мне с ними не справиться.

Я буквально только что купил козу. На те деньги, что получил за устранение первых трех анди.

— Эх, вы, гомо, — улыбнулась Рэйчел. — Козлы воняют.

— Только самцы. Об этом сказано в руководстве, которое мне дали в магазине.

— Вы в самом деле неважно выглядите. У вас голова не кружится? Вы уверены, что сознаете, на что идете, пытаясь отправить на покой еще трех андроидов типа «Узел-6»? Никому пока не удавалось устранить даже трех анди за один день.

— Франклин Пауэре, — сказал Рик, — прикончил семерых. Примерно год назад.

— Но это были устаревшие модели типа «Макмиллан У-4», — напомнила Рэйчел. — А это совсем другое дело. — Она задумалась. — О, Рик, я не могу. Я еще даже не ужинала.

— Но ты мне необходима!

«Иначе я погибну, — подумал он. — Я знаю, и Сострадальный знал… И ты это знаешь. Я зря трачу время, упрашивая тебя. Нет смысла обращаться за сочувствием к андроиду. Ему нечем сочувствовать, у него нет такого органа».

— Извини, Рик. Но сегодня это невозможно. Завтра.

— Месть андроида, — сказал он, как бы про себя.

— Что?

— Потому что я раскусил вас во время теста.

— Вы так думаете? — Она смотрела на него широко раскрытыми глазами. — В самом деле?

— До свиданья, — произнес он, Собираясь повесить трубку.

— Послушайте, — быстро сказала Рэйчел. — Подумайте немного головой.

— Вы так говорите, потому что андроиды вашего типа умнее людей.

— Нет, я в самом деле не понимаю, — вздохнула Рэйчел. — Однако ясно вижу, что вам совсем не хочется заниматься сегодня этим делом. Вы действительно хотите, чтобы я помогла вам устранить оставшихся андроидов? Или чтобы я убедила вас отложить это дело?

— Вы нужны мне… — пробормотал он. — Мы снимем комнату в отеле…

— Зачем?

— Я кое-что сегодня услышал… узнал… — хрипло выдавил он. — Кое-что, касающееся отношений между мужчиной — человеком и женщиной — андроидом. Прилетайте в Сан-Франциско, и я оставлю остальных анди в покое. Мы займемся другим.

Она некоторое время смотрела на него молча, потом

разлепила губы:

— Где мы встретимся?

— У «Сейнт Франсиса». Это последний действующий приличный отель в районе Залива.

— И пока я не прилечу, вы ничего не станете предпринимать.

— Буду сидеть в отеле и смотреть по телевизору Бастера Дружби. В последние дни его гостьей была Аманда Вернер. Она мне нравится. Я мог бы смотреть на нее всю жизнь. У нее такие груди… они словно улыбаются.

Не попрощавшись, он повесил трубку и некоторое время сидел, ни о чем не думая. Наконец ему стало холодно. Он повернул ключ зажигания и секунду спустя уже летел в направлении центра Сан-Франциско. К отелю святого Франсиса.

16

В огромном, излишне роскошном номере отеля Рик занялся изучением досье на оставшихся троих андроидов. В частности, на Роя и Ирмгард Бейти. В этих двух случаях к печатному тексту прилагались стереоснимки, сделанные с помощью телескопических объективов. Снимки были очень мутные. Тем не менее, женщина показалась Рику довольно привлекательной. Мужчина, напротив, совсем другое дело. Неприятное дело.

На Марсе Рой Бейти работал фармацевтом. Или использовал работу, как прикрытие. На самом деле, вероятно, он был чернорабочим, трудился в поле, но мечтал о чем-то большем.

Но разве андроиды мечтают?

Вероятно. И именно поэтому они убивают иногда хозяев и бегут на Землю. Чтобы жить без рабского труда. Как Люба Люфт. Петь в «Дон Жуане» — вместо тяжелой работы в холодном, каменистом поле. На необитаемом колонизируемом Марсе.

«Рой Бейти, — информировало досье, — умеет создавать впечатление агрессивной, напористой, авторитетной личности. Данный андроид, предававшийся мистического рода деятельности, предложил совершить побег данной группе, подведя под этот акт идеологическое обоснование о якобы священном характере „жизни андроидов“, „андроидной жизни“. Вдобавок данный андроид совершил хищение ряда наркотических средств, воздействующих на мозг, с которыми проводил опыты, утверждая (после задержания с поличным), что надеялся вызвать у группы андроидов ощущения, аналогичные тем, что испытывают последователи Сострадализма во время слияния. Данные ощущения, как указывал андроид Рой Бейти, продолжают оставаться недоступными для андроидов».

В этом было что-то жалкое. Грубый, хладнокровный, расчетливый андроид стремился испытать нечто, изначально ему недоступное. Но особого сочувствия к Рою Бейти Рик вызвать в себе не мог. Когда попытка «слияния» провалилась, андроид организовал убийство нескольких людей и следующее за ним бегство на Землю. На сегодняшний день от восьмерки остались три андроида, и они были обречены. Если их не отправит на покой Рик, это сделает другой охотник. Время прилива. Циклы жизни. Последние сумерки, конец.

Дверь номера со стуком распахнулась.

— Ну и полет! — выдохнула, входя, Рэйчел.

Она была в длинном чешуйчатом плаще, одетом на лифчик и шорты в тон. Кроме большой декоративной сумки через плечо,

девушка несла большой бумажный мешок.

— Очень *милая* комната, — сказала она и посмотрела на циферблат наручных часов. — Меньше часа. Отличный результат для такого расстояния. Возьмите у меня мешок. Осторожнее. Здесь бутылка. Коньяк.

— Самый опасный из восьмерых еще жив, — произнес Рик, словно продолжая только что прерванный разговор. — Тот, кто все это организовал.

И протянул ей мятый листок папиросной бумаги. Рэйчел поставила мешок на стол.

— И вы его уже обнаружили?

— Мне известен номер жилого блока. Это в пригороде, где не живет никто, кроме нескольких недоумков, завершающих там свою версию жизни.

— Посмотрим остальных, — сказала Рэйчел, протягивая руку.

— Еще две женщины. — Он передал ей листки досье. — Ирмгард Бейти и второй … называет себя Прис Страттон.

Бросив взгляд на последний листок, Рэйчел негромко произнесла: «О!», уронила досье, подошла к окну и некоторое время всматривалась в панораму ночного центра Сан-Франциско.

— Кажется, последний тебя накроет. А может, и нет. Может, тебе все равно…

Девушка побледнела, голос ее дрожал.

— Что ты, собственно, имеешь в виду?

Рик поднял листки, пытаясь понять, что именно расстроило ее.

— Давай откупорим коньяк, — предложила Рэйчел, не отвечая.

Заглянув на минутку в ванную, она вернулась с двумя стаканчиками. Ему не нравилась ее неуверенность и отчужденность. Казалось, она думает о чем-то ином. На угрюмом лице отчетливо читалась смена мыслей.

— Ты умеешь открывать такие бутылки? Она ведь стоит целое состояние, знаешь? Это довоенный коньяк — настоящий, не синтетический. — Он взял у нее бутылку, откупорил и налил коньяк в маленькие стаканы. — Ты обещал, что откажешься от преследования оставшихся троих андроидов, если я прилечу сюда сегодня. «Мы займемся другим делом…» Вот я и здесь…

— Расскажи, что тебя так расстроило, — попросил Рик.

— Что мы будем делать? — Она упрямо закусила губу. — Не забивай голову оставшимися анди.

Расстегнув плащ, Рэйчел вышла в прихожую, вернулась. Голова, с роскошной гривой волос, казалась очень большой, а тело, из-за маленьких грудей — почти детским. Но глаза,

большие, с длинными ресницами, могли быть лишь глазами зрелой женщины. Здесь сходства с подростком не наблюдалось. Она слегка раскачивалась, руки, опущенные вниз, были чуть согнуты в локтях.

Поза осторожного охотника. Или, может быть, кроманьонского человека. Раса высоких, ловких охотников. Ни грамма лишней плоти — плоский живот, маленьких зад и маленькая грудь. Рэйчел была смоделирована по кельтскому типу, анахроничному, но, безусловно, красивому. Ноги имели вид нейтральный, совсем не женственный, не очень округлый в нужных местах. Но общее впечатление было, тем не менее, приятным. Впечатление девушки, не женщины. Если бы не беспокойные, умные глаза.

Не отрывая от девушки взгляда, Рик отпил глоточек коньяка. Вкус его, запах, крепость — ощущения стали почти новыми, незнакомыми. Он с трудом проглотил обжигающую влагу. Рэйчел, похоже, никаких затруднений не испытывала. Присев на край кровати, она с отсутствующим видом разглаживала покрывало. Он поставил стакан и медленно подошел к девушке. Кровать немного просела под его тяжестью. Рэйчел чуть-чуть отодвинулась.

— Что же произошло? — снова спросил он, взяв ее ладонь в свою. Она показалась ему холодной, твердой, немного влажной. — Что с тобой?

— Это все из-за проклятого последнего досье, — с трудом проговорила Рэйчел. — Мы с этим «Узлом-6» одного типа. То есть, он такой же, как и я. — Она опустила глаза, отыскала на покрывале нитку и начала скатывать ее в шарик. — Разве ты не заметил по описанию? Это *моя* внешность. Прическа и одежда могут быть другими. Но, увидев ее, ты поймешь, о чем я говорю… Хорошо, что компания призналась в моей искусственной природе. Иначе ты, наверное, сошел бы с ума, столкнувшись с Прис Страттон. Или подумал бы, что это я.

— Но почему это тебя так беспокоит?

— Проклятье, ведь я буду с тобой!

— Может, и нет. Может, я не найду ее…

— Я знаю психологию «Узла-6». Поэтому и прилетела. Потому что хочу тебе помочь. Они сейчас сбились в кучу, главный у них — тот, который называет себя Роем — готовит вашу встречу… — Губы ее искривились. — О Боже…

— Ну, гляди веселей, — сказал он, приподняв ее голову за маленький острый подбородок.

Интересно, что ощущает человек, целуя андроида.

Губы ее были сухими. Казалось, она ничего не

почувствовала… Или почувствовала? А может, он просто принимал желаемое за действительное…

— Ты слишком много хочешь… Как, по-твоему, я должна относиться к андроиду по имени Прис Страттон?

— Сочувствуешь ему?

— Что-то похожее… Понимаешь, идентификация. Передо мной стою я… Боже, наверное, так и произойдет… В замешательстве ты убьешь не ее, а меня. И она вернется в Сиэтл, и будет жить моей жизнью… Я никогда ничего подобного не испытывала. Мы в самом деле *машины*, отштампованные, как крышечки бутылок. Мое существование — только моя личная иллюзия. Я — всего лишь образец массовой продукции…

Она содрогнулась. Рик понимал, что это плохо, но поведение Рэйчел его забавляло. Андроид, страдающий от мрачных предчувствий.

— Но муравьи тоже физически идентичны, — сказал он. — И ничего подобного не ощущают.

— Муравьи… Они не знают, что такое время…

— А близнецы?

— Они идентифицируются друг с другом. Обладают эмпатической связью.

Внезапно Рэйчел встала, нетвердой походкой подошла к столу, налила себе коньяк и залпом выпила. Прошлась по комнате и, словно случайно, снова опустилась на кровать, облокотилась на пышные подушки и вытянула со вздохом ноги вдиль покрывала.

— Забудь об этих андроидах. — Голос ее поблек от усталости. — Я такая измотанная… Наверное, после полета. Из-за всего, что узнала в этот день… Просто хочу спать… — Она закрыла глаза. — Если я умру, то буду, наверное, опять рождена, когда компания начнет штамповать субмодели моего типа, но с новым мозговым устройством… Знаешь, почему люди компании хотели, чтобы я действовала с тобой?

Глаза ее опять открылись, и сна в них не было.

— Чтобы следить за мной, — сказал он. — И выяснить, что именно выдает устройство типа «Узел-6» при тесте Войт-Кампфа.

— Не только. Их интересует все, чем может выдать себя андроид. Я должна была подготовить рапорт, и компания внесла бы изменения в режим зигот-камер, в структуру ДНК-фактора. И получила бы «Узел-7». А когда и этот подтип стал бы распознаваем, мы бы совершили новые модификации… И так до тех пор, пока не разработали бы новый тип гуманоидного робота — тип, который не поддается обнаружению.

— А ты знаешь о рефлекторной дуге Бонелли?

— Над спинальной ганглиеей мы тоже работаем. Наступит день, и этот тест так же погрузится в пучину забвения, как и вчерашнее.

Она улыбнулась, совершенно безобидно, в контраст словам. Рик не понимал, насколько серьезно все это говорилось. Тема мирового значения, но сказано как-то несерьезно — наверное, характерная манера всех андроидов. Никакой эмоциональной осознанности, никакого чувства действительного значения сказанного — выхолощенные, интеллектуальные, формальные определения, термины.

А потом Рэйчел начала поддразнивать его, перейдя от оплакивания собственного положения к насмешкам над ним.

— К черту! Тебя тоже, — сказал он.

Девушка расхохоталась.

— Я пьяна. Я не могу идти с тобой. Если ты уйдешь, останусь здесь отсыпаться. Расскажешь потом, как все было.

— Ты упустила маленькую деталь. Этого «потом» не будет — Рой Бейти прикончит меня.

— Но я все равно не могу… я пьяна. И, кроме того, я только наблюдатель, меня не посылали спасать тебя. И мне все разно, прикончит тебя Рой или нет. Главное, чтобы он не прикончил *меня*. Нет, ты понял? — Глаза ее округлились. — Я эмпатически реагирую на угрозу собственному существованию! И, видишь ли, прилетев с тобой в загородный блок… — Она протянула руку, поиграла пуговицей на рубашке Рика, и расстегнула ее. — Я просто не осмелилась бы туда сунуться… Мы, андроиды, не слишком лояльны друг к другу. Проклятая Прис Страттон пристрелила бы меня, а потом заняла мое место. Понимаешь? Сними пиджак.

— Зачем?

— Чтобы мы легли в постель.

— Я купил черную козу нубийской породы, — сообщил он неожиданно для себя самого. — Я должен отправить на покой еще троих анди, должен покончить с этим делом и вернуться домой, к жене.

Потом Рик встал, налил себе еще одну порцию коньяка, заметив, что руки дрожат. Совсем немного, почти незаметно. Видимо, от усталости.

«Мы устали, слишком устали, чтобы охотиться на троих анди, которыми управляет самый опасный из всей восьмерки».

Он вдруг осознал, что боится этого андроида. Откровенно боится. Все из-за него, с самого начала все было из-за него. Прежние андроиды были всего лишь слабыми подобиями Роя Бейти. Теперь предстоит встреча с ним самим. От этой мысли

страх стал еще сильнее.

— Без тебя я идти не могу, — сказал он. — Полоков меня едва не прикончил. Гарланд был еще ближе к цели…

— Боишься? — Поставив пустой стакан, Рэйчел расстегнула лифчик, ловко сняла его и встала, немного покачиваясь и виновато улыбаясь. — В сумочке у меня лежит устройство, которое изготовлено нашей автофабрикой на Марсе. Это предохраняющее устройство, которое встраивают в новых андроидов на этапе последней серийной проверки. Вытащи его. Оно похоже на устрицу.

Рик начал рыться в сумочке. Как у любой женщины-человека, в ней можно было обнаружить самые разнообразные предметы. Тем временем Рэйчел сбросила сапожки и расстегнула молнию на шортах. Потом упала на кровать, перекатилась, потянулась к стакану и случайно столкнула его на пол.

— А, проклятье…

Она снова поднялась на ноги и, почти обнаженная, покачиваясь, наблюдала за Риком. Потом, очень аккуратно, откинула покрывало и улеглась в постель.

— Это оно? — спросил Рик, достав металлический шар с выступающим стерженьком кнопки.

— Этой штукой можно повергнуть андроида в каталепсию, — объяснила Рэйчел, не открывая глаз. — На несколько секунд. Парализуется работа дыхательной системы. Твоей тоже, но вы, человеческие существа, можете функционировать минуту-две без дыхания. А у анди нерв, отвечающий за…

— Я знаю. Автономная нервная система андроидов не настолько гибка в режимах включения и выключения, как наша. Но ты сказала, что устройство работает всего несколько секунд?

— Этого достаточно, — пробормотала Рэйчел, — чтобы ты спас свою жизнь. Понимаешь… — Она села и потрясла головой. — Если перед тобой вдруг появится Рой Бейти, ты, нажав кнопку, сможешь заморозить его на несколько секунд — ровно столько потребуется, чтобы прошить его лазерным лучом.

— А у тебя здесь лазер. В сумочке.

— Подделка, — сказала она и зевнула, снова закрыв глаза. — Андроидам запрещено носить лазеры.

Рик медленно подошел к кровати. Рэйчел перекатилась на живот и уткнулась лицом в белые простыни.

— Какая чистая, приличная, девственная постель… Только очень чистые, приличные девушки… — Она задумалась. — У андроидов не бывает детей. Разве это потеря?

Он снял с нее шорты, обнажив бледный холодный изгиб бедер и маленькие полушария ягодиц.

— Разве это потеря? — повторила девушка. — Не знаю… В самом деле, как я могу судить? Что это такое — иметь ребенка? И что это такое — быть рожденным, если уж на то пошло? Ведь мы не рождаемся. Не растем, не умираем от болезней… Просто изнашиваемся, как муравьи. Опять муравьи… Вот что мы такое. Хитинистые рефлекс-машины. На самом деле — совсем неживые… Я НЕЖИВАЯ НА САМОМ ДЕЛЕ!

Ты ложишься в постель с… Так что на многое не рассчитывай, ладно? Ты когда-нибудь раньше спал с андроидом?

— Нет, — сказал он, снимая галстук и рубашку.

— Как мне говорили… Впечатление удовлетворительное, если только не очень много думать. А то… продолжать не сможешь… По психологическим… гм… причинам.

Наклонившись, Рик поцеловал ее обнаженное плечо.

— Спасибо, расслабленно проговорила она. — Не забывай, главное — не думать. Просто делай и все. Никаких пауз и философии. Потому что с философской точки зрения это очень тоскливо… И для тебя, и для меня.

— А после этого я все же полечу искать Роя Бейти. И хочу, чтобы ты была со мной. Я ведь знаю, что лазер в твоей сумочке…

— Думаешь, я смогу «отправить на покой» одного из анди?

— Думаю, что ты мне все же поможешь. Иначе тебя бы здесь не было.

— Я тебя люблю, — почти всхлипнула она. — Если бы я вошла в комнату и обнаружила, что кровать покрыта твоей шкурой, то показала бы очень высокий результат по шкале Войг-Кампфа.

«Сегодня вечером, подумал Рик, щелкнув выключателем лампочки на ночном столике рядом с кроватью, — я отправлю на покой андроида типа типа „Узел-6“, который будет выглядеть в точности, как эта девушка. Боже милостивый, я стану таким же, как Фил Ресч. Сначала лягу в постель, потом убью…»

— Я не могу, — сказал он, попятившись от кровати.

— Жалко, очень жалко, — дрогнувшим голосом произнесла она. — Но мы — не одно и то же. *Меня* не волнует Прис Страттон. Послушай… — Рэйчел села, зашелестев простынями, в полумраке он смутно видел ее силуэт с маленькими холмиками грудей. — ЛЯГ СО МНОЙ. Я УСТРАНЮ ПРИС СТРАТТОН. Хорошо? Потому что не выдержу, дойдя…

— Спасибо, — выдохнул Рик. Внутри (несомненно, благодаря коньяку) поднялась волна благодарности, сжимая горло. «Двое, — подумал он. Остаются только двое. Только супруги Бейти. А Рэйчел сдержит слово? Очевидно. Таков способ функционирования андроидов». Хотя ни с чем подобным он еще

не сталкивался.

— Проклятье! Ложись, наконец!

И Рик лег.

17

Потом они наслаждались небывалой роскошью — Рик вызвал горничную и заказал кофе. Он долго сидел в глубоком мягком кресле, зелено-золотом с черным, и потягивал горячий напиток, разрабатывая план действий. В ванной плескалась, напевая и что-то бормоча, Рэйчел.

— Ты не прогадал, вызвав меня. — Розовая и нагая, она возникла в дверном проеме, стягивая мокрые волосы эластичной лентой. — Мы, андроиды, не умеем контролировать плотскую страсть. Ты знал, наверное, поэтому и воспользовался мной, по моему мнению. — Но подлинного гнева в ее голосе не слышалось. Во всех отношениях она не отличалась от любой другой известной Рику девушки — такая же жизнерадостная. — Мы в самом деле должны отправиться выслеживать этих троих сейчас?

— Да.

«Но один из них — твой», — подумал он, имея в виду ее обещание. Завернувшись в огромное купальное полотенце, Рэйчел села с ним рядом.

— Тебе понравилось?

— Да.

— И ты снова лег бы в постель с андроидом?

— Если бы это была молодая женщина, похожая на тебя.

— А ты знаешь, сколько живут гуманоидные роботы? — спросила она неожиданно. — Я существую уже два года. Как по-твоему, сколько мне осталось?

Он задумался.

— Года два?

— Эту проблему они так и не смогли разрешить. Самовоспроизведение клеток. Бесконечное возобновление… вот такие дела.

Лицо ее казалось лишенным всякого выражения.

— Извини, — сказал Рик. — Мне очень жаль.

— Черт, это мне жаль, что я об этом заговорила. Во всяком случае, это зачастую удерживает людей от побега с андроидом.

— К типу «Узел-6» это тоже относится?

— Проблема обмена веществ, а не мозгового устройства.

Встав, она потянулась за одеждой. Он тоже оделся и через несколько минут, почти в молчании, они вышли на крышу, где припаркованные аэрокары покоились под наблюдением симпатичного служащего в белой униформе. Еще через несколько минут, когда кар взял направление на пригороды Сан-Франциско, Рэйчел разлепила губы:

— Какая чудесная ночь…

— Моя коза, наверное, уже спит, — предположил Рик. — А может, козы ведут ночной образ жизни? Некоторые животные никогда не спят. Овца, например. Я не замечал, во всяком случае. Каждый раз, стоит на нее посмотреть — и она отвечает взглядом. Ждет чего-нибудь вкусненького.

— А какая у тебя жена?

Он ничего не ответил.

— Ты…

— Если бы ты не была андроидом, — сказал Рик, — если бы я мог на тебе жениться, я бы женился.

— Или мы жили бы в грехе… если бы я была живая.

— Ты неживая юридически. Но на самом деле — живая. Биологически. В тебе нет транзисторных контуров, как в поддельных животных. Ты — существо органическое… «И через два года, — подумал он, — ты износишься и умрешь. Потому что мы так и не решили проблему самозамены клеток. Поэтому… поэтому то, что ты живая, не имеет значения… Конец. Конец мне, как охотнику на андроидов. После супругов Бейти никого не будет. Эта ночь — последняя».

— Что-то ты загрустил, — заметила Рэйчел. Он погладил ее по щеке.

— Ты больше не сможешь охотиться на андроидов, — спокойно произнесла она. — Поэтому не грусти. Пожалуйста.

Рик остолбенело уставился на нее.

— Еще ни один охотник не брался за старое дело, побывав со мной в постели, — продолжала девушка, выдержав его взгляд. — Кроме одного — очень циничного человека по имени Фил Ресч. Он, к тому же, немного тронутый — работает сам по себе.

— Понимаю, — сказал Рик, чувствуя немоту и оцепенение во всем теле.

— Но не грусти. Ты познакомишься с удивительно одухотворенным человеком, которого…

— …зовут Роем Бейти, — закончил он. — Ты их всех знаешь?

— Да, я знала всех, когда они еще были. Теперь осталось трое. Мы пытались остановить тебя сегодня утром, когда ты взялся за список Холдена. Я должна была сделать это еще перед твоей встречей с Полоковым. А потом мне оставалось только ждать.

— Пока я сам не выдержал и не вызвал тебя?

— Мы с Любой были близкими, очень близкими друзьями, все эти два года. Какой она тебе показалась? Понравилась?

— Да.

— Но ты ее все же застрелил.

— Это сделал Фил Ресч.

— А, так с тобой был он… Мы этого не знали. Примерно в это время связь между нами разладилась. Нам только стало известно, что Люба убита.

— Я мог бы еще устранить Роя Бейти… но не Ирмгард. Наверное… И не Прис Страттон, даже теперь, когда… А то, что произошло в отеле, было…

— Наш союз, — сказала она, — стремился воздействовать на охотников. Здесь и в СССР. Этот способ оказался действенным… по причинам, нам окончательно неясным. Видимо, наша ограниченность…

— Сомневаюсь, что этот способ так хорош.

— Но с тобой ведь получилось.

— Посмотрим, получилось ли. — Все его тело осталось по-прежнему оцепеневшим, но в голове ощущалось просветление.

— Получилось. Я поняла это, когда увидела выражение твоего лица. Скорбь. Именно то, что нужно.

— И как часто тебе приходилось так поступать?

— Не помню. Семь, восемь… нет, девять. Да, девять раз.

Оттолкнув руль, Рик перевел машину в планирующий спуск.

— Идея устарела, — сказал он сквозь зубы.

— Ч-что? — спросила девушка дрогнувшим голосом.

— Устарела. Сначала я застрелю тебя, — сообщил Рик злорадно, — а потом займусь остальными.

— Почему ты садишь машину? — Лицо ее исказилось от страха. — Большой штраф. Я — законная собственность компании, а не сбежавший андроид… Я — совсем не то, что остальные!

— Но, — спокойно объяснил он, — убив тебя, я смогу убить и остальных.

Рэйчел лихорадочно схватилась за сумочку, но внезапно отбросила ее и сказала с жестокой яростью:

— Чертов мешок. Никогда ничего не могу в нем найти. Ты убьешь меня без боли? Осторожно? Я не буду сопротивляться, хорошо? Обещаю, что не буду. Ты согласен?

— Теперь я понимаю Ресча… Он не циник, просто узнал слишком многое… В этом нет его вины…

— Но изменился он не в ту сторону, в которую следовало бы.

Теперь она казалась спокойной. Пламя жизни угасло. Рик часто наблюдал это у других андроидов. Классический случай смирения. Механическое, умственное приятие факта. Никакой подлинно живой организм, с двумя миллиардами лет эволюционного давления, побуждающего бороться за жизнь вопреки всему, никогда не принял бы его как абсолютную

неизбежность.

— Терпеть не могу вашу манеру сдаваться, — грубо сказал Рик. Кар уже почти завершил спуск, и ему пришлось резко потянуть руль на себя, предотвращая катастрофу. Затормозив, он со скрежетом посадил машину, вырубил двигатель и вытащил лазер.

— В основание черепа. В затылочную кость, пожалуйста, — попросила Рэйчел, поворачиваясь спиной, чтобы не увидеть смертоносного луча. Рука, сжимающая оружие, дрогнула.

— Я не могу…

Он резко включил зажигание, и мгновение спустя кар взмыл в небо.

— Убей сразу. Не заставляй меня ждать.

— Я не буду тебя убивать, выдавил из себя Рик, направляя машину в пригород. — Твой кар остался в гостинице, правильно? Там я тебя и высажу. Возвращайся в Сиэтл. Некоторое время они молчали.

— Спасибо, — произнесла наконец Рэйчел.

— Черт подери, тебе осталось всего года два. В любом случае. А мне — около пятидесяти. Я проживу в двадцать пять раз дольше тебя.

— Ты презираешь меня. — К ней уже вернулась уверенность, певучий голос обрел силу. — И все-таки ты поступил так же, как и все остальные до тебя. Остальные охотники. Они тоже приходили в ярость, угрожали убить меня, но так и не могли этого сделать. В точности, как ты, понимаешь? — Она курила, с наслаждением вдыхая ароматный дым. — А это значит, что я была права — ты не сможешь больше убивать андроидов. Понимаешь? поэтому отправляйся-ка домой, к своей козе. И отдохни немного. — С сигареты на плащ упал пепел. — Ах! Чуть не прожгла… Ну вот… — Рик молчал. — Эту козу ты любишь больше, чем меня. Может, даже больше, чем жену. Номер один — коза, потом — жена, и в самом конце… — Ее внезапно начал душить смех. — Что мне остается? Только смеяться!

Он не ответил. Некоторое время они летели в молчании, потом Рэйчел нашарила выключатель приемника и включила радио.

— Выключи, — попросил Рик.

— Как? Бастера Дружби с его Дружелюбными друзьями? С А мандой Вернер и Отто Скраггсом? Как раз наступил момент, когда Бастер должен сообщить новую грандиозную новость. — Она склонилась, всматриваясь в циферблат часов. — Почти наступил. Ты в курсе? Он же в последнее время только и говорил, что о своей сенсации, нагнетал напряжение…

— …я т-только хочу сказать в-вам, ребята, что сижу со своим дру-угом. Баете ром Дру-ужби, мы болтаем, о-очень весело, ожидая с минуты на минуту с-самого значительного объявления, — сказал приемник. Рик протянул руку, и радио смолкло. Рэйчел упрямо вскинула голову.

— *Я хочу послушать!* Это очень важно — все, что Бастер Дружби собирается сказать сегодня вечером.

Динамик снова забубнил голосом веселого идиота. Рэйчел устроилась поудобнее. Огонек сигареты пылал в темноте кабины, словно самодовольный жук-светляк. Настойчивое, непреклонное напоминание о достижении Рэйчел Розен. О ее победе над ним.

18

— Принеси все мои оставшиеся в той квартире вещи, — приказала Прис Исидору. — И не забудь телевизор. Я хочу послушать новую сенсацию Бастера Дружби.

— Конечно, — поддакнула Ирмгард, сверкая глазами. Нам *необходим* телевизор! Мы так ждали этого вечера! И скоро все должно начаться!

— Мой собственный телевизор хорошо принимает правительственный канал, — сказал Исидор.

Рой Бейти, который устроился в кресле с таким видом, словно собирался провести в нем остаток жизни, срыгнул и терпеливо повторил слова Прис:

— Не забудь телевизор. Мы бы хотели посмотреть передачу Бастера Дружби и его Дружелюбных друзей, Ис. Или мне лучше называть тебя Дж. Р.? Будь так добр, принеси телевизор.

Джон Исидор спустился по гулким ступеням лестницы на нужный этаж. Мощный цветок счастья, распустившийся у него внутри, еще цвел.

«Теперь от меня зависят другие, — думал он, шагая по пыльным ступенькам. — Мне тоже неплохо будет посмотреть эту передачу, вместо того чтобы слушать ее по радио в кабине грузовичка-фургона. Бастер Дружби сегодня должен сообщить нечто грандиозное. Сегодня вечером. И вот, благодаря Прис, Ирмгард и Рою, я увижу самую важную передачу за последние несколько лет. Каково?»

Да, жизнь Дж. Р. Исидора явно пошла на подъем. Он вошел в квартиру Прис, отключил телевизор… И вдруг в него вошла тишина. Он почувствовал, как онемели руки. Без супругов Бейти и Прис ему показалось, что сам он выцвел, как будто не телевизор, а его самого выдернули из сети.

«Нужно быть с людьми, — осознал он. — Если вообще хочешь жить. То есть, пока их не было, я как-то выдерживал тишину и одиночество. Но теперь все изменилось. Назад дороги нет. От людей нет возвращения к жизни без людей. Теперь я завишу от них». Им овладела паника. Слава Богу, что они остались! Несколько минут спустя Исидор уже стоял с телевизором в гостиной своей комнаты. Чувствуя, как отнимаются от тяжести пальцы, установил ящик на кофейный столик и занялся антенной. Бейти и Прис равнодушно наблюдали за ним.

— В этом здании хороший прием, — пыхтел он, ковыряясь в телевизорных внутренностях. — Когда я еще…

— Скорее подключай, перебил его Рой. — И помолчи

немного.

Исидор сделал, как его просили, и снова поспешил к двери.

— Нужно еще сходить за вещами, — объяснил он. — Там еще кое-что осталось. — Но медлил, согреваясь у очага их присутствия.

— Превосходно, — далеким голосом отозвалась Прис.

Исидор закрыл за собой дверь.

«Кажется, они меня немного эксплуатируют. Но, все равно, хорошо иметь друзей».

Собрав все вещи девушки, он запаковал их в чемоданы и трудолюбиво потащил вверх по лестнице, глядя под ноги в силу многолетней надежды на невероятное. И это произошло. На самой верхней ступеньке в пыли, потревоженное его появлением, зашевелилось нечто. Он тут же бросил чемоданы и дрожащими руками вытащил пластиковую бутылочку, которую, как и все, носил постоянно при себе. Паук. Невзрачный, но живой паук. Прерывисто дыша, Исидор загнал паука в бутылочку и аккуратно закупорил специальной крышечкой с маленькими отверстиями, проделанными иглой. Наверху, у дверей, он приостановился перевести дыхание.

— Да, сэр! Время пришло. Говорит Бастер Дружби. Верю и надеюсь, что все вы с нетерпением ждете обещанной грандиозной новости. Я поделюсь с вами открытием, которое, кстати, подтверждено опытными исследователями, посвятившими этой работе дополнительные рабочие часы. Итак, ВНИМАНИЕ!

— Я нашел паука! — радостно сообщил Джон Исидор. Все три андроида на мгновение подняли на него глаза, оторвавшись от экрана.

— Покажи, — сказала Прис, протягивая руку. — Не мешай, мы смотрим Бастера, — буркнул Рой.

— Я никогда не видела паука, — объяснила Прис, осторожно поворачивая бутылочку переде глазами. Существо внутри беспокойно шевелилось.

— Сколько у него ног? Зачем ему столько, Дж. Р.?

— Таковы все пауки, — сказал Исидор. Сердце его колотилось, он с трудом дышал. — Восемь ног.

— Думаю, ему столько не нужно. Девушка поднялась с кресла.

— Восемь? — переспросила Ирмгард. — Но разве он не мог бы передвигаться на четырех? Отрежь лишние, Прис, посмотрим. Она потянулась за сумочкой, достала из нее маленькие блестящие ножницы и протянула их Прис. Исидора охватил необъяснимый ужас. Отнеся бутылочку на кухню, девушка уселась за столик и вытряхнула паука наружу.

— Наверное, он не сможет бегать так же быстро, как раньше. Но все равно здесь ему ловить нечего. В любом случае он бы умер, — поделилась она с Исидором своими мыслями и взялась за ножницы.

— Пожалуйста, не надо, — дрогнувшим голосом попросил он. Прис вопросительно глянула на него.

— Он чего-то стоит?

— Не надо!

Поздно. Одной лапки у паука уже не было. Из гостиной раздался жизнерадостный голос Бастера Дружби:

— Взгляните сюда! На этом увеличенном кадре вы видите хорошо знакомое вам небо. Одну минуту, сейчас Эрл Параметр, глава моей исследовательской группы, объяснит вам суть нашего *потрясающего* открытия!

Прис отрезала еще одну лапку, придерживая насекомое рукой. На лице ее играла улыбка.

— Подвергнув этот кадр тщательному лабораторному исследованию, мы выяснили, что серый задний план, так называемое «небо», на фоне которого действует Сострадальный, не только не является земным, но, более того, создано *искусственно.*

— Прис, ты все пропустишь! — позвала Ирмгард, появившись в дверях кухни. — Оставь паука! Этим можно заняться потом! Передача очень важная. Она доказывает, что все наши надежды, все о что мы верили…

— Тише! — гаркнул Рой.

— …Все, во что мы верили, есть истина!

— Так называемая «дневная луна», — продолжал телевизор, — на «небе» просто намалевана. На кадре, который вы сейчас видите, ясно заметны мазки краски. Доказано, что бесплодная почва, сорняки и даже камни, бросаемые в Сострадального невидимыми преследователями, настолько же поддельны, как и «небо» с нарисованной на нем «луной». Вполне вероятно, что камни сделаны из мягкого материала и не причиняют настоящих ран.

— Иными словами, — вмешался Бастер Дружби. — Вилбур Сострадальный на самом деле совсем не страдает.

— Нам удалось обнаружить одного человека, который в прошлом был специалистом по специальным эффектам в Голливуде, — продолжал шеф исследовательской группы. — Это мистер Вейд Кортот. Опираясь на годы профессионального опыта, он предположил, что место, на котором действует Сострадальный — специальная сцена-площадка. Соответственно, и сам он — актер. Кортот даже заявил, что узнает площадку. Она находилась

в павильоне, которым пользовался когда-то один из мелких менеджеров, пользовавшийся услугами Кортота.

— Следовательно, — подвел итог Бастер, — сомнений быть не может?

Прис успела отрезать пауку три ноги. Несчастное насекомое металось по столу, ища спасения, но тщетно.

— Мы, естественно, поверили Кортоту. И потратили довольно много времени на исследование снимков известных актеров, связанных когда-то с ныне прекратившей свое существование кинопромышленностью Голливуда.

— И обнаружили, что…

— Вы только послушайте! — сказал Рой Бейти. Ирмгард, словно загипнотизированная, не отрывала взгляда от экрана. Прис перестала мучить паука.

— Проанализировав тысячи старых снимков, мы выявили очень пожилого человека по имени Ал Джарри. Ранее этот актер снимался в главных ролях в довоенных фильмах. И послали нашу бригаду в Ист Хармони, Индиана, где живет сейчас этот человек. Пусть один из членов бригады сам расскажет, что они там видели.

— Дом стоит на окраине городка, — заговорил после некоторой паузы новый голос, столь же бесцветный и высушенный.

— Дом имеет крайне запущенный вид. Живет в нем один Ал Джарри. Хозяин встретил нас дружелюбно, пригласил войти. Когда мы расселись в гостиной, очень грязной и затхлой, я с помощью специальных телепатических средств просканировал сознание Ала Джарри, сидевшего напротив.

— Слушайте, слушайте, — прошептал Рой, балансируя на самом краю сиденья, словно приготовившись к прыжку.

— Так вот. Этот старик действительно снялся в серии пятнадцатиминутных видеофильмов, заказанных менеджером, которого никогда глаза не видел. Как выяснилось, «камни» были изготовлены из резиноподобного пластика. «Кровь» имитировалась с помощью томатного соуса, а… — хихикнул техник, — а единственное «страдание», которое пришлось пережить мистеру Джарри, состояло в том, что он целый день не имел во рту ни капли виски.

— Ал Джарри, — сказал, появившись на экране, Бастер Дружби. — Да, да. Преклонных лет человек, который даже лучшие годы едва ли мог быть уважаем даже самим собой, Ал Джарри, снявшийся в скучном фильме, целой серии таких фильмов, а для кого — он сам точно не знает. Поклонники Сострадализма утверждают, что Вилбур Сострадальный не

является человеческим существом, что он представляет собой архитипическую личность высшей организации из другой звездной системы. Что ж, в некотором смысле это соответствует действительности, как выяснилось, Вилбур Сострадальный — не человек. И не существует на самом деле. Мир, в котором он совершает свое восхождение — всего лишь дешевая голливудская киностудия, прекратившая свое существование много лет назад. И кто же, в таком случае, предпринял этот всепланетный, всесистемный обман? Подумайте об этом!

— Наверное, мы никогда не узнаем, — пробормотала Ирмгард.

— Вполне может быть, нам не удастся это выяснить, — сказал Бастер. — И мы никогда не проникнем за занавес этого надувательства. Да-да, Сострадализм — НАДУВАТЕЛЬСТВО!

— Кажется, мы знаем, — прошептал Рой Бейти. — Это же очевидно! Сострадализм возник…

— Но задумайтесь, — продолжал Бастер. — Спросите себя: что главное в Сострадализме? Что он может сделать? если верить многочисленным последователям этого учения, он способен сливать…

— Вот она, эта эмпатия, которой обладают люди, — презрительно бросила Ирмгард.

— …мужчин и женщин по всей Солнечной системе в одну единую чувствующую единицу. Единицу, однако, которая поддается внушению посредством телепатического голоса — так называемого «голоса Сострадального». Заметьте! Политический деятель с амбициями, некий потенциальный Гитлер, мог бы…

— Нет, это все эмпатия, — с жаром сказала Ирмгард. Сжав кулаки, она вошла в кухню, встала рядом с Исидором. — Разве она не доказывает, что люди способны на то, что недоступно нам? А мы, не испытав этого чувства, можем лишь верить вам *наслово*, Прис, как там поживает паук? — Девушка деловито отхватила ножницами четвертую ножку.

— Осталось четыре ноги. — Острием ножниц она подтолкнула паука.

— Не хочет. Может, но не хочет двигаться.

В дверях появился торжествующий Рой.

— Сделано. Бастер произнес ЭТО, громко и четко. И его слышал почти каждый человек системы. «Сострадализм — надувательство»! Все эти сеансы эмпатии — сплошное надувательство.

Он подошел к столу и с любопытством взглянул на паука.

— Он не хочет ползать, даже не двигается, — сказала Ирмгард.

— Сейчас я его заставлю.

Вытащив картонную пачку спичек, Рой зажег одну и поднес к пауку. Искалеченное существо отползло в сторону.

— Я была права, — удовлетворенно сообщила Ирмгард. — Он может ходить на четырех лапах. — Она выжидающе посмотрела на Исидора. — Что случилось? Вы ничего не потеряли. Мы заплатим за паука по… как это называется… по каталогу Сидни. Не дуйтесь же. Может, вас расстроила передача Бастера? Ну, отвечайте же!

Исидор промолчал, не обращая внимания на руку женщины, которую та положила ему на локоть.

— Он расстроился, потому что у него тоже есть генератор эмпатии.

— продолжила Прис. — Он стоит в другой комнате. Ведь ты пользуешься им, Дж. Р.?

— Конечно, пользуется, — сказал Рой. — Все они пользуются… пользовались. Может быть, хоть теперь задумаются.

— А я не думаю, что передача станет концом культа Сострадального, — заявила Прис. — Но сейчас многим людям-человекам совсем невесело. Мы ждали многие месяцы, — сказала она Исидору. — Мы знали, что это должно произойти. Почему бы и нет? Ведь Бастер — один из нас.

— Бастер Дружби — андроид, — пояснила Ирмгард. — И никто не знает об этом. Ни один человек, то есть.

Прис щелкнула ножницами, отреза пауку еще одну ножку. Исидор неожиданно для самого себя оттолкнул ее от стола, взял осторожно покалеченное насекомое, отнес его к раковине и утопил. Внутри него, так же быстро, как паук, умерла надежда.

— Он и в самом деле расстроен, — нервно сказала Ирмгард.

— Отчего вы так смотрите, Дж. Р.? От чего молчите? — Она повернулась к Прис и мужу. — Нет, когда он вот так просто стоит перед раковиной и молчит, мне страшно. Это выводит меня из себя. Вы заметили? Он не сказал ни слова с момента, как подключил телевизор.

— Дело вовсе не в телевизоре, — отмахнулась девушка.

— Дело в, пауке. Ничего, он преодолеет депрессию, — успокоила она Ирмгард, которая направилась в гостиную выключить телевизор. Рой Бейти рассматривал Исидора с легким любопытством.

— Все позади, Ис. Для Сострадального, то есть, — поправился он, выуживая из раковины трупик паука. — Может быть, это был последний паук на Земле. Последний живой паук. Значит, для пауков тоже все кончено.

— Я… я плохо себя чувствую, — выдавил из себя Исидор.

Отвернувшись спиной к андроиду, он достал из шкафа чашку и некоторое время, неизвестно как долго, стоял в неподвижности. Потом снова обернулся:

— Значит, небо позади Сострадального не настоящее, а нарисованное?

— Ты же видел увеличенный кадр. Видел мазки краски.

— И все же Сострадализм не погиб.

Что-то с этими тремя андроидами было не в порядке, что-то с ними произошло ужасное.

«Паук, — понял Исидор. — Возможно, это действительно был *последний* живой паук на Земле. Теперь паука больше нет. И Сострадального тоже нет».

Пыль и мусор квартиры, как показалось вдруг Исидору, покрыли всю Землю. Наступление мусоризации. Конечное разрушение форм. Конец порядка. Деформация нарастала, в то время как он стоял, сжимая фаянсовую чашку. Ей предстояло победить навсегда. Заскрипели кухонные шкафы, пошли трещинами. Исидор почувствовал, как прогибается под ногами пол, дотронулся до стены — ее поверхность тоже просела, серая штукатурка посыпалась на пол, как радиоактивная пыль, оседавшая на землю с неба. Он сел за стол, но ножки его, как проржавевшие пустые трубки, подкосились, одновременно с ножками стула. Он быстро вскочил, попытался поправить стул, но тот распался у него в руках — на пол посыпались шурупы, скреплявшие ранее его части. Чашка, оставленная на столе, покрылась паутиной трещин, от стенки ее отскочил кусок, обнажая грубую, неглазурованную поверхность.

— Что он там делает? — донесся издалека голос Ирмгард.

— Вы все разрушите, Исидор! Остановитесь!

— Это не я, — сказал Исидор и, нетвердо ступая, вышел в гостиную, чтобы остаться наедине с самим собой. Он остановился возле сломанной кушетки и уставился на желтую стену в пятнах от когда-то ползавших по ней клопов. И снова вспомнил о мертвом пауке с четырьмя ногами.

«Все пришло в негодность, — дошло до него. — Все начало разрушаться очень давно, и упадка теперь не остановить. Мертвый паук победил»

В провалах оседающего пола показались тела мертвых животных. Голова какой-то птицы, мумифицировавшийся трупик обезьяны. Неподалеку, словно живой, стоял ослик, еще не тронутый разложением. Исидор направился к нему, слыша, как хрустят под подошвами хрупкие, как высохшие стебли, косточки мертвых существ. Но до ослика (любимого его животного!) он добраться не успел. Откуда-то слетевший иссиня-черный ворон

устроился на серой голове с длинными ушами.

«Не надо!» — громко вскрикнул Исидор. Но ворон быстро выклевал глаза.

«Опять, — подумал он. — Снова со мной случилось ЭТО. Я еще долго не выберусь наверх. Как в прошлый раз. Это всегда очень долго, потому что здесь, внизу, ничего не меняется…» Зашелестел пересохший ветер, кучки костей вокруг Исидора начали рассыпаться в пыль. «Их разрушает даже ветер, — подумал он. — На этом этапе. Пока еще не пришло время… Если бы я вспомнил, как мне отсюда выбраться…»

Его окружала вечность.

«Сострадальный, — подумал он, — где ты сейчас? Это могильный мир, я снова здесь, но на этот раз тебя нет со мной…» Что-то ползло по ноге. Он наклонился, всмотрелся… И обнаружил искалеченного паука, толчками передвигающегося на четырех ногах. Исидор осторожно поддел его ногтем и положил на ладонь.

«Да. КОСТИ СНОВА ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ПЛОТЬ. Паук ожил. Сострадальный должен быть неподалеку». Снова налетел ветер, распыляя оставшиеся кости. Но Исидор чувствовал присутствие Сострадального. «Приди же, — позвал он. — Вползи по моей ноге, или найди какой-нибудь другой способ добраться до меня. Ладно? Сострадальный…» — Сострадальный!!! По всей равнине наступали сорняки, ввинчиваясь в щели руин, оплетая разрушенные стены, рассыпая семена, которые лопались, посылая к небу новые стебли, скрывая за ними куски стали и бетона там, где раньше были стены. Когда исчезли руины, осталось опустошение. Все вокруг оказалось покоренным опустошением, кроме невзрачной, хрупкой фигуры Сострадального. Старик стоял перед Исидором с безмятежным выражением на лице.

— Небо в самом деле нарисовано? Под увеличением в самом деле видны мазки краски?

— Да, — ответил Сострадальный.

— Я их не вижу.

— Ты слишком близко стоишь. Нужно отойти подальше, к андроидам. У них перспектива более выгодная.

— Они говорят правду, что ты — подделка?

— Я — подделка. С их точки зрения это правда. Они все очень добросовестно исследовали. Действительно, я — всего лишь престарелый отставной актеришко Ал Джарри. Их разоблачение верно и справедливо. Они взяли у меня интервью, и я сам рассказал им все, что они хотели. Всю правду.

— Даже насчет виски?

Сострадальный улыбнулся.

— Они хорошо поработали. И с их точки зрения разоблачение Бастера Дружби выглядит убедительно. Им весьма трудно будет понять, почему ты все еще здесь, а я — с тобой. — Описав рукой полукруг, он указал на опустошенные холмы. — Я поднял тебя из могильного мира. И буду поднимать. Тебе не придется больше искать меня. Я всегда буду с тобой.

— Мне не понравилось насчет виски, — сказал Исидор. — Это унижает.

— Это потому, что ты — высокоморальная личность. А я — нет. Я не берусь судить других, даже себя. — Сострадальный протянул руку вперед, ладонью вверх. — Чтобы не забыть… Это тебе.

На сухой, морщинистой ладони сидел паук. Только теперь все его восемь ног были в целости.

— Спасибо, — сказал Исидор, принимая паука. — Я…

Аварийный сигнал системы оповещения заставил андроидов вскочить на ноги.

— Охотник! — закричал Рой Бейти. — Выключить свет, весь! Оттащите его от генератора! Он должен стоять у двери наготове. Скорей… ТАЩИТЕ ЕГО!

19

Опустив взгляд, Исидор увидел собственные руки, сжимающие рукоятки генератора эмпатии. Пока он непонимающе глядел на них, комната погрузилась во тьму.

— Послушайте, Дж. Р….

Ирмгард схватила его за плечо, ногти впились в мышцы. Казалось, она не сознавала, что делает. В смутном свете окна лицо ее исказилось, потеряло симметрию. Оно стало плоским, как тарелка, жалким, трусливым…

— Ты должен подойти к двери, — шептала женщина. — Когда он постучит… Если вообще станет стучать… Покажешь ему документы и скажешь, что в этой квартире больше никого нет. И потребуешь ордера на обыск.

— Не позволяй ему войти, Дж. Р., — так же тихо, скороговоркой зашептала в другое ухо Прис. — Сделай, что угодно, скажи, что угодно, только останови его… Ты понимаешь, что сделает охотник, если ворвется сюда? Понимаешь?

Отшатнувшись от андроидов-женщин, Исидор ощупью добрался до двери. Пальцы нащупали ручку. Он чувствовал, что холл за дверью так же пустынен, как и всегда. Пустой, гулкий и безжизненный.

— Ты что-нибудь слышишь? — спросил Рой Бейти, неслышно прокравшись за ним. Исидор почувствовал резкий, неприятный запах страха, который, изливаясь наружу, создавал что-то вроде дымки вокруг андроида.

— Выйди и посмотри.

Скорее почувствовав, чем расслышав приказ, Исидор открыл дверь и всмотрелся в сумрачный холл. Воздух снаружи казался свежим, несмотря на тяжесть пыли. Он все еще держал ладони паука, которого дал ему Сострадальный. Был ли это паук, которому Прис отрезала ножки? Вероятно, нет. Но, в любом случае, он был живым, ползал внутри сжатого кулака и не кусался. Как у большинства маленьких пауков, у него были очень слабые жвалы, неспособные прокусить грубую кожу человеческой ладони. Осмотревшись, Исидор вышел, обошел холл и спустился по ступенькам туда, где раньше была терраса-балкон с садом. Сад исчез, балкон треснул во время войны, но Джон знал безопасный маршрут и, миновав часть фасада, подошел к единственному клочку зелени в округе — квадратному ярду засыхающей, прибитой пылью сорной травы. На эту траву он и пустил паука, ощутив легкое щекотание, когда насекомое пробежало по ладони. Итак, с этим покончено. Вспыхнувший внезапно луч света

сфокусировался на сорняках, сделав их похожими на зловещие персонажи страшной сказки. Теперь Исидор увидел своего паука — тот отдыхал на иззубренном листке.

— Что вы делаете? — спросил хозяин фонарика.

— Выпускаю паука, — удивился Исидор. — Разве не видно? — В свете желтого луча насекомое казалось крупнее, чем на самом деле. — Чтобы он мог убежать.

— Но почему бы вам не посадить его банку, не забрать себе? По январскому каталогу Сидни пауки всех видов в розничной торговле подскочили в цене на десять процентов. Вы могли бы получить за него сотню с чем-то долларов.

— Яне могу, — сказал Исидор. — Если я отнесу его обратно, она разрежет его на части, кусочек за кусочком. Просто так, чтобы посмотреть, что он будет делать.

— С андроидами это бывает.

Мужчина сунул руку в карман плаща, достал что-то и протянул Исидору. В неверном свете фонарика охотник казался обычным человеком, совсем заурядного вида. Клерк какой-нибудь фирмы. Держится свободно. Вовсе не полубог. Совсем не такой, как представлялся недавно Исидору.

— Я — следователь департамента полиции Сан-Франциско, Рик Декард. — Захлопнув удостоверение, мужчина сунул его обратно в карман плаща. — Они там, наверху? Все трое?

— Понимаете, дело в том, что я за ними присматриваю, — сказал Исидор. — Забочусь о них. Там две женщины. Остальные члены их группы погибли. Я принес телевизор из комнаты Прис, чтобы они могли смотреть Бастера Дружби. Вы видели? Он доказал… доказал, что Сострадального не существует.

Он чувствовал приятное возбуждение. Ему известна такая новость, а охотник, наверное, еще не слышал о ней.

— Пойдем наверх, — указал стволом невесть откуда взявшегося лазера охотник, потом медленно опустил оружие. — Вы ведь специал, верно? Недоумок?

— Но у меня есть работа. Я — водитель фургона доставки в… — Он с ужасом обнаружил, что забыл название. — В ветеринарной больнице… лечебнице Ван Несса… которой владеет Ганнибал Слоут.

— Вы покажете мне, в какой они квартире? — спросил охотник. — Здесь более тысячи квартир. Вы сберегли бы мне массу времени.

Голос его был тихим от усталости.

— Если вы их убьете, то не сможете больше сливаться с Сострадальный, — сказал Исидор. — Никогда.

— Значит, покажете? На каком этаже? Скажите только этаж. С

квартирой я сам…

— Нет, — ответил Исидор.

— В соответствии с федеральным и государственным законодательством… — начал было Рик, но решил не продолжать допроса. — Спокойной ночи, — сказал он и ушел по ступеням вверх. Фонарик кровоточил бледным желтоватым светом. Оказавшись внутри блока, Рик выключил фонарик и двигался дальше в свете редких лампочек на потолке холла, занятый своими мыслями.

«Недоумок понимает, что они — андроиды. Он знал это еще до того, как я ему сказал. Но… не понимает. С другой стороны, кто действительно может это понять? Я? Понимаю ли я? И один из них будет копией Рэйчел… Возможно, специал был с ней. Интересно, как ему это понравилось? Наверное, именно этот андроид и мог бы покалечить паука… Можно было бы вернуться и забрать насекомое, — сообразил он внезапно. — Я еще никогда не находил настоящего, живого дикого животного. Должно быть, это фантастическое ощущение — увидеть неожиданно нечто движущееся. Может, когда-нибудь и со мной это случится…»

Размышляя, Рик установил на полу подслушивающее устройство — вращающийся тупорылый детектор и блип-экран. В тишине холла экран ничего не демонстрировал. Но по вертикали аппарат засек слабый сигнал. «Наверх!»

Он собрал приборы, взял чемоданчик и поднялся по лестницей на следующий этаж. В тени холла второго этажа Рик уловил краем глаза какое-то движение — кто-то спрятавшийся поджидал его появления. «Еще раз шевельнется — отправлю на покой». Трубка лазера показалась вдруг ему такой тяжелой, что он вряд ли бы смог поднять ее и прицелиться. Неожиданно. Врасплох. Рано. Слишком рано!

— Я не андроид, — сказал человек в тени. — Меня зовут Сострадальный. — И вышел в освещенную полосу. — Я обитаю в этом доме ради мистера Исидора. Специала, у которого был паук. Вы беседовали с ним, снаружи.

— Разве я теперь вне Сострадализма? — спросил Рик. — Так сказал мне этот недоумок. Он прав? И все из-за того, что мне предстоит сделать?

— Мистер Исидор говорил от своего имени, а не от моего. Делайте свое дело. — Подняв руку, он указал на лестничную площадку позади Рика. — Я просто хочу предупредить вас. Один из ваших андроидов притаился тут — самый трудный из троих, вы должны устранить его первым. — Старческий голос обрел вдруг неожиданную мощь. — Быстрее, мистер Декард! НА СТУПЕНЬКАХ!

Выставив впереди себя лазер, Рик стремительно развернулся на полусогнутых ногах, оказавшись лицом к лестничному пролету. По ступенькам бежала женщина. Он узнал ее и опустил оружие.

— Рэйчел… Неужели же она последовала за ним, выследила и… и собирается выполнить свое обещание насчет того, другого андроида?

— Возвращайся в Сиэтл, Рэйчел! Сострадальный сказал, что я должен ЭТО сделать…

И тут он понял, что это совсем не Рэйчел.

— Ради всего, что мы значили друг для друга, — говорил андроид, приближаясь с протянутыми в мольбе руками.

«Одежда… Одежда другая. Но глаза… те же самые глаза! Их, таких, может быть целый легион… У каждой свое имя, и все как две капли оды похожи на Рэйчел Розен… Рэйчел… Прототип, который компания использует для защиты остальных копий!»

Эти мысли вихрем пронеслись в его голове и, когда в руке андроида блеснул металл, он выстрелил почти с жалостью. Андроид словно лопнул, во все стороны полетели куски. Рик закрыл лицо руками, потом снова открыл глаза, услышав какой-то стук — это катилась по ступенькам лазерная трубка. Как сказал Сострадальный? Самый трудный из троих… Рик огляделся. Старика не было видно. «А ведь с помощью Рэйчел Розен они могут преследовать меня, пока я не умру… Интересно, что будет дальше?» Только теперь он вспомнил об оставшихся андроидах. Третий был вне квартиры, как сказал Сострадальный… «А ведь старик хранит меня, — понял вдруг Рик. — Он возник, чтобы помочь мне. Если бы не его помощь, она… оно… оно прикончило бы меня. С остальными я теперь справлюсь. Самое невозможное позади. Она была уверена, что я не смогу сделать это… Но я смог, и теперь все позади. Я сделал то, чего сделать не мог! И теперь Бейти мне не страшен. Я отправлю его на покой стандартно. Будет трудно, но смогу. Теперь».

Холл был пустынен. Сострадальный исчез, оказав необходимую помощь. Рэйчел, то есть Прис Страттон, перестала существовать. Но где-то в этом здании, в одной из квартир, ждали супруги Бейти. Они наверняка уже знали обо всем, что произошло. Может быть, уже испугались. Если бы не Сострадальный, для него все было бы уже кончено. Но теперь все кончено для них. Да, нужно кончать. И как можно быстрее. Детектор почти сразу засек наличие цефалической активности. Отбросив ненужный теперь аппарат, Рик забарабанил в дверь.

— Кто там? — ответил мужской голос.

— Я, мистер Исидор, — сказал Рик. — Впустите меня. Я ведь о вас забочусь: двое из вас — женщины.

— Нет, — произнес женский голос.

— Но я хочу смотреть передачу Бастера Дружби. Теперь, когда он доказал, что Сострадальный не существует, очень важно смотреть все его передачи. Вы помните меня? Я вожу фургон доставки для ветеринарной лечебницы Ван Несса, которой владеет мистер Ганнибал Слоут. По этому откройте, п-пожалуйста, дверь. Эт-то моя квартира.

Он подождал немного, и дверь приоткрылась. Внутри было темно, на фоне окна смутно вырисовывались две фигуры. Одна фигура, пониже ростом, отшатнулась и сказала женским голосом:

— Вы сначала обязаны протестировать…

— Слишком поздно, — отрезал Рик. Высокая фигура налегла на дверь, одновременно пустив лазерный луч, Рик уклонился.

— Теперь вы потеряли законное право на тест, — констатировал он спокойно. — Собственно, это и так не имеет значения.

Рой снова послал луч, снова промахнулся, бросил лазер и исчез в глубине квартиры.

— Почему Прис не убила вас? — дрожащим голосом спросила женщина.

— Прис не существует, — ответил он. — Есть только Рэйчел Розен, снова и снова Рэйчел Розен. Простите, миссис Бейти.

Вспышка — и Ирмгард Бейти перестала существовать, как и Прис Страттон. Из другой комнаты донесся стон Роя, полный бессильной ярости и муки.

— Ладно. Пусть ты и любил ее, — сказал Рик. — А я любил Рэйчел.

А специал любил Прис — другую Рэйчел. Через несколько секунд с Роем было покончено. Его большое тело тяжело рухнуло, увлекая за собой кухонный столик со стоящими на нем тарелками и прочей утварью. Рефлекторные контуры заставили конечности еще несколько раз дернуться, но андроид был уже практически мертв. Рик перестал обращать на него внимание еще до того, как тот умер. «Я покончил с последним. Шестеро за один день. Почти рекорд. Теперь можно лететь домой, к моей Иран и моей козе. И на некоторое время у нас будет достаточно денег». Дверь открылась, на пороге возникла фигура Дж. Р. Исидора.

— Лучше не смотрите, — сказал Рик.

— Я видел. Там, на лестнице… Прис… — Специал плакал.

— Не принимайте все это близко к сердцу, — попросил Декард, с трудом поднимаясь с кушетки — голова его шла кругом. — Где у вас видеофон?

Специал не ответил. Рик сам нашел аппарат и набрал номер кабинета Гарри Брайанта.

20

— Отлично, — сказал инспектор, выслушав отчет. — Теперь тебе нужно немного отдохнуть. За телами андроидов мы вышлем патрульный кар.

Рик повесил трубку.

— Андроиды тупы, — яростно набросился он на специала. — Рой Бейти не смог отличить вас от меня, поэтому и открыл дверь. Скоро здесь будет полиция. Может, вам лучше перейти в другую квартиру, пока они не закончат? Не думаю, что это приятно…

— Я уезжаю отсюда, — сказал Исидор. — Я х-хочу жить п-поближе к ц-центру, где б-больше людей.

— Кажется, в моем жилом блоке есть пустые квартиры…

— Я не х-хочу жить с в-вами рядом, — заикаясь, выдавил специал.

— Идите в холл, — посоветовал Рик. — Или на крышу. Не надо здесь оставаться.

Исидор некоторое время топтался нерешительно, не зная, что делать. На лице его отражалась целая последовательность немых чувств. Потом, повернувшись, он покинул квартиру, оставив Рика в одиночестве.

«Что за работа. Я стал наказанием, посланным с неба. Как голод, как чума. Куда бы я ни шел, за мной следует древнее проклятье. Как сказал Сострадальный, мне *приходится* поступать плохо. Все, что я делал, с самого начала было плохо, неправильно. Что ж, в любом случае мне пора домой. Возможно, дома я смогу забыть…»

Иран встретила его на крыше блока. Это само по себе было удивительно, но и выглядела она как-то необычно. За все годы супружества он никогда не видел жену такой.

— Все позади. — Рука его легла на ее плечо. — Знаешь, я подумал, что Гарри Брайант мог бы перевести меня в отдел…

Она подняла голову.

— Я должна сказать тебе, Рик… мне ужасно жалко… но наша коза погибла.

Он почему-то даже не удивился. Только почувствовал себя хуже — к давлению, сжимавшему его со всех сторон, добавилась новая количественная единица.

— Кажется, в контракте есть пункт о гарантии. Да, я помню точно. Если в течении девяноста дней животное заболеет, то продавшая его компания должна…

— Она не заболела. Кто-то… — Комок в горле мешал ей говорить. — …Кто-то проник сюда, вывел козу из клетки,

подтащил к краю крыши… и…

— И столкнул вниз?

Она молча кивнула.

— Ты видела, кто это сделал?

— Да, я очень хорошо ее рассмотрела. Барбур, который возился в этот момент со своей лошадью, вызвал полицию… Но коза умерла, а девушка улетела. Невысокая, очень молодая девушка, с темными волосами и большими черными глазами, очень тонкая. В длинном чешуйчатом серебристом плаще. У нее была сумка через плечо, вроде почтовой. И она даже не пыталась скрыться от нас. Словно ей было все равно.

— Да, все равно…

Рэйчел было наплевать, увидишь ты ее или нет. Может быть, ей даже хотелось, чтобы ты увидела, и чтобы я знал, что это сделала именно она…

Она подняла полные слез глаза, он нежно поцеловал ее в лоб.

— Ты все это время ждала меня наверху?

— Всего полчаса. Это случилось как раз полчаса назад… как это ужасно… и бессмысленно….

— В этом был смысл. У нее была причина, с ее точки зрения…

Махнув рукой, Рик вернулся к своему кару и сел за руль.

— Куда ты? Тебе не хочется домой? Только что Бастер Дружби сделал просто шокирующее заявление — что Сострадальный… что Сострадализм — надувательство. Что ты думаешь об этом? Неужели все обстоит именно так? Неужели это правда?

— Все правда, — ответил он. — Все, что кто-то когда-то подумал — правда.

И резко повернул ключ зажигания.

— С тобой все будет в порядке?

— Со мной все будет в порядке.

Она помахала ему рукой и пошла к лифту. «Я умру, — подумал он. — Со мной все будет в порядке. Я умру…»

Кар взмыл в ночное небо. «Когда-то на небе сияли звезды… Это было так много лет тому назад. Сейчас в небе только пыль. Уже давно никто не видел звезды… по крайней мере, с Земли. Может, я отправлюсь туда, где видны звезды?»

Машина на максимальной скорости удалялась от Сан-Франциско, взяв курс на необитаемые пустынные районы севера, куда не отправилось бы ни одно живое существо. Если бы только не чувствовало приближение конца.

21

В свете раннего утра перед ним, насколько хватало глаз, простиралась бесплодная серая плоскость. Валуны величиной с дом замерли, накатившись когда-то друг на друга, зрелище это было одновременно и великолепным, и тоскливым.

«Похоже на склад, — подумал Рик. — Когда весь груз уже отправлен, и остались только ящики, контейнеры и упаковка, — никому не нужные вещи. А ведь когда-то здесь зеленели поля, паслись животные… Какая замечательная мысль! Когда-то здесь паслись животные… Какое странное место, чтобы умереть…»

Он опустил кар ниже и какое-то время летел над самой землей. «Интересно, что думает сейчас обо мне Дейв Холден? В каком-то смысле я — один из самых великих охотников на андроидов за все существование этой профессии. Еще никому не удавалось отправить на покой шесть „Узлов-6“ в течение двадцати четырех часов, и никто, вероятно, не повторит такого достижения. Надо позвонить ему». Впереди плавно поднялся склон холма, земля угрожающе приблизилась. Рик взял на себя руль. «Усталость. Не следует так подолгу сидеть за рулем». Он выключил зажигание, мягко спланировал и посадил машину. Попрыгав среди камней, кар остановился, заскрипев шасси. Поднял трубку видфона, Рик набрал номер оператора связи управления в Сан-Франциско.

— Дайте мне госпиталь в Маунт-Сион.

На экране появилась телефонистка.

— Госпиталь слушает.

— У вас есть пациент по имени Дейв Холден, — сказал Рик. — Могу ли я поговорить с ним? Он хорошо себя чувствует?

— Минуту, сэр, я проверю.

Экран померк. Рик втянул в ноздри щепотку специальной нюхательной смеси д-ра Джонсона, поморщился, открыл окно и выбросил маленькую желтую жестянку с порошком на кучу битого щебня. Экран снова ожил.

— Нет, сэр. Доктор Коста считает, что состояние мистера Холдена не позволяет ему разговаривать по телефону, даже в срочных, чрезвычайных случаях…

— Дело касается управления полиции, — сказал Рик, поднеся к экрану удостоверение.

— Одну минутку, сэр.

Оператор опять исчезла. Время шло. Рик зябко поводил плечами. Без нагревателя температура в кабине быстро падала.

— Доктор Коста говорит, что мистер Холден не может…

— Хорошо, — сказал Рик. И повесил трубку. Воздух снаружи пах чем-то отвратительным. Рик закрыл окно.

«Дейв в самом деле вышел из игры. Как это они не прикончили меня? Наверное, потому что я действовал быстрее. Все в один день. Они не ожидали. Брайант был прав».

В кабине стало слишком холодно, он открыл дверцу и вылез наружу. Какой-то неожиданный, стегающий ветер просочился под одежду. Рик принялся ходить туда-сюда, потирая ладони.

«Было бы лестно, если бы Дейв похвалил меня, — осознал он. — Поддержал бы меня, одобрил бы мои действия… Но понял бы другое, чего не понимает даже Сострадальный. Сострадальному все легко, потому что он все принимает, как есть. Ему ничто не чуждо. Но то, что сделал я, становится для меня чуждым. Собственно, я весь превратился в нечто противоестественное, ложное. Мое „я“ превратилось в „анти я“.»

Он поднимался все выше и выше по склону, и с каждым шагом давивший его груз увеличивался в весе. Остановившись, он вытер стекающий в глаза пот — соленые слезы, источаемые его кожей, всем ноющим телом. Потом, рассердившись, плюнул с яростью и презрением к себе, и снова полез вверх. В одинокой, незнакомой местности, вдали от всего. Здесь жил только он, и больше не было ничего живого. Жара. Совершенно неожиданно ему стало жарко. Очевидно, прошло довольно заметное время. И еще он почувствовал голод. Жара и голод объединились в ядовитое ощущение, ощущение проигрыша, поражения.

«Да. Так оно и есть. Каким-то непонятным образом я, герой дня, рекордсмен, потерпел поражение. Потому что убивал андроидов? Или потому, что Рэйчел убила мою козу?»

Он не знал ответа. Но по мере продвижения вперед смутная, почти нереальная дымка окутала его сознание. Он вдруг обнаружил себя на расстоянии шага от пропасти, от смертельного падения. И не представлял, как это могло случиться. Беспомощное, унизительное падение, вниз и вниз, и никто бы его не увидел, здесь нет никого, кто мог бы оценить глубину падения и мужество, которое могло бы появиться в конце. Оно тоже осталось бы незамеченным. Мертвые камни и пыльные сухие травы не обладают памятью, не умеют говорить… И в этот миг его ударил первый камень. Он был совсем не из резины. И попал Рику прямо в пах. И боль, настоящее понимание одиночества и абсолютного страдания коснулись его со всей обнаженной жестокостью своего естества. Он остановился. Потом, подчиняясь неясному побуждению, продолжил подъем.

«Я двигаюсь без участия собственной воли. И само по себе это ничего не значит».

— Сострадальный… — задыхаясь, выдавил Рик и замер, увидев впереди мутную, неподвижную фигуру. — Вилбур Сострадальный, это ты?

«Боже, — понял вдруг он. — Да это же моя тень! Нужно выбираться отсюда! Вниз!»

И кинулся бежать. Один раз оступился и упал. Облако пыли затянуло все вокруг. Бежать по ненадежной, скользяще гальке было трудно. Через какое-то время, показавшееся ему вечностью, далеко впереди появились очертания кара.

«Я вернулся, — сказал он себе. — Я спустился с холма. Но кто же бросил в меня камень? Никто. Почему же это причиняет мне беспокойство? Со мной уже бывало подобное, во время слияний, как и со всеми остальными. Ничего нового… Ничего? Ведь на этот раз я был один…»

Добравшись наконец до такого реального, знакомого до каждого винтика кара, Рик забрался в кабину, вытащил, дрожа, из отделения перчаток новую коробочку нюхательной смеси, снял предохранительную ленту и вдохнул солидную порцию порошка. Он отдыхал, наслаждался, свесив ноги из кабины. Подошвы ботинок покоились на пыльной сухой земле.

«Не стоило сюда соваться».

Его одолевала слишком большая усталость, чтобы сразу отправляться в обратный путь.

«Если бы я мог поговорить с Дейвом, все бы было уже в порядке. Я вернулся бы домой, лег в постель… У меня по-прежнему есть электроовца и работа. Значит, будут новые андроиды. Моя работа не кончена, я еще не устранил последнего анди на Земле. Вот, наверное, в чем все дело! Я боюсь, что их больше не осталось».

Посмотрев на часы, Рик увидел, что уже девять тридцать, снял трубку видфона и набрал номер Зала Правосудия на Ломбард-стрит.

— Мне нужно поговорить с инспектором Брайантом.

— Инспектор улетел в личном каре, — улыбнулась мисс Уайлд, телефонистка управления. — В настоящее время я не могу связаться с ним. Вероятно, он временно покинул машину.

— Он не сказал, куда направляется?

— Что-то насчет андроидов, которых вы отправили на покой прошлой ночью, — опять улыбнулась она.

— Дайте мне моего секретаря.

— Пожалуйста, сэр. Секунду спустя лицо телефонистки сменило улыбающееся на весь экран лицо Энн Марстен.

— О, мистер Декард! Инспектор Брайант пытался вас найти. Кажется, он собирается поставить начальство в известность о том,

что вы устранили шесть…

— Я знаю, что я сделал, — напомнил он.

— До сих пор такое никому не удавалось! Да, мистер Декард, еще звонила ваша жена. Спрашивала, все ли с вами в порядке. С вами все в порядке?

Он промолчал.

— Во всяком случае, — рассудительно сказала секретарь, — вам следует позвонить ей. Она просила передать, что будет ждать вас дома.

— Вы слышали, что случилось с моей козой?

— Нет. Я даже не знала, что у вас есть коза.

— Они отобрали ее.

— Кто? Похитители животных? Мы только что получили донесение — новая крупная банда, преимущественно подростки, действует в…

— Похитители жизней, — сказал он.

— Не поняла, мистер Декард? — Она внимательно смотрела на него.

— Мистер Декард, у вас жуткий вид. Боже, кровь!

Подняв руку, Рик ощутил пальцами нечто мокрое. Наверное, в него попал еще один камень. А он и не заметил.

— Вы выглядите, как Вилбур Сострадальный, — сказала мисс Марстен.

— Да, — кивнул Рик. — Я — Вилбур Сострадальный. Я, наверное, навсегда слился с ним. И не могу отсоединиться. Сижу и жду, пока отсоединюсь. Где-то у границы с Орегоном.

— Выслать кого-нибудь? Патрульный кар? Чтобы вас забрали.

— Нет, спасибо, — сказал он. — Я больше не работаю в управлении.

— Вы, наверное, вчера сильно устали, мистер Декард, — мягко произнесла секретарь. — Вам необходимо лечь в постель, отдохнуть… Вы — наш лучший охотник, мистер Декард, самый лучший за все время работы управления. Я передам инспектору Брайанту, что вы отправились домой. И немедленно позвоните жене. Она жутко волнуется. Честное слово. Вы оба в ужасном состоянии.

— Это из-за козы, — объяснил он. — А не из-за андроидов. Рэйчел ошиблась. Мне было совсем не трудно их устранять. И специал тоже ошибся насчет того, что я не смогу сливаться с Сострадальным. Прав был только сам Сострадальный.

— Вам бы лучше вернуться в город, мистер Декард. Ближе к людям. Там, в Орегоне, совершеннейшая пустыня, правда? Вы ведь совершенно один?

— Как странно, — сказал Рик. — У меня была полная,

совершенная иллюзия, что я превратился в Сострадального, что в меня швыряют камни. Это не совсем то, что слияние через генератор. Тогда чувствуешь себя *рядом* с Сострадальным. Но на этот раз никого, кроме меня, здесь не было. Понимаете, я был один.

— Теперь говорят, что Сострадальный — надувательство.

— Нет, не надувательство, — покачал он головой. — В таком случае, сама реальность — надувательство.

Ему вспомнился холм. Холм, пыль и камни…

— Боюсь, я уже не смогу рассоединиться с Сострадальным. Здесь стоит начать — и отступать уже поздно. «Неужели опять карабкаться на холм?.. Вечный путь вверх… Как и Сострадальный, я попал в ловушку вечности».

— До свидания, — сказал он и хотел дать отбой.

— Но вы позвоните жене? Обещаете?

— Да, — кивнул Рик. — Спасибо, Энн. И повесил трубку.

«Скорее в постель, отдохнуть… В последний раз я ложился в постель с Рэйчел. Нарушение закона. Половые сношения с андроидом. Абсолютно запрещено законом на Земле и в колониях… Сейчас она, наверное, уже в Сиэтле. Вернулась в компанию Розена, к другим андроидам. Если бы я смог сделать с ней то же, что она сделала со мной… Нет, с андроидом не вышло бы — ему ведь все равно. Но, если бы я убил ее прошлой ночью, моя коза была бы жива. Вот когда я принял неверное решение. Да… Все началось с того, что я лег с ней… Но в одном ты права, Рэйчел — я на самом деле изменился. Только не так, как ты предсказывала. Все хуже, гораздо хуже… И, тем не менее, мне все равно. На самом деле. Я уже не волнуюсь. После того, что было у вершины… Интересно, что бы произошло, достигни я вершины? Ведь, как нам кажется, именно там умираех Сострадальный… Но, если я — Сострадальный, я никогда не умру, даже за тысячу лет. СОСТРАДАЛЬНЫЙ БЕССМЕРТЕН!»

Потянувшиись, он снял трубку видфона, чтобы позвонить жене. И замер.

22

Он медленно опустил трубку в гнездо, глаза его были устремлены в одну точку, снаружи. На пыльной серой земле что-то шевельнулось. Маленькое вздутие, холмик между двумя камнями.

«Животное», — сказал он себе. Сердце бешено колотилось. «Я знаю, что это. В старых фильмах, которые показывают по правительственному каналу… Но они же вымерли!» Дрожащими руками Рик вытащил свой помятый каталог и лихорадочно перелистал.

«Жабы (Буфониды) — Все разновидности — В. (вымерли).» Вымерли много лет назад. Самые любимые Вилбуром Сострадальным существа, наряду с осликами. И все же лягушек и жаб он любил больше. «Нужна коробка!»

На заднем сидении не нашлось ничего подходящего. Тогда, выпрыгнув наружу, Рик поспешил к багажному отделению, где в картежном контейнере хранился запасной топливный насос. Он освободил коробку, положил в нее немного ветоши и начал медленно подкрадываться к жабе, не спуская с нее глаз. Жаба по цвету полностью сливалась с окружающей пылью. Может быть, она эволюционировала, приспособилась к новому климату, как приходилось это делать ее предкам в давние времена. Он никогда бы не увидел ее, если бы она не зашевелилась, а ведь сидел всего в метре. Что происходит, если вы находите животное, считавшееся вымершим? Такое бывает очень редко. И происходит что-то важное. Почетный орден от ООН. И премия, достигающая миллиона долларов. К тому же находка — любимое Сострадальным существо. «Боже, этого не может быть! Наверное, воздействие радиации… вдруг я стал специалом? Что-то случилось со мной, как с недоумком Исидором и его пауком… Все это устроил Сострадальный? Нет, я сам. Это я нашел жабу. Потому что смотрел глазами Сострадального».

Он присел на корточки рядом с животным. Жаба, выкопав в пыли углубление, спряталась, и теперь были видны только глаза. Обмен ее веществ быстро замедлился, она погрузилась в какой-то транс — в глазах не тлело даже искры активности. Животное не чувствовало присутствия человека. Он с ужасом подумал, что она умерла. От жажды наверное… Но ведь совсем недавно шевелилась!

Поставив коробку, он начал осторожно сметать с жабы пыль. Она, казалось, ничего не имела против — не осознавала его присутствия. Взяв животное в ладони, он ощутил необычную

прохладность. Тельце казалось сморщившимся, сухим и таким холодным, словно жаба жила в миле под поверхностью земли, где никогда не бывает солнца. Внезапно она зашевелилась — упираясь задними лапками, вяло попробовала освободиться. Большая, взрослая, опытная жаба. Она смогла выжить там, где люди не надеялись на жизнь. Кажется, здесь даже нет воды, чтобы откладывать икру. Значит, вот что способен увидеть Сострадальный — жизнь. Там, где ее больше никто не видит. Жизнь, по самую голову закопавшуюся в труп мертвого мира. В самый пепел Вселенной.

«Даже здесь Сострадальный различает неприметные искры жизни. Теперь я понимаю, — подумал Рик. — И, однажды посмотрев на мир глазами Сострадального, не смогу уже остановиться. У моей жабы андроиды не отрежут лапки, как это случилось с пауком недоумка».

Аккуратно перевязав коробку ветошью, он сел за руль и внезапно ощутил, что монументально давящая усталость исчезла.

«Иран! Она же ничего еще не знает!» Но звонить не стал. «Ничего, минут через тридцать-сорок я буду уже дома. Сделаю ей сюрприз».

Спустя секунду кар свечой взмыл в небо и умчался в сторону Сан-Франциско, лежащего в семи сотнях миль к югу. Сидя перед своим стимулятором настроения Пенфилда, Иран Декард указательным пальцем трогала циферблат набора кодов, не решаясь набрать комбинацию. Она чувствовала себя слишком разбитой, ей все было безразлично. Будущее рисовалось ей в мрачном свете.

«Вот если бы дома был Рик… Он заставил бы меня набрать „3“, и мне самой захотелось бы накрутить что-нибудь радостное, важное… или даже просто „888“ — желание смотреть телевизор, любую передачу… а что сейчас по телевизору?» Потом она опять подумала о Рике. «Куда он пропал? Может, летит домой… а может, и нет… наверное, считает, что у него нет больше дома…»

В дверь постучали. Отложив руководство по эксплуатации стимулятора, Иран вскочила на ноги, подбежала к двери и широко распахнула ее.

— Привет, — сказал Рик. Он стоял на пороге. Щека его была порезана, одежда стала мятой и серой от пыли. Пыль покрывала лицо, руки… все, кроме глаз. Сияющих глаз. Как у мальчишки, который вдоволь набегался во дворе и заскочил домой, поделиться впечатлениями приятного дня.

— Как хорошо, что ты вернулся, — сказала она.

— Я кое-что принес!

В руках он держал картонную коробку. Держал бережно, как

будто в ней хранилось что-то ломкое и слишком ценное.

— Я сварю тебе кофе.

Благодарно улыбнувшись, Рик присел к столу, не выпуская коробку из рук. Через минуту Иран поставила перед ним объемистую кружку и села напротив, внимательно рассматривая мужа. За все годы совместной жизни она не видела его таким. Что-то случилось. Но что? Он все еще держал коробку, словно боялся выпустить из рук нечто очень ценное. Улетев ночью в неизвестном направлении, Рик что-то привез… Видимо, в этой коробке и кроется причина такой разительной перемены в нем.

— Я хочу спать, — заявил он. — И буду спать целый день. Брайант сам предложил мне свободный день.

Поставив, наконец, коробку, Рик взял чашку и выпил горячий напиток.

— Что у тебя в коробке?

— Жаба, — ответил он, словно сам удивившись.

— Можно, я посмотрю?

Она внимательно следила, как он осторожно разматывает ветошь и снимает крышку.

— Ой! — В ее голосе почему-то прозвучал испуг. — Она не укусит?

— Возьми. Жабы не кусаются. У них нет зубов. — Рик достал животное, и она, подавив страх, подставила ладонь. — Я думала, они вымерли… — Перевернутая кверху брюшком жаба шевельнула слабыми, почти бесполезными лапками. — А они могут прыгать, как лягушки? Она не спрыгнет?

— У жаб слабые лапы, — пояснил Рик, гордый своими познаниями. — В этом и заключается основная разница между ними и лягушками. И еще вода. Лягушка держится около воды, а жаба может жить и в пустыне. Эту я нашел на границе Орегона, там, где все вымерло. — Он протянул руку, чтобы забрать животное, но Иран, заметив что-то, ковырнула пальцем живот жабы и, поддев ногтем, открыла миниатюрную контрольную панель. — Да… — Лицо Рика потемнело. — Да, понимаю. Ты права. Совершенно подавленный, он внимательно осмотрел поддельное животное, словно все не мог поверить, а потом аккуратно положил жабу обратно в коробку.

— Но как она могла оказаться в самой пустынной части Калифорнии? Не понимаю… Наверное, кто-то ее там оставил. Разве узнаешь теперь зачем?

— Извини, Рик, я виновата, нежно — коснулась его руки Иран. — Не надо было тебе показывать…

— Нет. Я рад, что знаю правду. — Он помолчал. — Да, предпочитаю знать.

— Может, включить стимулятор? Ты сразу почувствуешь себя лучше. Тебе стимулятор всегда помогал больше, чем мне.

— Спасибо. Я в норме, — Рик потряс головой, словно стараясь прояснить мысли. Он все еще не справился с ударом. — Паук, которого Сострадальный дал недоумку, тоже, наверное, был поддельным. Но неважно. Электрические создания тоже обладают какой-то своей жизнью. Какой бы жалкой она не была.

— У тебя такой вид, словно ты прошел сто миль, — с жалостью произнесла Иран.

— Трудный это был день, и очень длинный.

— Ляг, отдохни.

Рик уставился на нее, словно пораженный громом.

— Значит, все кончилось, да?

Он доверчиво ждал, что она ответит, словно жена должна была знать. Словно собственные его слова ничего не значили. Он сомневался в собственных словах. Но они стали бы реальностью, если бы она их подтвердила.

— Да, кончилось, — улыбнулась Иран.

— Боже, это было не задание, а какой-то марафон, — сказал Рик. — Стоило начать — и остановиться уже не было никакой возможности. А потом, когда было покончено с Бейти… мне уже нечего было делать… — Он помолчал, явно удивляясь тому, что собирался сказать. — Это было хуже всего… Да, ты была права сегодня утром. Я — всего лишь полицейский, грубый коп с грязными лапами…

— Но я больше не думаю так, — снова улыбнулась Иран. — Как хорошо, что ты вернулся, Рик! Она поцеловала его, и он, кажется, очень был этому рад. Лицо его прояснилось, как перед этим… ну, до того, как выяснилось, что жаба не настоящая.

— Ты считаешь, я поступал неправильно? — спросил он.

— Я не должен был делать того, что сделал?

— Не думаю.

— Сострадальный сказал, что это неправильно, но я все равно должен делать… Оказывается, иногда лучше сделать что-то неправильное, чем правильное.

— Это проклятие лежит на нас. Проклятие, о котором говорит Сострадальный.

— Пыль? — спросил он.

— Нет. Убийцы, настигшие Сострадального, когда ему было шестнадцать лет. Убийцы, которые запретили обращать вспять время и воскрешать к жизни мертвое. И теперь он может двигаться только с жизнью, в ту сторону, куда движется жизнь — к смерти. А убийцы бросают камни… Продолжают преследовать его. Нас всех, собственно говоря. Это одни из них порезал тебе

щеку?

— Да.

— Ты ляжешь? Я поставлю стимулятор на «760».

— А что это будет?

— «Давно заслуженный покой», — объяснила Иран.

С трудом поднявшись, он медленно пошел в спальню. С трудом поднявшись, он медленно пошел в спальню.

— Ладно.

Давно заслуженный покой и отдых… и растянулся на кровати. С волос и одежды на белые простыни посыпалась серая пыль. Иран поняла, что нет нужды включать стимулятор. Нажатием кнопки, она сделала окна спальни непрозрачными, и несколько секунд спустя Рик уже спал. Некоторое время Иран сидела рядом и, убедившись, что он не проснется вдруг, рывком, как иногда по ночам, когда ему снилось что-то страшное, вернулась на кухню и присела за стол. Жаба прыгала и шелестела внутри коробки. «А что она „ест“? Скорее, всего, искусственных мух». Открыв телефонную книгу, Иран нашла подзаголовок «Электроживотные» и набрала нужный номер.

— Могу я заказать у вас фунт искусственных мух, которые летали бы и жужжали, как настоящие?

— Это для электрочерепахи, мэм?

— Для жабы.

— О, тогда я могу предложить вам разнообразнейший ассортимент ползающих и летающих насекомых всех видов, включая…

— Мух будет вполне достаточно, — отказалась Иран. — Вы доставите? Я не хочу выходить из дома. Мой муж спит, и хотелось бы, чтобы он отдохнул как следует.

— Для жабы я порекомендовал бы также лужицу с автоматическим наполнением, — посоветовал продавец. — Если только это не рогатая жаба. То есть набор из песка, разноцветной гальки и частиц органического мусора. И, если вы собираетесь проводить циклы питания регулярно, то наш робот выполняет регулировку языка жабы. Для жаб это жизненно важно.

— Превосходно, — сказала Иран. — Я хочу, чтобы наша жаба работала идеально. Мой муж очень к ней привязан. — Она дала адрес и повесила трубку. И сразу почувствовав лучше, приготовила себе, наконец, чашку горячего черного кофе.

КОНЕЦ

Филипп К. ДИК

ГИБЕЛЬНЫЙ ТУПИК